

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
Алтайский государственный университет
МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Барнаульский юридический институт

Д.В. Ким

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ**

Монография

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛТАЙСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Барнаул 2008

ББК 67.629.3
К40

п. 1 плана выпуска литературы
БЮИ МВД России

Рецензенты:

- Н.П. Яблоков** – заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор;
Л.Я. Драпкин – заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор;
А.Е. Чечетин – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор.

Научный редактор:

- В.К. Гавло** – заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, член-корреспондент СО АН ВШ, доктор юридических наук, профессор.

Ким, Д.В.

К40 Теоретические и прикладные аспекты криминалистических ситуаций: монография / под ред. проф. В.К. Гавло. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – 196 с.

ISBN 978-5-7904-0813-7

В монографии системно, с учетом новых подходов в различных областях научного знания, рассматриваются теоретико-методологические аспекты функционирования категории «криминалистическая ситуация». Показаны структура и типология криминалистических ситуаций, а также их соотношение с достаточно новым, еще не устоявшимся в науке понятием – «оперативно-розыскная ситуация». На базе широкого обобщения материалов судебно-следственной практики, нормативных актов и литературы, в развитие идей профессоров Н.П. Яблокова, Л.Я. Драпкина, Т.С. Волчечкой и других ученых углубленно исследуется динамика криминалистических ситуаций в зависимости от этапов и стадий уголовного процесса.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов (адъюнктов), студентов (курсантов и слушателей) юридических вузов, сотрудников оперативно-розыскных аппаратов и органов предварительного расследования, прокуроров, судей, а также для всех, кто интересуется современными проблемами криминалистики, уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности.

ББК 67.629.3

ISBN 978-5-7904-0813-7

© Ким Д.В., 2008
© Алтайский государственный университет, оформление, 2008

Введение

Историко-системный анализ развития отечественной криминалистики показывает, что ее прогресс детерминирован не только снизу (из опыта, полученного в процессе решения собственно криминалистических проблем), но и сверху, т.е. из **общекультурного пространства, аккумулирующего в себе менталитет эпохи**. Криминалистика как наука всегда опиралась на достижения научно-технического прогресса и использовала методы, разработанные в других науках. В ее инструментарий вошли и широко применяются математические методы познания, моделирование, системный анализ, структурно-функциональный, системно-структурный методы и многие другие. Однако ориентация на методы других наук постоянно требует большой методологической работы, которая позволила бы не просто «пересаживать» эти идеи на новое предметное поле, что было бы явным редуccionизмом, т.е. заведомо неудачной попыткой сведения криминалистических реалий к реалиям, на примере которых возникали и развивались эти науки. Необходимо очень осторожно и творчески переосмысливать эти идеи в рамках криминалистики.

Из науковедения известно, что наука как целостная теоретическая система может существовать только в том случае, если в качестве ее предмета выступает реальная, развивающаяся система. Выделение и изучение такой системы знаменует собой переход от эмпирического определения предмета науки к теоретическому (системному) определению, ограничивая при этом движение научных категорий, что и позволяет науке оставаться в собственном предметном и проблемном поле.

Поэтому не случайно исследователи в последнее время отмечают интенсивное развитие общей теории криминалистики. Серьезный анализ проблемы предмета науки проведен в работах Р.С. Белкина, А.Н. Васильева, И.А. Возгриня, В.К. Гавло, Е.П. Ищенко, В.В. Клочкова, В.Я. Колдина, Ю.Г. Корухова, М.К. Каминского, В.П. Лаврова, С.В. Лаврухина, И.М. Лузгина, А.Г. Филиппова, А.А. Эксархопуло, Н.П. Яблокова и др.

На этом фоне, особенно в последнее время, первостепенное значение и актуальность приобретает развитие ситуационного подхода, пронизывающего практически все разделы криминалистики.

Первые выраженные признаки ситуационного подхода можно обнаружить в работах конца 60-х – середины 80-х гг. прошлого века (А.Н. Васильев, А.Н. Колесниченко, 1967; В.К. Гавло, 1968; Р.С. Белкин, В.Е. Корноухов, 1972; И.Ф. Герасимов, Л.Я. Драпкин, 1975; В.И. Шиканов, 1976; Н.А. Селиванов, 1977; В.А. Образцов, В.Г. Танасевич, 1979; А.Ф. Облаков, 1985 и др.). Как развитие этих исходных идей можно понять возникновение понятий – «оперативно-розыскная ситуация», «следственная ситуация», «судебная ситуация», «криминалистическая ситуация». В трудах Н.П. Яблокова, Т.С. Волчецкой (1997), Г.А. Зорина (2000) и других ученых стала выстраиваться целая теоретическая система – «криминалистическая ситуалогия», претендующая на роль общей криминалистической теории.

В связи с этим понятными становятся и истоки современного всплеска интереса к теории следственных и судебных ситуаций (Ю.В. Корневский, С.Э. Воронин, 2001; В.И. Комиссаров, Л.Я. Зашляпин, 2002; О.Я. Баев, О.М. Баев, 2003; О.Н. Коршунова, 2006; А.Ю. Корчагин, 2007 и др.). Вполне закономерным является то, что именно ситуационный подход постепенно становится одним из основополагающих в развитии науки криминалистики.

Можно предположить, что в современной криминалистике актуальность начнут обретать исследования, в которых будут предлагаться различные варианты реализации системного и ситуационного подходов. Дальнейшая разработка этих подходов позволит более углубленно и всесторонне исследовать криминалистическую ситуацию как динамическую информационно-поисковую систему, способную повысить эффективность разработки криминалистических рекомендаций и решать задачи уголовного судопроизводства в нынешней сложной обстановке борьбы с коррупцией, терроризмом, заказными убийствами и иными преступлениями.

В предлагаемой монографии с учетом анализа научной литературы, нормативно-правовых актов, судебно-следственной практики, социологических исследований предпринята попытка рассмотреть проблемные вопросы теоретического и прикладного характера, связанные с возникновением и развитием такой криминалистической категории, как «криминалистическая ситуация», ее роли и месте в науке криминалистики. Особое внимание в работе обращается на спорные вопросы, нуждающиеся, по мнению автора, в дальнейших теоретических исследованиях. К ним относятся проблемы, связанные с понятием криминалистической ситуации, ее информационной (содержательной) характеристикой, соотношением с другими криминалистическими категориями, в частности с таким новым, еще не устоявшимся в науке понятием, как «оперативно-розыскная ситуация», классификацией криминалистических ситуаций, их разрешением на различных этапах и стадиях уголовного процесса.

Автор выражает большую благодарность за конструктивные предложения и помощь в подготовке настоящей монографии профессорам О.Я. Баеву, Л.Я. Драпкину, В.М. Мешкову, А.С. Подшибякину, А.А. Протасевичу, Н.Г. Шурухнову, Н.П. Яблокову, В.В. Яровенко, А.Е. Чечетину. Особую благодарность и признательность автор выражает своему Учителю и научному редактору монографии, профессору В.К. Гавло.

Настоящая работа, естественно, не претендует на уникальность и не исчерпывает всех проблем, связанных с криминалистическими ситуациями. Целый ряд затронутых в монографии вопросов являются дискуссионными, в связи с чем автор будет признателен за конструктивную критику идей и подходов, вынесенных на суд читателя. Все замечания и предложения будут с искренней благодарностью приняты и использованы в дальнейшей работе¹.

---

¹ Контакты: 656038, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49, Барнаульский юридический институт МВД России, тел. 8-(3852)-379-101, 368-955; факс 379-151; E-mail: kimklo@mail.ru.

Глава 1. Развитие криминалистического познания о расследуемом событии преступления и криминалистической ситуации

1.1. Закономерности научного познания и их преломление в исследованиях предмета криминалистики и ее криминалистических ситуаций

За более чем вековой период криминалистика прошла трудный путь от некой «области прикладных знаний, обслуживающей уголовно-процессуальную науку» до самостоятельной науки, интегрировавшись в единую, всеобщую систему научного знания. В ней заработали свойственные достаточно устоявшимся наукам механизмы. Одним из проявлений таковых является схожесть внутренних тенденций ее развития с другими науками, указывающая на всеобщие закономерности наукообразования. Эти проблемы всегда волновали ученых-криминалистов, проявляясь в научных дискуссиях¹. Ведь любая дискуссия, любое исследование являются способом, посредством которого наука самоопределяется, т.е. осмысливает и переосмысливает себя как целое, как более или менее сложившуюся систему знаний, систему специфических средств и методов познания, систему постепенно трансформирующихся научных категорий, которыми пользуется наука. Эта трансформация в наибольшей степени отражает внутренние тенденции становления науки как открытой системы, т.е. системы, закономерно усложняющейся – по мере все более системного (теоретического) определения своего предмета².

Современное состояние отечественной криминалистики, как справедливо отметил Е.П. Ищенко, «нуждается в научном осмыслении, поскольку это позволит не только обозначить достигнутые успехи, но и указать на имеющиеся недоработки, глубже понять тенденции ее развития под воздей-

---

¹ См., напр.: Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. – М., 1984; Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: НОРМА, 2001; Возгрин И.А. Актуальные проблемы современной отечественной криминалистики // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики: Сб. статей. В 3 ч. Ч. 2: Вопросы современной криминалистики. – М.: Академия управления МВД России, 2004. – С. 16-21; Кустов А.М. Криминалистика – этапы эволюционного развития // Вестник криминалистики. – Вып. 2 (10). – М.: Спарк, 2004. – С. 4-10 и др.

² См. подробнее: Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В. Методологические аспекты криминалистики на современном этапе ее развития // Вестник криминалистики. – Вып. 2(14). – М.: Спарк, 2005. – С. 4-12.

ствием мирового научно-технического прогресса и других объективных факторов»¹.

Действительно, сегодня в криминалистике все больше обнажаются противоречия, заключающиеся не только в определении предмета науки, ее методологии, но и в ее категориальном аппарате, и только через призму общих закономерностей научного познания, внутренних тенденций развития науки можно понять те преобразования, в которых происходит постижение их сущностных характеристик². В связи с чем заслуживает внимания позиция В.Ю. Шепитько, который считает, что «тенденции криминалистики в большинстве своем зависят от ее методологических основ. Методология криминалистики требует новых исследований. Роль методологии состоит в противодействии возникновению криминалистических "фантомов", антинаучных концепций и теорий, ложного пути развития науки»³. Поэтому одной из важнейших задач, стоящих перед учеными, «является исследование методологии науки криминалистики, ее предмета и сферы приложения научного потенциала»⁴.

С учетом этого попытаемся проследить развитие криминалистической науки, соблюдая подход к поиску нового, действуя «на стыке наук, в иных областях знаний, за счет интеграции знаний, путем перетекания идей»⁵.

Не ставя своей задачей подробный анализ существующих методов, принципов и подходов историко-криминалистического познания, сосуществующих сегодня в криминалистике, достаточно подробно представленных в

---

¹ Ищенко Е.П. Российская криминалистика сегодня // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 4 (20). – М.: Спарк, 2006. – С. 4.

² См. подробнее: Гавло В.К., Клочко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: Монография / Под ред. В.К. Гавло. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 3-19; Ким Д.В. Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве: монография / Под ред. В.К. Гавло. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 7-39.

³ Шепитько В.Ю. Предмет и природа криминалистики: научные дискуссии и тенденции // Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики: Мат-лы междунар. науч. конф. – М., 2002. – С. 200-203.

⁴ Гавло В.К. Методологические аспекты и некоторые пути развития криминалистики // Актуальні проблеми криміналістики: Матеріали міжнар. наук.-практ. конф. (Харків) 25-26 верес. 2003 р. / Ред. кол.: М.І. Панов (голов. ред.), В.Ю. Шепітько, В.О. Коновалова та ін. – Х.: Гриф, 2003. – С. 18-21.

⁵ Корухов Ю.Г. Значение творческого наследия Р.С. Белкина в развитии отечественной криминалистики // Вестник криминалистики. – Вып. 1 (3). – М.: Спарк, 2002. – С. 6. См. также: Игошин В.В. Предпосылки интеграции научных знаний в криминалистике // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 4 (20). – М.: Спарк, 2006. – С. 41-45 и др.

многочисленных исследованиях¹, отметим только те основные их особенности и прогностические возможности, которые позволяют изучать логику развития науки криминалистики под углом зрения разработки эффективных рекомендаций борьбы с преступностью криминалистическими методами.

Философы, историки, методологи наук выделяют следующие подходы: хронологический, историко-категориальный, историко-парадигмальный, историко-эволюционный, историко-системный. Следует также заметить, что указанные подходы применяются как самостоятельно, так и в различном сочетании, дополняя друг друга.

1. **Хронологический подход** является одним из наиболее известных средств историко-криминалистического анализа. Данный способ научного познания осуществляет реконструкцию исторических событий, предлагая рассматривать вклад отдельных исследователей, научных школ с точки зрения изменений, происходящих в предметном поле науки. С учетом этого в теории отечественной криминалистики выделяют следующие основные этапы, когда происходило существенное изменение взглядов на ее предмет².

Первый этап охватывает период с 1917 г. по 1937 г. Для этого этапа характерно отмежевание криминалистики от науки уголовного процесса и становление ее как самостоятельной области знания. В связи с чем были предприняты попытки ученых определить предмет «молодой» науки. Развивая идеи Г. Гросса, Г.Ю. Маннса, С.Н. Трегубова, первое развернутое определение предмета криминалистики предложил И.Н. Якимов, который полагал, что криминалистика «имеет своим предметом изучение наиболее целесообразных способов и приемов применения методов естественных, медицинских и технических наук к расследованию преступлений и изучению физической и моральной личности преступника, а своей целью ставит помощь правосудию в раскрытии материальной истины в уголовном деле»³. Развитие этих идей нашло свое отражение и в первом коллективном учеб-

---

¹ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. – М.: Юристъ, 1997. – С. 9-157; Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск, 1985; Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. – Мн.: Амалфея, 2000. – С. 8-26; Волчецкая Т.С. Основы судебной экспертологии: Учеб. пособие. – Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2004 и др.

² См.: Курс криминалистики / Отв. ред. В.Е. Корноухов. – Т. 1. – Красноярск, 1996. – С. 3-8; Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. – М.: Юристъ, 1997. – С. 73-115; Яблоков Н.П., Головин А.Ю. Криминалистика: природа и система. – М.: Юристъ, 2005. – С. 17-36 и др. В то же время в литературе встречаются и другие позиции относительно этапов развития предмета отечественной криминалистики. См., напр.: Кустов А.М. Криминалистика – этапы эволюционного развития // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 2 (10). – М.: Спарк, 2004. – С. 4-10 и др.

³ Якимов И.Н. Криминалистика. – М., 1925. – С. 3.

нике по криминалистике, вышедшем в свет в 1935 г.¹ Во введении к нему говорилось, что криминалистика представляет собой науку о расследовании, включает в себя уголовную технику, уголовную тактику и частную методику. Первая часть разрабатывает способы применения естественных наук, вторая – приемы проведения отдельных следственных действий, систему и планирование расследования, а третья – особенности расследования отдельных видов преступлений. Таким образом, на первоначальном этапе криминалистика понималась как наука о способах применения данных естественных наук к расследованию преступлений и о наилучших приемах проведения отдельных следственных действий.

Второй этап охватывает период с 1938 г. по 1966 г. Началом ему послужила статья Б.М. Шавера, который при определении предмета науки в отличие от своих предшественников сделал акцент не на то, что наука разрабатывает, а на то, что изучает. Он полагал, что криминалистика изучает «приемы и методы совершения преступлений, следы, оставшиеся в результате совершения преступных действий или оставляемые преступником, и данные естественных и технических наук в целях приспособления всего этого к задачам расследования преступлений»². Не трудно заметить, что автор попытался определить криминалистику как самостоятельную область научного знания, которая имеет не только свой предмет, но и объект исследования. Эта новая идея не могла не остаться незамеченной. Не случайно в дискуссию включились ученые-процессуалисты. Отстаивая свои взгляды, они полагали, что криминалистика не является самостоятельным научным знанием, а представляет собой техническую (вспомогательную) дисциплину. Что же касается вопросов тактики и методики расследования преступления, то их они отнесли к прерогативе науки уголовного процесса³. Позиции криминалистов, вступивших в дискуссию, характеризовались в то время выходом на обсуждение общетеоретических положений, суть которых заключалась в попытках неоправданно расширить или сузить предмет криминалистики⁴.

---

¹ Криминалистика. Кн. 1: Техника и тактика расследования преступлений. – М., 1935. – С. 6-7.

² Шавер Б.М. Предмет и метод советской криминалистики // Соц. законность. – 1938. – № 6. – С. 66.

³ См.: Строгович М.С. Уголовный процесс. – М., 1946. – С. 28; Уголовный процесс: Учебник для юрид. вузов. – М., 1948. – С. 32 и др.

⁴ Потапов С.М. Введение в криминалистику. – М., 1946. – С. 5-8; Винберг А.И. Предмет и метод советской криминалистики // Криминалистика / Под ред. А.И. Винберга, С.П. Митричева. – М., 1950. – Гл. 1. – С. 4; Тарасов-Родионов П.И. Советская криминалистика // Соц. законность. – 1951. – № 7. – С. 12; Митричев С.П. Предмет, метод и система советской криминалистики. – М., 1956. – С. 24; Васильев А.Н. Введение в курс советской криминалистики. – М., 1962. – С. 13; Шаламов М.П. Некоторые проблемы советской криминалистики. – М., 1965. – С. 31 и др.

Как справедливо заметил Р.С. Белкин, «определение криминалистики как науки о технических средствах, тактических приемах и методических рекомендациях, относящихся к собиранию и исследованию доказательств, в целях расследования и предотвращения преступлений, отражало состояние криминалистики и ближайшие перспективы ее развития в то время, когда данное определение складывалось»¹. Поэтому совершенно естественно, что определение криминалистики нуждалось в пересмотре.

Начало новому периоду в развитии взглядов на предмет науки, который продолжается и сегодня, положила статья Р.С. Белкина и Ю.И. Краснобаева, в которой авторы в отличие от традиционного взгляда, высказали мысль о том, что предметом науки являются закономерности возникновения, собирания, исследования, оценки и использования доказательств, на основе познания которых разрабатываются приемы и средства судебного исследования². По мнению ученых, их познание составляет одну из задач криминалистической науки; познанные, они получают отражение в законах криминалистики, в ее категориях и систематике (классификациях, структурах, системах). Существенным отличием этого определения от предыдущих явилось то, что авторы на первое место поставили закономерности, на основе которых разрабатываются методы. Указанное определение вызвало оживленную дискуссию, которая свидетельствовала о значительном расхождении точек зрения на рассматриваемую проблему. Суть их сводилась не только к формулировке понятия криминалистики, но и к отражению содержания науки.

Так, В.Г. Танасевич, не соглашаясь с Р.С. Белкиным, предложил уточнить определение криминалистики, исходя из того, что «1) криминалистика научно разрабатывает не только проблемы расследования, но и проблемы выявления (обнаружения) преступлений; 2) криминалистика не ограничивается сферой уголовно-процессуальной, она изучает явления и разрабатывает рекомендации о приемах, методах и средствах не только в пределах уголовно-процессуальной регламентации, но и вне ее; и в стадии предварительного следствия и дознания, и в стадии возбуждения уголовного дела, и до нее»³. Исходя из этого автор определил предмет криминалистики следующим образом: «Предмет криминалистики – это система средств и методов деятельности правомочных органов по раскрытию и предупреждению преступлений, состоящая в выявлении, собирании и исследовании фактических данных, на основании которых устанавливаются общественно опасные дея-

---

¹ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. – М.: Юрист, 1997. – С. 80.

² Белкин Р.С., Краснобаев Ю.И. О предмете советской криминалистики // Правоведение. – 1967. – № 4. – С. 90-94.

³ Селиванов Н.А., Танасевич В.Г., Эйман А.А., Якубович К.А. Советская криминалистика. Теоретические проблемы. – М., 1978. – С. 113.

ния и виновность лиц, их совершивших, а также применяются меры по предупреждению преступлений»¹.

Анализ такого подхода позволяет говорить о чрезмерно широком толковании предмета криминалистики. В частности, к предмету криминалистики необоснованно отнесены приемы, средства и методы, применяемые не только в сфере уголовного процесса, но и за ее пределами (например, в оперативно-розыскной деятельности). Кроме того, как правильно было отмечено В.К. Гавло, в определении В.Г. Танасевича «недостаточно четко выражено то, что именно присуще криминалистике – это указание на изучение механизма совершения и сокрытия преступлений, их следы и как по ним с **учетом возникающих следственных ситуаций** необходимо расследовать преступления» (выделено нами. – Д.К.)².

Основным оппонентом Р.С. Белкина относительно определения предмета криминалистики в то время выступал А.Н. Васильев, который полагал, что в предложенном Р.С. Белкиным определении не видно различия между науками уголовного процесса и криминалистики, не отражена природа криминалистики³. По его мнению, криминалистика – наука «об организации планомерного расследования преступления, эффективном собирании, исследовании доказательств в соответствии с уголовно-процессуальными нормами и о предупреждении преступлений путем применения для этих целей приемов и средств, разработанных на основе специальных наук и обобщения следственной практики»⁴.

В целом, такой подход к объяснению предмета криминалистики нам представляется правильным. Главное, что им охватываются указания на криминалистическую «организацию планомерного расследования и предупреждения преступлений», которая основывается на рекомендациях технического, тактического и методического характера, разрабатываемых в соответствии с уголовно-процессуальным законом. То есть А.Н. Васильев делает акцент на разрабатываемой части науки криминалистики, ее назначении в борьбе с преступностью методами криминалистики.

Аналогичного мнения на определение предмета криминалистической науки, в котором должны быть отражены закономерности в области криминалистической техники, тактики и методики, отличающие криминалистику

---

¹ Там же. – С. 43.

² Гавло В.К. Некоторые вопросы предмета криминалистики // Проблемы повышения эффективности борьбы с преступностью. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981. – С. 106-107.

³ Васильев А.Н. Следственная тактика. – М., 1976. – С. 12-17.

⁴ Там же. – С. 27.

от других смежных наук, придерживались и придерживаются другие ученые¹.

Дискуссия, развернувшаяся вокруг определения криминалистики, продолжается и сегодня. Большинство ученых придерживаются определения Р.С. Белкина, согласно которому «криминалистика – наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средств и методах судебного исследования и предотвращения преступлений»².

Однако рядом исследователей такая трактовка предмета криминалистики не разделяется. Так, В.Я. Колдин, развивая с 80-х годов свои взгляды, считает, что «предметом криминалистики является структура информационно-познавательной деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений и обеспечивающие ее оптимизацию легальные организационные, технические и тактико-методические средства, приемы и технологии»³. По мнению В.Я. Колдина, в концепции Р.С. Белкина «мы не видим самого понятия криминалистической деятельности, которая рассматривается в деятельности по борьбе с преступностью, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений»⁴. Но если Р.С. Белкин предмет криминалистики видел в познании закономерностей криминалистического механизма расследования преступлений не только на предварительном следствии, но и в ходе судебного разбирательства (и это правильно), то В.Я. Колдин к предмету криминалистики последнее не относит (и это спорно).

Свое понимание предмета криминалистики высказал В.А. Образцов. Криминалистику он понимает как науку «о технологиях и средствах практического следоведения (поисково-познавательной деятельности) в уголовном судопроизводстве»⁵.

---

¹ См., напр.: Попов В.И. Советская криминалистика и ее роль в претворении ленинского принципа неотвратимости наказания за совершенное преступление // Некоторые вопросы борьбы с преступностью. – Алма-Ата, 1970. – С. 60; Винберг А.И. О некоторых теоретических проблемах криминалистики // Ленинский принцип неотвратимости наказания и задачи советской криминалистики: Мат-лы науч. конф. – Свердловск, 1972. – С. 10; Статкус В.Ф. Криминалистика – наука о раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 2 (4). – М.: Спарк, 2002. – С. 16 и др.

² Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. – М.: Юристъ, 1997. – С. 112.

³ Колдин В.Я. Криминалистика: теоретическая наука или прикладная методология? // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 2000. – № 4. – С. 15.

⁴ Там же. – С. 15.

⁵ Криминалистика / Под ред. В.А. Образцова. – М., 1997. – С. 5.

Близость позиций В.Я. Колдина и В.А. Образцова проявляется, с нашей точки зрения, в акценте на поисково-познавательной деятельности (по В.Я. Колдину, она называется «информационно-познавательная деятельность»). И это в целом действительно есть важное направление познания вида криминалистической деятельности, но только одного из ее видов.

Анализ сконцентрированного в предложенном В.А. Образцовым определении предмета криминалистики и ее системы знаний свидетельствует, что она, по сравнению с системой знаний, сформулированной Р.С. Белкиным и В.Я. Колдиным, и тем, что она объективно представляет собой, сужена до технологии и средств практического следоведения, с чем трудно согласиться.

При такой, весьма абстрактной, трактовке предмета криминалистики из нее выпадают базовые элементы, характеризующие практическую деятельность и ее криминалистическую суть: механизмы и способы совершения преступлений, свидетельствующие о их избрании определенными преступниками, в отношении определенных объектов преступного посягательства и т.д. Об этом раньше В.А. Образцов правильно писал, опираясь на деятельностный метод.

В связи с чем заслуживает внимания позиция В.К. Гавло. Суть ее заключается в следующем.

Преступная деятельность исторически интересовала науку криминалистики с точки зрения собирания и использования криминалистически значимых признаков – последствий подготовки, совершения и сокрытия преступлений, как бы ухищренно они ни совершались. Ее рекомендации, основанные, в частности, на познании преступной деятельности, выполняют прогностическую функцию в борьбе с преступностью криминалистическими методами.

Преступной деятельности всегда противостояла законная деятельность правоохранительной системы по предотвращению, выявлению, раскрытию и расследованию **на досудебных и судебных стадиях** уголовного судопроизводства.

На этом поле деятельности криминалистика как наука всегда изучала и изучает ошибки и положительные результаты борьбы с преступностью, разрабатывала и разрабатывает свои научные теории и практические, наиболее оптимальные методы действий субъектов правоохранительной системы в складывающихся криминалистических (следственных и судебных) ситуациях.

В связи с чем В.К. Гавло предлагает определять криминалистику как «науку, изучающую закономерности целостного движения уголовно значимой информации в ситуациях совершения, раскрытия и расследования преступлений, а также судебного рассмотрения уголовных дел в целях создания научных основ и практических рекомендаций для решения задач уго-

ловного судопроизводства специальными средствами, приемами и методами»¹.

Преимущество этой позиции заключается в том, что она позволяет объединить в одну систему все информационно-познавательные структуры, связанные с постоянным движением уголовно значимой информации, обнаружением, исследованием и использованием ее и доказательств в уголовно-процессуальной деятельности – от выявления признаков преступления, возбуждения уголовного дела и до момента окончательного принятия процессуального решения по делу судом. Полагаем, этой позиции в исследованиях теории криминалистических ситуаций нужно придерживаться в дальнейшем.

2. Историко-категориальный подход. Исторический анализ развития криминалистики позволяет сделать вывод, что немаловажную роль в этом процессе сыграло становление категориального (терминологического) аппарата науки. Один из основоположников историко-категориального подхода – М.Г. Ярошевский считает, что развитие научных исследований обусловлено заинтересованностью науки в самопознании, в понимании современной ситуации и в теоретической перспективе, в потребности осмысления векторов собственного развития. По его мнению, новая тенденция развития науки заключается в стремлении «отстоявшийся» научный материал интерпретировать в контексте исторического процесса в целом². С этой точки зрения исторический анализ означает не только констатацию событий, но и их интерпретацию и объяснение с помощью понятий (категорий), которые, будучи связанными между собой, образуют сложную систему, «сетку», категориальный строй науки. Иными словами, некая система знаний превращается в науку только тогда, когда складывается ее категориальный аппарат; т.е. предмет науки дается в системе категорий.

Можно согласиться с мнением М.Г. Ярошевского о том, что потребность в анализе тенденций и закономерностей развития науки порождается не внешними обстоятельствами, а развитием самой науки, и только такой анализ можно признать адекватным, для которого характерны историзм, конкретность и системность.

В этой связи Р.С. Белкин выделяет следующие тенденции развития категориального аппарата криминалистики:

- 1) расширение круга используемых понятий и определений;

---

¹ См., напр.: Гавло В.К. Проблемы теории и практика криминалистической методики расследования преступлений: Автореф. д-ра ... юрид. наук. – М., 1988; Он же. Проблемы предмета криминалистики в свете состояния и перспективы развития криминалистической методики расследования преступлений как ее части // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: Мат-лы 3 междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2005. – С. 8-10.

² Ярошевский М.Г. Предмет психологии и ее категориальный строй // Вопросы психологии. – 1971 – № 5. – С. 111-121; Он же. О категориальном анализе развития психологического познания // Вопросы психологии. – 1973. – № 3. – С. 15-31.

- 2) изменение определений;
- 3) дифференциация понятий и их определений;
- 4) унификация терминологии криминалистики¹.

Нам кажется, что необходимо учитывать и то усложнение категориального аппарата науки, которое происходит в связи с все более системным переопределением ее предмета. Научная дискуссия, развертывающаяся в последнее время, свидетельствует о том, что криминалистика претерпевает определенный кризис, свойственный всем наукам на определенном этапе, поднимающий их на более высокий уровень развития².

Эмпиризм, свойственный наукам на ранних стадиях их становления, уходит, уступая место теоретическим конструктам, фиксирующим сложную («совмещенную», субъект-объектную) онтологию. При этом принцип отражения, понимавшийся как главный системообразующий принцип науки, сменяется другим, более системным³. Криминалистика отреагировала на это появлением нового понятия – «криминалистическая ситуалогия» (Н.П. Яблоков, Т.С. Волчецкая, Г.А. Зорин и др.), всплеском интереса к теории криминалистических (следственных) ситуаций. И это не случайно, ибо именно ситуационный подход является основополагающим и центральным при определении предмета криминалистики, на что не раз обращалось внимание в современной литературе⁴.

Сегодняшний день криминалистики можно охарактеризовать следующим образом – криминалистика поднимается к более сложному (системному, теоретическому) определению своего предмета, получая возможность объяснить избирательность поведения субъекта доказывания и его детерми-

---

¹ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. – М.: Юристъ, 1997. – С. 265-268; См. также: Яблоков Н.П., Головин А.Ю. Криминалистика: природа и система. – М.: Юристъ, 2005. – С. 119.

² См., напр.: Лаврухин С.В. Система криминалистики // Гос-во и право. – 1999. – № 8. – С. 31-36; Филиппов А.Г. О системе отечественной криминалистики // Там же. – С. 37-41; Эксархопуло А.А. Предмет и система криминалистики. – СПб., 2004; Проблемы системных исследований в криминалистике и судебной экспертизе: Конф., 4-5 декабря 2006 г., Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова: Сб. тезисов. – М.: МАКС Пресс, 2006; Домбровский Р.Г. Природа и сущность криминалистики // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. – Вып. 1 (21). – М.: Спарк, 2007. – С. 8-14 и др.

³ См. подробнее: Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В. Указ. раб. – С. 3-19.

⁴ Волчецкая Т.С. Ситуационный подход в криминалистике // Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики: Мат-лы междунар. науч. конф. – М., 2002. – С. 77-80; Баев О.Я. Следственные ситуации: их тактическая и методическая сущность // Там же. – С. 107-110; Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2: Криминалистическая методика. Методика расследования преступлений против личности, общественной безопасности и общественного порядка / Под ред. О.Н. Коршуновой, А.А. Степанова. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 65-69, 89-91; Шмонин А.В. Методика расследования преступлений: Учеб. пособие. – М.: Юстицинформ, 2006. – С. 233-254 и др.

нацию не просто «внешними причинами» (следами преступления) или «внутренними основаниями» (опыт, знания и т.д.), а тем системным единством, которое порождается при взаимодействии субъекта с объектом. На криминалистическом поле деятельности возникли криминалистическая характеристика преступлений как криминалистическая система закономерных знаний о преступной деятельности (Л.А. Сергеев, 1966; В.Г. Танаевич, В.А. Образцов, 1976; А.Н. Васильев, 1978; В.К. Гавло, 1980; А.А. Хмыров, 1984 и др.)¹ и криминалистическая характеристика расследования преступлений как криминалистическая система знаний о раскрытии, расследовании и предотвращении преступлений уполномоченными на то уголовно-процессуальным законом субъектами доказывания (В.К. Гавло, В.А. Образцов, 1982; В.И. Куклин, 1983; Л.Д. Самыгин, 1989; С.Н. Чурилов, 1998; В.Н. Бахин, Н.С. Карпов, П.В. Цымбал, 2001; С.И. Коновалов, 2001 и др.)², которые кажутся некоторым исследователям, придерживающимся дихотомического разделения реальностей, навеянного гносеологизмом, околонучными «фантомами». В конечном счете, судьбу научных понятий определяет не личная пристрастность авторов, не «закон ускорения развития науки в эпоху НТР», а скорее «закон уплотнения знаний» в процессе развития науки, о котором говорил Г. Гегель³.

3. Историко-парадигмальный подход. В одной из своих последних работ Р.С. Белкин, опираясь на исследования Т. Куна, отмечает цикличность развития науки. Он полагает, что в границах каждого цикла кумулятивное развитие науки, т.е. накопление знаний, происходит на основе исходной для данного цикла парадигмы и до тех пор, пока эта парадигма не противоречит приобретаемым знаниям. После того как исходная парадигма перестает играть роль универсального объяснения новых явлений, возникает необходимость ее разрушения и перехода к новой парадигме, удовлетворяющей условиям развивающейся науки. Замена научной парадигмы и составляет сущность научной революции⁴. В том, что изменение предмета науки отражает процесс ее становления, нет ничего нового. Через это прошли многие науки, примером может служить физика, в которой А. Эйнштейн открыл системность физического мира и этим способствовал

---

¹ Некоторые ученые считают, что более правильно вести речь о преступной деятельности. См., напр.: Лубин А.Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Новгород, 1997.

² Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика использования методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск, 1985; Чурилов С.Н. Общий метод расследования преступлений. – М., 1998; Коновалов С.И. Теоретико-методологические проблемы криминалистики. – Ростов н/Д., 2001 и др.

³ Гегель. Работы разных лет. – Т. 2. – М., 1971. – С. 95.

⁴ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: НОРМА, 2001. – С. 14. См. подробнее: Кун Т. Структура научных революций. – М., 1977.

тому, что физика как наука получила на время некую системную завершенность. Н. Коперник открыл гелиоцентрическую систему, Ч. Дарвин – биогенетические системы, Д.Н. Менделеев – системность в мире химических элементов, К. Маркс явился первооткрывателем социальных систем, Г. Гегель создал философскую систему.

Действительно, развитие криминалистики как науки в тот или иной период времени требовало принципиального пересмотра ее предмета. Это не могло не повлечь за собой революционных изменений, отразивших не только замену прежней научной парадигмы новой, но и качественно изменивших направление основных научных исследований в криминалистике. Появившиеся в 70-80 годы XX века фундаментальные работы были прогрессивны и способствовали развитию криминалистической науки¹. Именно в то время сформировалась система криминалистики, активно разрабатывались вопросы общей теории криминалистики, криминалистической техники и тактики. Особый «прорыв» произошел в методике расследования преступлений как раздела криминалистики. Так, если до 1979 года отмечалось некоторое отставание этого раздела науки от криминалистической техники и тактики, то к середине 80-х гг. общие положения криминалистической методики преступлений фактически были сформированы².

Накопленный научный потенциал повлек за собой «информационный взрыв», отражающий качественно возросшую продуктивность научных исследований. Научно-технический прогресс дал возможность применения в криминалистике новых методов, успешно апробированных в других науках. Широкое признание и использование получили математические и кибернетические методы, системный анализ, моделирование, физические, химические, социологические методы исследования и др.³ Интеграция наук ускорила развитие криминалистики и послужила переходом к новой парадигме,

---

¹ Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. – М., 1970; Он же. Курс криминалистики. В 3 т. – М., 1977-1979; Эйсман А.А. Логика доказывания. – М., 1971; Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. – М., 1973; Шиканов В.И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. – Иркутск, 1978 и др.

² См. подробнее: Косарев С.Ю. Криминалистические методики расследования преступлений (становление и перспективы развития): Монография / Под ред. И.А. Возгриня. – СПб.: Санкт-Петербург. ун-т МВД России, 2005. – С. 103-123.

³ См., напр.: Майлис Н.П. Интеграция знаний как закономерность формирования новых научных направлений в судебной экспертизе // Криминалистика: XXI век: Мат-лы науч.-практ. конф. – Т. 1. – М., 2001. – С. 71-75; Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики. Мат-лы междунар. науч. конф. – М., 2002. – С. 246-457; Руководство для государственных обвинителей: криминалистические аспекты деятельности / Под ред. О.Н. Коршуновой. – СПб.: «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 68-80; Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики: Сб. статей. В 3 ч. – М.: Академия управления МВД России, 2004 и др.

способной объяснить приобретенные знания. И это не случайно. Предложение новой парадигмы всегда есть приглашение к интеграции, к распространению новой основополагающей идеи, способность стать образцом для многих ученых. Потому и нужна проверка парадигмы на ее соответствие внутренней тенденции развития науки. Если такого соответствия нет, предлагаемое не может считаться парадигмой, так как нет самого развития. Поэтому можно предположить, что существуют критерии для оценки перспективности любой новой парадигмы, которая может быть предложена при назревшей необходимости изменения исходной. Эти же критерии можно использовать для прогноза того, какая парадигма отвечала бы современному этапу развития науки.

Можно полагать, что новая парадигма не возникает как открытие, имеющее выраженное авторство, хотя во времена коренных переломов, научных революций новые парадигмы, как правило, связывают с конкретными именами. На самом деле новое вызревает в недрах старого и существует как неосознанный, а иногда просто отвергаемый научным сообществом элемент научной культуры. В этом плане прогнозирование новой парадигмы означает скорее ее объектирование, которое может быть более или менее удачным, в зависимости от готовности научной общественности принять ее в качестве общепринятого образца научной практики¹.

4. Историко-эволюционный подход. Развитие криминалистики можно проследить и с позиции историко-эволюционного подхода, в рамках которого реализуется положение о необходимости изучения феномена в процессе эволюции порождающей его системы. Представители данного подхода обращаются к общесистемным закономерностям, выявленным в различных науках². Изучая проявления субъекта как активного элемента разных развивающихся систем, А.Г. Асмолов указывает на необходимость выделения принципов историко-эволюционного подхода, описывающих системные аспекты эволюции:

1. Эволюция любых систем предполагает взаимодействие тенденций к сохранению и изменению данных систем.

2. В любой эволюционирующей системе существуют избыточные неадаптивные элементы, обеспечивающие саморазвитие системы, являющиеся обязательными для успешного развития, исторической изменчивости данного общества.

---

¹ См. подробнее: Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). – Томск: Томский гос. ун-т, 2005. – С. 74-97.

² Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. В 2 т. – М., 1982. – Т. 1. – С. 291-437; Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975; Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – М.: Наука, 1973; Узнадзе Д.Н. Теория установки. – М. – Воронеж, 1977 и др.

3. Необходимым для развития системы является наличие противоречия между адаптивными формами ее активности и проявлениями активности ее элементов¹.

В этой связи в криминалистической науке выделяют прагматическую концепцию, в рамках которой ученые рассматривали криминалистику как науку о приемах и способах раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. В дальнейшем был осуществлен переход к теоретико-доказательственной концепции, в рамках которой центр тяжести был смещен в сторону закономерностей возникновения, собирания, исследования, оценки и использования доказательств, которая сменилась концепцией деятельностиного подхода².

5. Историко-системный подход. Возникший в психологии и фиксирующий движение научной мысли с одного этажа научного познания на другие, более сложные, «с которых по-новому открывается предмет науки и по-другому оформляются принципы его изучения и категории, в которых изучается предмет»³, этот подход в настоящее время приобретает все большую актуальность. В отличие от других подходов, зарекомендовавших себя в качестве средств историко-криминалистического познания, историко-системный подход изначально разрабатывался в ориентации на выявление внутренних тенденций развития науки. Не ставя целью вскрытие истории становления самого историко-системного подхода в криминалистике, попытаемся выделить методологические основания подхода, имеющие непосредственное отношение к заявленной нами проблеме.

Данный подход основывается на представлении о переопределении предмета науки. Исследователи часто говорят о тенденциях развития, которые они обнаруживают в науке, но вопрос о сущности и происхождении самих тенденций практически не поднимается. Зачастую речь идет о фиксации чего-то нового в науке, но не о том, насколько это новое соответствует внутренней тенденции ее развития. Поэтому то новое, что появляется в науке – новые проблемы, новые подходы к решению старых и новых проблем, новые понятия, принципы, способы мышления и т.д. – все это уже проявившееся, до какой-то степени ставшее и рассматривается не как проявление тенденции, а как сама тенденция развития науки. Действительно, тен-

---

¹ Подробнее см.: Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – С. 465; Он же. Психология личности: Принцип общепсихологического анализа. – М.: «Смысл», ИЦ «Академия», 2002. – С. 111-158.

² Курс криминалистики / Отв. ред. В.Е. Корноухов. – Т. 1. – Красноярск, 1996. – С. 7; Домбровский Р.Г. Предмет криминалистики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1974. – С. 10-18; Колдин В.Я. Предмет, методология и система криминалистики // Криминалистика социалистических стран. – М., 1986. – С. 24-25; Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. – Мн.: Амалфея, 2000 и др.

³ Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / Под ред. Г.В. Залевского. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. – С. 42.

денция может заявить о себе только в виде зарождающегося «нечто», которое можно оценить как новое, но ясно, что не всякое новое сохранится, получит дальнейшее развитие, иначе говоря, не за всяким научным новообразованием стоит тенденция.

В этой связи внутренняя логика развития науки может быть представлена не как резкая смена парадигм, не как изменение состава знания и его форм, образующих категориальную сетку, а как все более многомерное изучение реальности¹. Историко-системный подход позволяет пересматривать понятийный аппарат науки, интегрировать накопленное научное знание, поднимаясь на новый уровень системного определения предмета науки. Разрабатывая данный подход, В.Е. Клочко отмечает, что нельзя привести систему знания о некотором предмете, если сам предмет не определен системно, «иначе нечем остановить движение категорий в теоретической системе – их должна останавливать и направлять изучаемая реальность, но только в том случае, если она сама определена как система»². Таким образом, наука, категории которой еще не связаны с самой природой развивающейся и функционирующей системы, своим развитием и функционированием задающей логику движения категориального аппарата науки и определяющей пространство, выход за которое означает переход в предметные поля других наук – это еще приближение какой-то области познания к тому, чтобы стать наукой. Нельзя, следовательно, избежать редукционизма в такой науке, ее сползания на чужие предметные и проблемные поля.

Однако здесь мы выходим гораздо дальше частной проблемы о том, почему подчас так трудно ученому сменить парадигму. Если бы за такой сменой не стояла необходимость изменения формы мышления, то все было бы гораздо проще. Но в течение XX века формы мышления менялись дважды, и значит, в актуальном использовании сегодня находятся минимум три формы мышления, определяющие качества базирующихся на них парадигм (и их объяснительный потенциал).

В исследованиях, посвященных анализу становления научной картины мира³, отмечается, что в **классической картине** мира ученых процессы, происходящие в природе и обществе, понимались как предсказуемые и обратимые во времени, эволюция – как линейное движение без возвратов, побочных линий, постигаемое тождественно неизменяемому, а случайность

---

¹ См. подробнее: Гавло В.К., Клочко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: Монография / Под ред. проф. В.К. Гавло. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 3-19.

² Клочко В.Е. Методологические принципы теории психологических систем. // Фиксированные формы поведения в образовании, науке и культуре: Мат-лы 1 региональной школы молодых ученых-психологов. – Бийск: НИЦ БигППИ, 2000. – С. 8-16.

³ См.: Делокаров К.Х., Демидов Ф.Д. Синергетика и образовательные ценности [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.biophys.msu.ru/awse/confer/MSE00/197.html-3К.-08.08.2000>.

воспринималась как внешняя помеха; следствием приложенных усилий определялся однозначный, линейный, прямо пропорциональный данным усилиям результат. По меткому определению И. Пригожина, в картине мира, которая не включает в себя необратимость, течение времени можно сравнить с движением волн, идущих от брошенного в воду камня. В такой картине мира сложность связывалась с неполным знанием некоторого числа переменных, однако не было сомнения в существовании простых законов, которые связывают эти переменные друг с другом¹.

Для области права, в частности для сферы государственного строительства, это может означать то, что «закрытые системы, функционирующие по выработанным “классической” наукой универсальным законам, стремятся к воспроизведению своих начальных параметров, им свойственна повторяемость норм и институтов, они не способны воспринимать различия во внешнем мире и стремятся к хаосу...»².

Неклассическая картина мира (сформировавшаяся под влиянием таких открытий, как генетическая и эволюционная теории в биологии, теория относительности, квантовая механика, проникновение математических методов в биологию, социологию, психологию), сложившаяся примерно в первой трети XX века в связи с научными революциями, изменила весь категориальный аппарат науки, стиль мышления, представление о реальности, причинности. Ученые стали понимать недостаточность разделения целостного знания о мире на отдельные изолированные дисциплины. Вероятность стала не результатом незнания, а законной частью науки.

В последнее время (70-е годы XX века) активно формируется **постнеклассическая картина** мира, когда материя больше не рассматривается как пассивная, а обладает спонтанной активностью. Этот взгляд настолько фундаментален, что мы можем говорить о новом диалоге человека с природой³. Основанием такой картины мира является синергетика (теория самоорганизации). Создатель синергетического направления и изобретатель термина «синергетика» профессор Штутгартского университета и директор Института теоретической физики и синергетики Герман Хакен считает, что синергетика занимается изучением систем, сложным образом взаимодействующих между собой⁴. Системы, составляющие предмет изучения синергетики, могут быть самой различной природы и содержательно изучаться различными науками, например физикой, химией, биологией, математикой, пси-

---

¹ Пригожин И. В поисках нового мировидения: И. Пригожин, Е. и Н. Рерихи: Сборник. – М.: Знание, 1991.

² Добрынин Н.М. Синергетика и федерализм: оценка состояния, соотношение, новая методология // Гос-во и право. – № 7. – 2007. – С. 34.

³ Пригожин И. От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках / Пер. с англ. Ю.А. Данилова; под ред. Ю.Л. Климентовича. – М.: Наука, 1985.

⁴ Хакен Г. Синергетика. – М., 1980; Он же. Синергетика: иерархии неустойчивостей. – М., 1985.

хологией, экономикой и т.д. При существующей далеко зашедшей дифференциации науки это приводит к тому, что достижения одной науки зачастую становятся недоступными вниманию и тем более пониманию представителям других наук.

В отличие от традиционных областей науки синергетику интересуют общие закономерности эволюции систем любой природы. Отрешаясь от специфической природы систем, синергетика обладает способностью описывать эволюцию на интернациональном языке, устанавливая своего рода изоморфизм двух явлений, изучаемых специфическими средствами двух различных наук, но имеющих общую модель, или, точнее, приводимых к общей модели. Обнаружение единства модели позволяет синергетике делать достояние одной области науки доступным пониманию представителями другой, даже совсем далекой от ее области науки и переносить результаты одной науки на, казалось бы, чужеродную почву¹.

Следует подчеркнуть, что синергетика не является одной из пограничных наук типа физической химии или математической биологии, возникших на стыке двух наук. Синергетика призвана играть роль своего рода метанауки, подмечающей и изучающей общий характер тех закономерностей и зависимостей, которые частные науки считали «своими». Таким образом, синергетика – это научная дисциплина, которая рассматривает закономерности процессов системной интеграции и самоорганизации в различных системах.

В отличие от системного подхода, где основное внимание акцентируется на связях частей в целом, синергетика исследует **причины** появления и динамику целостных свойств системы. В системном подходе анализ ведется, как правило, на качественном уровне, а синергетика (что очень важно для криминалистики) изучает количественные отношения и параметры. Синергетика занимается исследованием систем, состоящих из большого (очень большого) количества частей, компонентов или подсистем, сложным образом взаимодействующих между собой.

Известный отечественный философ В.С. Степин, впервые (в 1989 г.) предложивший вышеприведенную дифференциацию исторических типов (классическая, неклассическая, постнеклассическая) просил «особо обратить внимание» на ключевой признак этой типологии. Он заключается в наличии коррелятивной связи между типом системных объектов и соответствующими характеристиками познающего субъекта, который может ос-

---

¹ См.: Данилов Ю.А., Кадомцев Б.Б. Что такое синергетика? [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Режим доступа: http://vec.nm.ru/inform/synergy/sob_sm.htm; Данилов Ю.А. Роль и место синергетики в современной науке // Онтология и эпистемология синергетики. – М.: Ин-т философии РАН, 1997; Дружинин Д.Л., Ванярхо В.Г. Синергетика и методология системных исследований // Системные исследования. Ежегодник-88. – М., 1989. – С. 283-303 и др.

¹Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика и принципы коэволюции сложных систем // Проблемы общественного развития, 1998. – № 3-4. – С. 3-6.

ваивать объект. Уровни рефлексии по поводу собственной познавательной деятельности и ее стратегии, по мнению ученого, коррелятивны системным особенностям исследуемых объектов и выступают условием их эффективного освоения:

- простые системы выступают в качестве доминирующих объектов в классической науке;
- сложные саморегулирующиеся системы доминируют в неклассической науке;
- сложные саморазвивающиеся системы являются доминирующими объектами в постнеклассической науке¹.

Следует заметить, что изучением систем, состоящих из большого числа частей, взаимодействующих между собой тем или иным способом, занимались и продолжают заниматься многие науки (в том числе и криминалистика). Одни из них предпочитают подразделять систему на части, чтобы затем, изучая разрозненные детали, попытаться строить более или менее правдоподобные гипотезы о структуре или функционировании системы как целого. Другие изучают систему как единое целое, «забывая» о взаимодействии частей. И тот и другой подходы обладают своими преимуществами и недостатками.

Синергетика наводит мост через брешь, объединяя оба вышеуказанных подхода. Это обстоятельство имеет настолько существенное значение, что синергетику можно было бы определить как науку о самоорганизации².

Самоорганизация как способность системы к самозарождению, саморазвитию, способность самой организовывать себя является основным свойством систем открытого типа. По мнению А.Н. Аверьянова, процесс прогрессивного развития, самоорганизации системы включает несколько этапов – ее возникновение, становление и преобразование, каждый из которых является достаточно самостоятельным³. Выделенные этапы лежат в основе процессов самоорганизации системы. Те же самые процессы мы можем наблюдать и в процессе развития криминалистических ситуаций, поэтому саму криминалистическую ситуацию, а с ней и криминалистическую ситуологию, можно представить как самоорганизующуюся систему, имеющую внутренние источники развития⁴.

---

¹ Степин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего. – М., 1996. Цит. по Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). – Томск: Томский гос. ун-т, 2005. – С. 15-16.

² См. подробнее: Данилов Ю.А. Роль и место синергетики в современной науке // Онтология и эпистемология синергетики. – М.: Ин-т философии РАН, 1997.

³ Аверьянов А.Н. Системное познание мира: Методологические проблемы. – М.: Политиздат, 1985. – С. 212.

⁴ См. подробнее: Ким Д.В. Следственная ситуация как информационно-познавательная система в деятельности по расследованию преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. –

Самоорганизация означает захват системой потоков обмена, некоторым образом структурированных в пространственно-временных связях и отношениях. Трансформируя и организуя их, система навязывает им свою собственную пространственно-временную структуру. Через захват, трансформацию и организацию потоков обмена происходит организация системой своей структуры, то есть самоорганизация¹. Иначе говоря, самоорганизация есть согласованное с потоками обмена взаимодействие элементов или процессов, происходящих в разных частях системы. С другой стороны, система для самоорганизации использует не столько приток энергии, вещества, информации, сколько пользуется возможностями, заложенными внутри нее самой².

При этом следует обратить внимание на то, что не каждое влияние среды вызывает развитие, самоорганизацию системы, а только те, которые соответствуют структуре, природе, «потребностям» самой системы, то есть тождественны ей. Таким образом, самоорганизующиеся системы – это такие системы, которые способны производить новообразования и опираться на них в своем последующем движении³.

Благодаря интенсивному развитию синергетики, ее проникновению в целый ряд наук, происходит радикальная смена парадигмы, так как ее внимание переключается с бытия на становление, с существующего на возникающее, с порядка на хаос, с эволюции на коэволюцию, с представлений о стабильности развития на представления о нестабильности, с положений равновесия на изучение неустойчивости⁴ и др. Если еще некоторое время назад нестабильность, нелинейность системы считалась ее недостатком, то в свете синергетического подхода такая система обладает целым спектром возможностей для своей организации и развития. Можно согласиться с мнением авторов (К.Х. Делокаров, Ф.Д. Демидов, Е.Н. Князева, Ю.А. Данилов, Я.Я. Суриков и др.), которые считают, что синергетика смотрит на мир из «другой системы координат», чем вся предшествующая наука, так как она принимает за исходное нестабильность, нелинейность, открытость, са-

---

Томск, 1999; Он же. Кримиосинергетика: новый взгляд на старую проблему // Вестник Московского университета МВД России. – № 4. – 2005. – С. 101-104.

¹ Зейгарник Б.В. Патофизиологический метод в изучении личности // Психол. журнал. – Т. 3. – № 1. – 1982. – С. 43-51.

² Делокаров К.Х., Демидов Ф.Д. Синергетика и образовательные ценности [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.biophys.msu.ru/awse/confer/MSE00/197.html-3К.-08.08.2000>.

³ См.: Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / Под ред. Г.В. Залевского. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999; Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). – Томск: Томский гос. ун-т, 2005.

⁴ См. указ. работы Данилова Ю.А., Делокарова К.Х., Демидова Ф.Д., Кадомцева Б.Б., Князевой Е.Н. и др.

моорганизацию, хаос, случайность и т.д. Именно поэтому категориальный строй, лежащий в основе синергетики, принципиально отличается от такового неклассической и тем более классической научной картины мира. В «совершенно разных сферах, на любом предметном материале можно выделить процесс производства, порождения самой системой нового, которое тут же включается в дальнейшую детерминацию самоорганизации системы как формы, в которой осуществляется ее развитие.

Синергетика вызывает глубокие изменения в методологическом аппарате науки и стиле мышления ученых, формируя новый взгляд на мир – синергетическое видение мира¹. Она предлагает новый взгляд на случайность, вновь открывая ее как элемент мира. Является творческим, конструктивным началом, так как может приводить к новой макроскопической структуре, выводить на внутреннюю тенденцию организации системы, на один из естественных путей ее эволюции. Но для того чтобы случайность могла привести к существенному результату, необходимо особое состояние системы, состояние неустойчивости, когда она (система) чувствительна к малейшим возмущениям, колебаниям, изменениям². По определению Е.Н. Князевой, развитие происходит через неустойчивость, случайность, то есть неустойчивость, и означает развитие.

Именно эти факторы недооценивались, а зачастую и не учитывались учеными-юристами в детерминации эволюционных процессов, изучаемых разными науками, в том числе и правовыми. Поэтому вполне закономерным сегодня является проникновение синергетических идей в область права.

Так, в теории государства и права профессор Н.М. Добрынин, рассматривая методологические подходы к моделированию сложных социальных систем, полагает, что «методологию синергетики следует с полным правом применять в таких дисциплинах, как теория конституционного права, теория государства и права, конституционное право, поскольку она изучает эволюцию и принципы самоорганизации сложных систем, к каковым, без сомнения, может быть отнесено любое государство»³.

Эта сторона проблемы была поднята в криминалистике В.К. Гавло в связи с исследованием криминалистической методики расследования преступлений. «Для методики, – пишет В.К. Гавло, – возможны обобщающие знания о механизмах совершения и расследования любого преступления, независимо от того, как часто оно совершается, легко ли далось его раскрытие, каким способом и кто его совершил, использовались ли стандартные приемы и методы расследования или наряду с ними принимались и нестандартные, ибо в противном случае нельзя будет познавать действительно характерные черты ее. Прежде всего потому, что **из методики расследова-**

---

¹Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Указ. раб. – С. 3-6.

² Там же. – С. 3-6.

³ Добрынин Н.М. Синергетика и федерализм: оценка состояния, соотношение, новая методология // Гос-во и право. – № 7. – 2007. – С. 38.

ния при прогнозировании изучения нетипичных черт и сторон ее будет необоснованно исключено изучение и познание закономерностей расследования, в основе которых находятся фактические данные о нетипичных обстоятельствах совершения и расследования преступлений на уровне отдельного. Практически же они являются частью целого – методики расследования и характеризуют ее как таковую»¹ (выделено нами. – Д.К.).

Так же Э.У. Бабаева, исследуя проблему предмета криминалистики, с учетом влияния синергетического сдвига делает вывод, согласно которому «предметом криминалистики может быть не только общее, повторяющееся, но и случайное, индивидуальное, неповторимое (то есть не только законы и закономерности, но и события)»².

В связи с чем необходимо отметить, что через систему «случайных» связей между элементами криминалистической характеристики преступления (в силу того, что криминалистическая ситуация различными субъектами доказывания воспринимается по-своему) осуществляется и расследование преступлений. Но именно случайность, нестандартность и парадоксальность становятся закономерностью. По этому поводу совершенно точно подметил Г.А. Зорин: «Парадоксы делают незаметным переход от сложного качества несвязи к системе связей, видимых и понимаемых следователем, из которых сплетается система доказательств»³.

Одним из элементов хаоса является атипичность в образовании следов преступления, способа совершения преступления, непредсказуемость поведения преступника и т.д. Например, при убийстве на национальной почве жертвы (мужчины, женщины, дети, старики и др.) могут быть случайными. По признанию убийц, им все равно, кого убивать, лишь бы жертва была не своей, а другой (определенной) нации. То же самое относится и к преступникам-маньякам. Их поведенческие индикаторы – «автографы» зачастую настолько уникальны и специфичны, что не поддаются логике обычного человека. Не случайно их называют «визитной карточкой преступника», и именно они являются основой при разработке психологических портретов преступников⁴.

Поэтому перенос некоторых синергетических идей на криминалистику позволяет рассматривать все существующие на сегодняшний день в крими-

---

¹ Гавло В.К. О диалектике типичного и атипичного в методике расследования // Повышение эффективности расследования преступлений. – Иркутск: Изд-во Ирк. ун-та, 1986. – С. 24.

² Бабаева Э.У. Криминалистика – наука и учебная дисциплина // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. – Вып. 1 (13). – М.: Спарк, 2005. – С. 8.

³ Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. – Мн.: Амалфея, 2000. – С. 53.

⁴ См., напр.: Белкин Р.С. Сквозь завесу тайны. – М., 1989. – С. 87-88; Протасевич А.А. Поисковый портрет преступника как интегративная система. – Иркутск, 1998; Образцов В.А., Богомолова С.Н. Криминалистическая психология: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. – С. 8-165 и др.

налистике теории в одной системе и на другом качественном уровне. Если криминалистику представить как открытую систему, имеющую внутренние тенденции развития, то тогда понятийный аппарат науки может быть оценен с точки зрения тех реалий, которые пытается описать, объяснить и спрогнозировать наука. Так, в многочисленных трудах ученых-криминалистов окружающий мир до сих пор исследовался в четырех чувственных пространственно-временных координатах (три пространственные и одна временная). Предлагаемый подход позволяет выделить еще три – сверхчувственные, такие как: значение, смысл и ценность элементов окружающего нас мира¹. Именно благодаря последним люди оказываются способными отображать в сознании только те предметы и явления, которых его субъективность не только коснулась, но на которых она «осела». Сверхчувственные качества превращают объект (как вне и независимо от меня существующий) в «звено в системе того, что есть я сам»². Иными словами, устаревает привычная схема, предполагающая, что граница между человеком и миром проходит по поверхности тела, по рецепторам, принимающим воздействия извне. Для познания сущности, представленной сверхчувственными качествами предметов, граница феномена «человек» должна пролегать далеко за пределами поверхности тела, прихватывая изрядную долю того, что мы привычно относим к «объективной реальности». Только тогда можно будет сказать, что человек изучает мир, а не субъективные образы его. Предметность сознания заключается не в том, что субъективные образы как эффекты отражения, явившиеся человеку в результате взаимодействия материи с органами чувств, имеют объективные основания. Предметность сознания обусловлена тем, что собственно человеческое (субъективное) «вдвигается» в «объективную реальность», «оседает» на ней, превращая ее в особую онтологию – многомерный мир человека во всей полноте его объективных и субъективных координат³.

Эти идеи, опираясь на исследования других наук, могут найти свое отражение в разработке более эффективных технических, тактических и методических приемов и средств борьбы с преступностью. В частности, при интерпретации данных, полученных в процессе использования полиграфа, разработке и совершенствовании методик раскрытия, расследования и судебного разбирательства отдельных видов и групп преступлений, разработке автоматизированных информационно-поисковых и справочных систем, в процессе обучения юристов и др.

---

¹ Об этом будет сказано в следующих частях работы.

² Ключко В.Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психологический журнал. Вып. 8-9. – Томск, 1998. – С. 7-15.

³ См.: Ким Д.В. Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве: Монография / Под ред. проф. В.К. Гавло. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 7-39.

Таким образом, предпринятый в параграфе теоретический анализ закономерностей научного познания и возможностей их проявления в криминалистике позволяет сделать следующие выводы:

1. Общие закономерности научного познания в криминалистике заключаются в том, что внутренняя тенденция ее развития, как и любой науки, проявляется в процессе своего исторического развития и закрепляется постоянно идущим переопределением своего предмета.

2. Характерные сегодня для криминалистики тенденции дают основание полагать, что криминалистическая наука претерпевает смену парадигмы, связанную, в первую очередь, с переопределением своего предмета под влиянием возникновения новых механизмов и способов преступлений и необходимости совместных более эффективных технических, тактических и методических разработок борьбы с ними.

3. Наука стремится к теоретическому (системному) переопределению предмета, в основе которого лежит системообразующий фактор – криминалистические ситуации (криминальные, оперативно-розыскные, следственные, экспертные, судебные), о которых и пойдет речь в следующей части работы.

1.2. Методологические основания возникновения и тенденции развития криминалистических ситуаций в криминалистике

Перед тем как перейти непосредственно к рассмотрению указанной в подзаголовке категории, хотелось бы сказать несколько слов о самом понятии «ситуация», являющимся полидисциплинарным и используемым в своем категориальном аппарате многими отраслями научного знания¹.

Учитывая многоаспектность и сложность анализируемого понятия толковые словари русского языка дают предельно широкое его толкование, а науки пытаются определить свой, более узкий и конкретный его смысл, определяя ситуацию в качестве научного понятия, входящего в состав категориальной сетки, характерной для каждой науки. Так, в геодезии ситуацию определяют как «совокупность водных пространств, лесов, гор, населенных пунктов и т.п., изображенных на карте или плане посредством условных

---

¹ Некоторые содержательные аспекты понятия «ситуация» нами уже рассматривались ранее. См.: Ким Д.В. Следственная ситуация как информационно-познавательная система в деятельности по расследованию преступлений (по материалам корыстно-насильственных преступлений): Дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 1999. – С. 15-25; Гавло В.К., Клочко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 20-67.

знаков»¹. В географии под ситуацией (геоситуацией) понимают «состояние окружающей среды, в которой существует некоторый географический объект, с учетом состояния самого объекта, находящегося в диалектическом состоянии с окружающей средой»².

Иногда, впрочем, обыденное и научное определения рассматриваемой категории в словарях практически совпадают с предлагаемым в той или иной науке определением, что, с нашей точки зрения, указывает на степень зрелости науки. Приведем здесь только одно высказывание. Так, Р.С. Белкин, основываясь на том, что, по словарному определению, ситуация – это сочетание условий и обстоятельств, создающих определенную обстановку, положение, определяет криминалистическую (следственную) ситуацию как «совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование»³. Как видим, здесь выделен лишь один определяющий криминалистическую ситуацию признак – расследование.

Действительно, даже в одном из последних и наиболее авторитетных словарей русского языка, «ситуация» определяется как «совокупность условий и обстоятельств, создающих те или иные отношения, обстановку, положение»⁴. Такое определение практически является переводом с французского языка. Situation, поясняет словарь, как раз и понимается как положение, обстановка, совокупность обстоятельств. Впрочем, разные авторы находят основания этого слова в разных языках. А.В. Филиппов и А.В. Ковалев отмечают, что слово «ситуация», пришедшее из французского языка, имеет в качестве исходного, базового латинское situs. Последнее же включало в себя следующие значения: 1) положение, расположение; 2) поставленный, положенный, лежащий, находящийся; 3) обитающий, живущий. Авторы специально выделили тот факт, что исходное определение понятия «ситуация» оказывается заметно шире, чем употребляемое ныне, причем все вышеперечисленные значения этого термина имманентно предусматривают наличие занимающего определенную позицию субъекта⁵. Заметим, что представители конкретных наук зачастую игнорируют факт имманентного присутствия в определении субъекта (с его позицией), пытаясь свести его к констатации сугубо объективной характеристики «внешних обстоятельств». Впрочем, нередко ситуация рассматривается как вполне субъективное образование. Естественно, что при этом игнорируется уже объективное содержание ситуации. Такая бинарность (ситуация либо только субъективна, ли-

---

¹ Словарь русского языка. – Т. 4. – М.: Рус. яз., 1999. – С. 100.

² Солодухо Н.М., Трофимов А.М. Ситуационный подход в комплексной географии // Ситуационные исследования. – Вып. I: Ситуационный подход. По материалам всероссийского семинара / Под общ. ред. проф. Н.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2005. – С. 135.

³ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. – М.: Юристъ, 1997. – С. 135.

⁴ Словарь русского языка. – Т. 4. – М.: Рус. яз., 1999. – С. 100.

⁵ Филиппов А.В., Ковалев С.В. Ситуация как элемент психологического тезауруса // Психологический журнал. – 1986. – Т. 7. – № 1. – С. 14-21.

бо только объективна) характерна там, где системный подход, благодаря которому можно было бы совместить противоположности, еще не зарекомендовал себя в полной мере в качестве инструмента познания. С этой точки зрения становится ясным, почему, например, «в понятиях об управлении понятие "ситуация" нередко употребляется вместе с понятием "система"»¹.

В «Новой философской энциклопедии» (2001) указывается на то, что понятие «ситуация» (нем. situation) было введено в науку К. Ясперсом и получило распространение в экзистенциализме, философии жизни, феноменологии. «У Ясперса ситуация характеризует способ бытия человека в мире»². Действительно, еще в 1931 г. Карл Ясперс опубликовал большую работу, прямо посвященную анализу этого понятия в философском, психологическом и патопсихологическом смысле³. Как философ и психолог, К. Ясперс всегда был труден для понимания, и только сегодня можно если не вполне истолковать его идеи, то хотя бы понять истоки трудности понимания его построений. Это был системно мыслящий ум, который и к понятию «ситуация» подходил системно, пытаясь определенным образом совместить в нем субъективное и объективное начало. Но это и представляло основные трудности для читателей, мышление которых было не всегда готово к принятию системных идей – системный подход только начинал теснить преобладавший в то время структурный подход⁴.

Однако к концу XX в. стали накапливаться новые теории в таких фундаментальных науках, как астрономия, физика, химия, биология, что привело к перелому в мышлении исследователей в сторону системного мышления.

В системном мышлении не просто противоположности берутся в одной «системе координат» (философских, психологических, криминалистических и т.д.). Здесь объективируются такие системные качества, такие совмещенные («удвоенные») явления, которые просто недоступны другому человеку, который не мыслит системно, т.е. не имеет в виду систему, в которой эти качества, явления открываются или формируются. Системные явления чувственно-сверхчувственны⁵. К числу таковых, полагаем, относится и «ситуация», которая, по мнению профессора Н.М. Солодухо, имеет следующие главные отличительные признаки: «динамичность сменяемых состояний, вероятностный характер качественных изменений, многофакторная детерминация, малая предсказуемость выдвижения доминирующего фактора»⁶.

---

¹ Там же. – С. 21.

² Новая философская энциклопедия. – Т. 3. – М., 2001. – С. 516.

³ Jaspers K. Geistige Situation der Zeit. – Berlin, 1931. – S. 19.

⁴ Подробнее см.: Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В. Указ. раб. – С. 21-30.

⁵ Подробнее об этом см. п. 1.3 настоящей работы.

⁶ Солодухо Н.М. Манифест ситуационного движения // Ситуационные исследования. Вып. I: Ситуационный подход. По материалам всероссийского семинара / Под общ. ред. проф. Н.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2005. – С. 173.

Не случайно в последнее время в работах делается акцент именно на комплексное понимание ситуации. Так, например, в «Большом толковом психологическом словаре» (2000) дано следующее определение понятия «ситуация». «Ситуация – комплексное целое, представляющее паттерны множественных стимулов, события, объекты и эмоциональный тон, существующий в некоторый момент времени»¹. В приведенном определении несложно заметить утверждение авторов о единстве внутри ситуации объекта (по определению находящегося вне субъекта и существующего независимо от него) и субъекта, представленного «эмоциональным тоном». Такое понимание ситуации созвучно с так называемой философией постмодерна и связанным с ним синергетическим (метасистемным) мышлением, о котором шла речь в предыдущем параграфе².

Возвращаясь к вышеприведенному определению ситуации, отметим достаточно заметное соответствие с тем, к чему приходит Г. Хакен. «Таким образом вместо обычного процесса образования паттерна, в ходе которого один или несколько параметров порядка подчиняют себе те или иные внешние подсистемы, и обычного процесса распознавания паттернов, в котором один или несколько параметров порядка подчиняют себе те или иные внешние свойства системы, мы имеем здесь интегрированный процесс: один или несколько параметров порядка подчиняют себе и внешне репрезентированные подсистемы и внутренне репрезентированные свойства»³.

Хаос внешних воздействий, идущих от «объективной реальности» – всевозможностного, в себе и для себя существующего мира, индифферентного по отношению к человеку, что-то должно упорядочивать. Полагаем, что таким «параметром порядка» является междисциплинарная категория «ситуация» и связанный с ней ситуационный подход. «Отсюда важнейшие характеристики ситуационного понимания мира – мобильность, случайность, неопределенность, размытость границ, факторная равнозначность, поливариантность, плюралистичность»⁴.

---

¹ Большой толковый психологический словарь. – М.: Изд-во «Вега-Акт», 2000. – С. 253.

² См. также: Ким Д.В. Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве: Монография / Под ред. проф. В.К. Гавло. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 7-67.

³ Хакен Г. Принципы работы головного мозга: Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. – М., 2001. – С. 298.

⁴ Солодухо Н.М. Манифест ситуационного движения // Ситуационные исследования. Вып. I: Ситуационный подход. По материалам всероссийского семинара / Под общ. ред. проф. Н.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2005. – С. 173.

Подход к познанию мира в ситуационном аспекте востребован во многих направлениях научного знания, таких, как экология¹, география², экономика³, культура⁴, психология⁵ и др., почти во всех областях практической деятельности человека. Особое значение ситуационный подход приобретает при решении актуальнейших проблем современности, связанных с «чрезвычайными», «нештатными» ситуациями во время военных конфликтов, террористических актов, катастроф и т.д.⁶

Поэтому не случайно для проведения ситуационных исследований создаются специализированные центры, целью которых является разработка общенаучной теории ситуационного подхода и его применение в различных областях познания⁷.

В связи с чем, полагаем, о ситуационном подходе можно говорить как об общенаучном, междисциплинарном методе научного познания, обладающем общностью и универсальностью.

Такой взгляд не противоречит словарному определению и соотношению понятий «метод» и «подход». Так, в «Словаре русского языка» понятие «подход» определяется как «совокупность приемов, способов (в воздействии на кого-нибудь, что-нибудь, в изучении чего-нибудь, в ведении дела)»⁸.

---

¹ Трофимов А.М., Солодухо Н.М. Глобальные экологические проблемы // Наука и искусство географии: Спектр взглядов ученых СССР и США. – М.: Прогресс, 1989; Котляков В.М., Трофимов А.М., Селивестров Ю.П., Солодухо Н.М. Моделирование экологических ситуаций // Изв. РАН. Сер. геогр. – 1995. – № 1. – С. 5-20 и др.

² Трофимов А.М., Солодухо Н.М., Панасюк М.В. Математическое моделирование географических систем и геоситуационный подход // Математизация естествознания: пути и тенденции. – Казань: КГУ, 1984. – С. 156-167 и др.

³ Багаутдинова Н.Г., Багаутдинова А.З. Ситуационный подход в маркетинге // Ситуационные исследования. Вып. I: Ситуационный подход. По материалам всероссийского семинара / Под общ. ред. проф. Н.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2005. – С. 124-128; Огородникова Ю.Г. Системный и ситуационный подходы в экономической новации // Там же. – С. 129-132.

⁴ Листвина Е.В. Современная социокультурная ситуация: сущность и тенденции развития. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001 и др.

⁵ Иосебадзе Т.Г., Иосебадзе Т.Ш. Проблема бессознательного и теория установки школы Узнадзе // Бессознательное: природа, функции. – Т. 4. – Тбилиси. – С. 36-37 и др.

⁶ См., напр.: Воробьев В.Г. Зубков Б.В., Уриновский Б.Д. Технические средства и методы обеспечения безопасности полетов. – М.: Транспорт, 1989; Солдаткин В.М. Основы синтеза информационно-управляющих систем обеспечения безопасности полета // Изв. вузов. Авиационная техника. – 1994. – № 2. – С. 18-23 и др.

⁷ Примером может служить «Центр ситуационных исследований», созданный на базе Казанского государственного университета им. А.Н. Туполева, объединяющий специалистов в области философии, экологии, химии, географии, математики, физики, техники, психологии и др.

⁸ Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1990. – С. 543.

Что же касается понятия «метод», то оно трактуется как «способ достижения какой-либо цели, решения конкретной задачи; совокупность приемов и операций практического или теоретического освоения (познания) действительности»¹.

Приведенные выше определения показывают общность анализируемых понятий, их идентичность как «приемов, способов, операций освоения действительности». Все эти процедуры в совокупности образуют ситуационные исследования, а сам ситуационный метод (подход) дает необычайно широкие возможности своего применения, которые прослеживаются в следующем:

«- ситуационный подход применим к несистемным и системным объектам: когда система еще не сложилась, когда она возникла и когда система распалась;

- ситуационный подход способен характеризовать переходные состояния одной и той же системы, когда эти состояния качественно отличаются и не отличаются друг от друга;

- ситуационный подход способен учитывать роль совокупности внешних и внутренних факторов, оказывающих влияние на систему, ее функционирование и развитие;

- ситуационный подход применим к результату двух и более взаимодействующих систем, компоненты которых сочетаются случайным образом, не создавая еще новой устойчивой системы или образуя систему нового качества;

- с помощью ситуационного подхода возможно оценивать внутренние и внешние состояния систем, направленность их процессов, временной и пространственно-границный аспекты любой системы»².

Все вышесказанное имеет непосредственное отношение и к криминалистике. Необходимость ситуационного анализа преступлений и деятельности по их расследованию, как совершенно справедливо заметил Н.П. Яблоков, вытекает из двуединого объекта криминалистического изучения, включающего и преступную, и криминалистическую деятельности³. Действительно, объектом изучения криминалистики являются системы различного уровня, наиболее глобальные из которых преступная деятельность и ее антипод – правоприменительная деятельность, имеющие ситуационную природу. Эти две системы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Они имеют переходное состояние, связанное с появлением уголовно значимой информации, ее проверкой в соответствии с уголовно-процессуальным законом. В то же время,

---

¹ Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: «Большая Российская энциклопедия»; СПб: «Норинт», 2002. – С. 724.

² Солодухо Н.М. Методология ситуационного подхода в научном познании // Фундаментальные исследования: Научно-теоретический журнал Рос. Акад. естествознания. – М., 2005. – № 8. – С. 85-88.

³ Яблоков Н.П. Криминалистика: Учебник / Н.П. Яблоков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008. – С. 40.

при всей схожести этих систем (элементный состав, пространственно-временные параметры, этапность, ситуационность и т.д.), они качественно отличаются друг от друга не только целями и задачами, но и складывающимися в процессе каждой из деятельностей ситуациями. Для криминалистики важнейшей проблемой является познание взаимосвязей между вышеуказанными системами. Такую задачу, полагаем, может выполнить ситуационный метод. Именно он позволяет дифференцировать все многообразие ситуаций, возникающих как в процессе преступной, так и в процессе правоприменительной деятельности, и на этой основе разрабатывать рекомендации технического, тактического и методического порядка в целях решения задач уголовного судопроизводства¹.

Ситуационный метод позволяет любой элемент ситуации рассматривать как центральный источник информации, как основной объект исследования. При этом взаимосвязи с остальными элементами остаются теми же, что лежат и в основе метода. Исследуя таким образом каждый элемент в отдельности и в одной системе (с другими элементами), можно определить его взаимосвязи с другими, неизвестными, элементами ситуации, а также закономерности взаимодействия с ними на основе его индивидуальных качеств. В совокупности это позволяет исследовать как каждый элемент, так и всю систему (ситуацию) не только в статике, но и в динамике.

В связи с чем можно констатировать, что ситуационный метод, как метод познания окружающего нас мира, затрагивает иные его аспекты и существенно дополняет другие методы, такие, как: системный, комплексный, моделирование и др. В частности, ситуационный метод предполагает изучение явления в качестве необходимого элемента реальной функционирующей (функциональной) системы, имеющей свою особую качественную определенность. В такой системе элемент понимается и как целостное явление, и как явление, детерминированное включающей его системой. Таким образом, на первый план выходят **сверхчувственные качества системы, которые системой порождаются**. На основе порождения таких качеств система оказывается способной к самоорганизации. Существуют же они как качества элементов, образующих ситуацию, чем последние и отличаются от прочих элементов среды.

Такое понимание ситуационного подхода как метода научного познания не противоречит и общеметодологическим критериям метода².

Таким образом, ситуационный метод выражает уникальность каждой складывающейся ситуации, в то же время, с учетом повторяемости, схоже-

---

¹ См., напр.: Волчецкая Т.С. Ситуационный подход в практической и исследовательской криминалистической деятельности: Учеб. пособ. / Калинингр. ун-т., Калининград, 1999; Она же. Основы судебной экспертологии: Учеб. пособ. – Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 2004 и др.

² Подробнее см.: Штофф В.А. Проблемы методологии научного познания. – М., 1978; Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. – М., 1993; Кохановский В.П. Философия и методология науки. – Ростов н/Д., 1999 и др.

сти общих черт и элементов, образующих ситуации, он служит для типизации ситуаций, а, в конечном счете, решает свою сверхзадачу – «научиться управлять ситуациями»¹. Применительно к криминалистике это может означать разработку типовых алгоритмов разрешения криминалистических ситуаций, в том числе на базе автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС).

Процесс доказывания представляет собой определенный набор типизированных действий, обусловленных характером уголовного судопроизводства и складывающимися криминалистическими ситуациями². На этой основе разрабатываются и применяются на практике методические рекомендации с набором процессуальных и иных действий в типичных криминалистических ситуациях для любого субъекта доказывания³.

Следует заметить, что понятие «криминалистическая (следственная) ситуация» до второй половины 60-х годов XX века в советской криминалистической литературе отсутствовало. Не было работ, в которых бы прямо говорилось о понятии, классификации, содержании криминалистической ситуации, ее месте в системе криминалистики и роли в раскрытии и расследовании преступлений⁴.

В то же время в работах тех лет уже учитывалась ситуационная природа в доказывании по уголовным делам⁵.

---

¹ Солодухо Н.М. Манифест ситуационного движения // Ситуационные исследования. Вып. I: Ситуационный подход. По материалам всероссийского семинара / Под общ. ред. проф. Н.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2005. – С. 175.

² См., напр.: Комаров И.М. Криминалистические операции в досудебном производстве: Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 85; Подшибякин А.С. Допрос как разновидность общения // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе. – Краснодар, 2002. – С. 91-98.

³ См., напр.: Александров А.А. Язык уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2003. – С. 37-53; Степаненко Д.А. Проблемы теории и практики криминалистической идентификации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Иркутск, 2006. – С. 37-48; Кульмашев Ф.Х. Проблемы теории и практики криминалистического исследования автотранспортных средств и связанных с ними преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2007. – С. 38-44 и др.

⁴ Обзор отдельных положений развития понятия «криминалистическая (следственная) ситуация» см.: Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М.: Юристъ, 1997. – С. 129; Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск, 1985. – С. 216-273; Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. – С. 7-26; Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: Монография / Под ред. проф. В.К. Гавло. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 67-97 и др.

⁵ См.: Якимов И.Н. Криминалистика. Уголовная тактика. М., 1929. – С. 7-85; Анушат Э. Искусство раскрытия преступлений и законы логики. – М.: «ЛексЭст», 2001. – С. 5-62, 92-100; Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система кри-

Особое внимание криминалистическим ситуациям, складывающимся на различных этапах расследования преступлений, стало уделяться лишь с конца 60-х – начала 70-х гг. XX в.

Ретроспективный анализ материалов научной дискуссии показывает, что в разное время этой проблемой занимались И.В. Александров, О.Я. Баев, Т.С. Балугина, Р.С. Белкин, Н.М. Букаев, И.А. Возгрин, Т.С. Волчецкая, В.К. Гавло, Ф.В. Глазырин, Н.Л. Гранат, А.Н. Гусаков, Г.А. Зорин, Л.Л. Каневский, В.Н. Карагодин, В.В. Клочков, В.Я. Колдин, В.И. Комиссаров, В.И. Куклин, В.П. Лавров, И.М. Лузгин, В.А. Образцов, А.Р. Ратинов, В.И. Рохлин, Т.А. Седова, В.Г. Танасевич, Д.А. Турчин, Н.И. Хлюпин, А.А. Хмыров, Е.Е. Центров, А.Г. Филиппов, Н.П. Яблоков, В.В. Яровенко и др.¹

Анализ работ названных и других авторов по проблемам формирования, распознавания и разрешения криминалистических ситуаций в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел свидетельствует о чрезвычайной их актуальности, имеющей большое теоретическое и практическое значение, особенно в разработке и использовании новых наиболее эффективных технических средств, тактических приемов и методик ведения следствия.

Определенное влияние на понятие и содержание криминалистической ситуации оказала упомянутая нами позиция Р.С. Белкина, которой в настоящее время придерживается большинство ученых-криминалистов.²

Хотя большинство исследователей и говорят о том, что криминалистическая ситуация формируется под влиянием объективных, субъективных и случайных факторов, которые находятся в единстве, взаимосвязи и представляют взаимодействие субъективного и объективного³, сущность выше-

---

миналистики. – Новое изд. – М.: ЛексЭст, 2002. – С. 74-169; Громов В.И. Дознание и предварительное следствие: Методика расследования преступлений. – М.: ЛексЭст, 2003. – С. 89-470 и др.

¹ См., напр.: Следственная ситуация и раскрытие преступлений: Научные труды Свердловского юрид. ин-та. Вып. 41. – Свердловск, 1975; Следственная ситуация. – М.: Всесоюз. ин-т прокуратуры, 1985; Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики. Мат-лы междунар. науч. конф. (к 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина), 2002. – С. 77-80, 107-110, 207-211; Проблемы раскрытия преступлений в свете современного уголовно-процессуального законодательства: Мат-лы всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти проф., д-ра юрид. наук, заслуж. юриста РФ И.Ф. Герасимова. – Екатеринбург: Изд-во «Чароид», 2003. – С. 193-200, 289-295, 382-385 и др.

² См.: Следственная ситуация. – М.: Всесоюз. ин-т прокуратуры, 1985; Курс криминалистики: В 3 т. Т. 2. Криминалистическая методика: Методика расследования преступлений против личности, общественной безопасности и общественного порядка / Под ред. О.Н. Коршуновой, А.А. Степанова. – СПб.: «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 89 и др.

³ См., напр.: Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М., 1997. – С. 134-139; Зорин Г.А. Криминалистическая эвристика. – Гродно, 1994. Т. 1. – С. 51-53 и др.

изложенного подхода оказывается весьма ограниченной, поскольку обуславливает и допускает представление только одной из сторон сложного диалектического процесса взаимодействия личности и среды, а именно воздействия организованных в ситуацию элементов среды на человека. Ограниченность подобной трактовки таит в себе серьезную методологическую ошибку, ибо дальнейшее ее логическое развитие может легко привести к давно дискредитировавшей себя схеме «стимул – реакция», поскольку из субъекта исключается то, что, собственно, и составляет его сущность – активность¹.

Такое положение в понимании криминалистической ситуации сложилось, на наш взгляд, потому, что криминалистика, как и другие науки, изначально возникла из классического представления о субъект-объектном расчленении сознания. Сама возможность познавательного отношения к действительности предполагает, что субъективность может быть устранена из акта познания. Именно поэтому первые представления о криминалистической ситуации сводились к отождествлению ее с объективным содержанием преступления и условий, в которых оно произошло². Такое понимание криминалистической ситуации сохранилось и до сих пор³. Так, определяя криминалистическую ситуацию как «степень информационной осведомленности следователя о преступлении, а также состояние процесса расследования, сложившееся на любой определенный момент времени, анализ и оценка которого позволяют следователю принять наиболее целесообразное по делу решение»⁴. Т.С. Волчецкая тем не менее отмечает, что «прежде чем оценить ситуацию, к моменту оценки необходимо сформулировать свое о ней представление, определить ее компоненты и связи между ними, **поскольку нельзя оценить нечто, еще не отраженное в сознании**»⁵ (выделено нами. – Д.К.). Это позволяет говорить о том, что классическая гносеологическая ситуация в ее гносеологической формуле сохраняется в современной криминалистике.

---

¹ Филиппов А.В., Ковалев С.В. Ситуация как элемент психологического тезауруса // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. – 1986. – № 1. – С. 14-21.

² См.: Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы методики расследования отдельных видов преступлений: Дис. ... д-ра юрид. наук. – Харьков, 1967. – С. 509; Васильев А.Н. Следственная тактика. – М., 1976; Лузгин И.М. Развитие методики расследования отдельных видов преступлений // Правоведение. – 1977. – № 2. – С. 64 и др.

³ Турчин Д.А. О разработке теории следственных ситуаций // Следственная ситуация: Сб. науч. тр. – М., 1985. – С. 28; Седова Т.А. Указ. раб. – С. 50; Возгрин И.А. // Там же. – С. 69; Шмонин А.В. Методика расследования преступлений: Учебное пособие. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2006. – С. 240 и др.

⁴ Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: Монография / Под ред. проф. Н.П. Яблокова. – М. – Калининград, 1997. – С. 93.

⁵ Там же. – С. 93.

В связи с этим заслуживает особого внимания позиция Л.Я. Драпкина по поводу сущности криминалистической ситуации, которая понимается им как «мысленная динамическая модель, отражающая информационно-логическое, тактико-управленческое и организационное состояние, сложившееся по уголовному делу и характеризующее благоприятный или неблагоприятный характер процесса расследования»¹. По мысли автора, следователь действует в реальной обстановке, но прежде чем что-либо предпринять, ему необходимо получить информацию о существенных чертах реальной обстановки, создать ее адекватную модель².

Таким образом, в теоретическом аспекте важной, но крайне сложной задачей продолжает оставаться исследование того, каким образом возникает и развивается криминалистическая ситуация. Сложность заключается в том, что собственно криминалистический смысл данного понятия как бы исходно перекрывается гносеологическим: любая ситуация, не только криминалистическая, воспринимается всеми, имеющими сознание, как нечто первичное, объективное, нам противостоящее, как «не-Я», которое, тем не менее, отражается нами. Этим и объясняется природа гносеологизма как явления, характерного для разных наук, которым приходится иметь дело с «ситуациями»: «Наша сродственная со-причастность и природе, и обществу, и Богу, и культуре в рамках субъект-объектной структуры наших представлений о них всегда обнаруживает и будет обнаруживать себя как объективистки-вещно-внешняя противопоставленность и отчужденность им»³.

Если гносеология разводит субъективное и объективное вплоть до противопоставления, решая свои проблемы об активности субъекта в поиске истины и о ней самой, то это вполне справедливо. Но если такое противопоставление проникает в конкретную науку и даже становится методологическим основанием ее построений, то оно исходно перекрывает пути для понимания единства, внутренне противоречивого единства противоположностей, как источника развития явления. Именно таким единством и является криминалистическая ситуация. В криминалистической практике же нельзя абстрагироваться от того факта, что криминалистическая ситуация является продуктом и результатом активного взаимодействия субъекта со средой, в которой осуществляется его деятельность, нельзя абстрагироваться от него и в теории. Здесь на первый план выходит онтологический аспект, отдающий приоритеты не абстрактным субъектам и объектам, а людям и их реальной жизнедеятельности.

Конкретное противоречие возникает в связи с тем, что в гносеологическом плане объект рассматривается как независимый от познания, а в онтологическом плане он зависит от опыта, установок, целей, оценок, знаний,

---

¹ Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. – Свердловск: Изд-во Урал. ин-та, 1987. – С. 17.

² Драпкин Л.Я. Указ. раб. – С. 14.

³ Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Антропологический принцип в психологии развития // Вопросы психологии. – 1998. – № 6. – С. 3-18.

умений субъекта, осуществляющего расследование по делу. Ориентация того или иного автора скорее на гносеологический или онтологический аспект приводит к поляризации мнений относительно объективного или субъективного характера следственных ситуаций. Так, ряд авторов в определении понятия и содержания криминалистической ситуации больше внимания уделяют субъективным компонентам (И.Ф. Герасимов, А.Н. Васильев, В.А. Образцов, В.Г. Танасевич, Л.Я. Драпкин и др.). Другая группа ученых отдает предпочтение объективным факторам (А.Н. Колесниченко, В.Е. Корноухов, В.И. Шиканов, Н.А. Селиванов, Р.С. Белкин, Н.П. Яблоков и др.). Однако все авторы единодушны в том, что криминалистическая ситуация представляет собой сложную систему.

Не выходя за рамки концепции нашего исследования, попытаемся изложить свою точку зрения относительно содержания криминалистической ситуации с позиции системного и деятельностного подходов.

Во-первых, неоднозначное толкование самого термина «следственная ситуация» ведет к смешиванию разнородных понятий и тем самым существенно затрудняет их научное и практическое применение.

Следует согласиться с мнением И.А. Копылова, который отмечает, что «...термин "следственная" не совсем удачен, поскольку допускает возможность двойственного толкования: ситуация, складывающаяся в процессе следствия, и ситуация – в которой оказывается следователь. Правильнее было бы именовать ситуацию криминалистической»¹.

Здесь необходимо еще одно уточнение. Понятие «следственная» одни ученые связывают со словом «следователь», другие – со словом «следствие», «следовая картина» от слова «след», которое с гносеологической точки зрения имеет в криминалистике огромное значение, являясь одним из ее «китов»². Однако с позиции онтологии на первый план выходит понятие «информация». В связи с чем прав В.К. Гавло, который полагает, что в основе криминалистической ситуации лежат такие главные показатели, как «наличие или отсутствие значимой информации, сведений, фактических и иных данных по делу, сориентированных на криминалистическую характеристику отдельного вида преступления»³.

Использование информационного подхода при решении криминалистических задач в процессе расследования преступлений в настоящее время – это не дань моде, а необходимость, обусловленная возможностями совре-

---

¹ Копылов И.А. Следственная ситуация и тактическое решение. – Волгоград, 1988. – С. 3.

² Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. – М.: Юристъ, 1997. – С. 57-61; Он же. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: НОРМА, 2001. – С. 60-64; Каминский М.К. Что есть, что может быть и чего быть не может для системы «Криминалистика» // Вестник криминалистики. – Вып. 1 (3). – М.: Спарк, 2002. – С. 11; Филиппов А.Г. Субъективные заметки (о статье М.К. Каминского) // Вестник криминалистики. – Вып. 1 (3). – М.: Спарк, 2002. – С. 16 и др.

³ Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск, 1985. – С. 224.

менных технологий и тенденциями развития научного знания¹, в связи с чем главным в криминалистической ситуации является «ее информационная составляющая»². Поэтому не случайно сами же сторонники категории «следа» считают, что «... "след" должен браться не в спекулятивно-эмпирическом содержании, как оттиск, царапина, деформация и т.д., а как единство двух противоречий: кодового преобразования информации, ПД (информации, существующей объективно, но существующей в потенциальной форме) и обратного кодового преобразования, в результате которого возникает *понимание* механизма тех преобразований в ПД, которые и отразили первичную информацию»³. Здесь, полагаем, следует иметь в виду, что не каждая информация становится следом в его криминалистическом смысле, а только та, которая «попала» в поле зрения субъекта доказывания как имеющая для него определенный смысл и ценность и которую он использует (или собирается использовать) в процессе расследования преступлений. В связи с этим все ситуации, изучаемые криминалистикой, мы предлагаем именовать криминалистическими, т.к. в их основе лежит криминалистически значимая (относящаяся к преступлению) информация. При этом следует поддержать мнение Т.С. Волчецкой, которая в зависимости от сферы возникновения ситуаций предлагает выделять ситуации, возникающие не только в криминальной деятельности и в практике борьбы с преступностью, как предлагают и другие исследователи, но и в самой криминалистической науке⁴.

Кроме того, внутри каждого типа и класса ситуаций также можно выделить свои виды ситуаций, о которых речь пойдет в дальнейших частях работы.

Во-вторых, как уже указывалось выше, трудности поиска источника возникновения и развития криминалистической ситуации связаны с «жестким» разделением субъекта и объекта на две противоположности с последующей целью найти источник на одном из полюсов либо в самой деятельности субъекта доказывания.

Хотя большинство авторов и указывают на единство субъективных и объективных факторов, образующих криминалистическую ситуацию, остаются нерешенными следующие вопросы. Если субъект и объект рассматри-

---

¹ См., напр.: Колдин В.Я., Поташник Д.П. Информационные основы экспертно-криминалистического анализа // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 1999. – № 4. – С. 14; Ищенко Е.П. Алгоритмизация первоначального этапа расследования преступлений: Дис. ... д-ра юрид. наук. – Свердловск, 1989; Выговтова Н.И. Основы информационно-управленческой концепции расследования преступлений // Вестник криминалистики. – Вып. 4 (12). – М.: Спарк, 2004. С. 33-40; Могутин Р.И. Информационная концепция методологии криминалистики // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2007. – № 2. – С. 331-342 и др.

² Лысов Н.Н., Святенко А.И. Понятие следственной ситуации // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2007. – № 6. – С. 328.

³ Каминский М.К. Что есть, что может быть и чего быть не может для системы «Криминалистика» // Вестник криминалистики. – Вып. 1 (3). – М.: Спарк, 2002. – С. 11.

⁴ Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуация: Монография / Под ред. проф. Н.П. Яблокова. – М. – Калининград, 1997. – С. 57.

ваются в одной системе (деятельность), то они теряют при этом свою «полноту», свою противоположность, но образуют при этом нечто новое, системное, не сводимое ни к субъекту, ни к объекту. В этом суть системного подхода, но эта суть не учитывается, когда пытаются проводить «анализ деятельности на полюсе субъекта», через который можно выйти к другим принципам теории деятельности. Кроме того, деятельность обеспечивает «встречу» субъекта с объектом, но взаимодействовать между собой могут не любые противоположности, а тождественные, соответствующие. Это соответствие субъекта и объекта существует всегда, но проявляется именно в деятельности¹. Следовательно, необходимо выйти за пределы деятельности (как системы), чтобы понять причины, в силу которых объект оказался втянутым в систему деятельности. Для этого нужно деятельность представить как совокупность направленных взаимодействий человека (субъекта доказывания в нашем случае) с действительностью, а саму действительность – как результат взаимоперехода субъективного в объективное, как носителя таких свойств, которые превращают объективное в криминалистическую ситуацию. Но это означает переход на другой уровень системного видения реальности. В психологии, как было сказано выше, такой реальностью выступает «психологическая система», под которой понимается человек, включающий в себя и субъективную компоненту (образ мира, составляющего для человека его действительность), и деятельностную компоненту (образ жизни человека в его действительности), и саму действительность – многомерный мир человека как онтологическое основание его жизни, определяющий сам образ жизни и определяемый ею².

Если деятельность (как система) замыкает два полюса – субъект и объект, то понятие «психологическая система» позволяет объяснить то, что предшествовало встрече субъекта с объектом и, следовательно, объясняет механизм избирательности деятельности и природу избирательности психического отражения вообще, так же как и природу трансформации деятельности. При этом элементы окружающего (объективного) мира приобретают для человека определенные системные качества, такие, как значение, смысл и ценность. Эти качества определяют дальнейшее развитие всей «психологической системы».

С этой точки зрения «психологическая ситуация» представляет собой часть объективного мира, попавшую в психологическую систему и получившую в ней новые качества. Наличие этих качеств определяет, относится ли то или иное явление объективного мира, вещь, предмет к ситуации или не относится. В последнем случае эти явления вообще не попадают ни в

---

¹ Ключко В.Е. Саморегуляция мышления и ее формирование: Учеб. пособ. – Караганда: Изд-во КарГУ, 1987. – С. 26-27.

² Ключко В.Е. Инициация мыслительной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1991. – С. 11; Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / Под ред. Г.В. Залевского. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. – С. 79.

число условий, определяющих деятельность, ни в число факторов, направляющих деятельность (цель, мотивы и т.д.)¹.

Изложенное выше составляет содержание некоторых принципов теории психологических систем (ТПС), разрабатываемой большой группой сибирских ученых. ТПС предлагает для изучения живую, функционирующую, развивающуюся систему в качестве актуального (на сегодня) предмета исследования².

Что это означает для криминалистики, предстоит выяснить. Однако и на сегодня остаются актуальными выводы проф. Т.С. Волчецкой о том, что **«назрела необходимость интеграции знаний о всех ситуациях, попадающих в сферу криминалистики в рамках общего учения о криминалистических ситуациях, которое: свело бы их в единую целостную систему; выявило бы общие закономерности их познания и работы с ними»**³ (выделено нами. – Д.К.). Указанные аспекты, полагаем, имеют непосредственное отношение к вопросам общей теории криминалистики, в том числе и к определению ее предмета.

Несмотря на то, что идея создания теории ситуаций была высказана учеными еще в 60-80-х гг. XX в.⁴, а впоследствии развита в докторской диссертации Л.Я. Драпкина, впервые криминалистическая ситуалогия как целостная теория сформулирована в монографии, а затем и в докторской диссертации Т.С. Волчецкой⁵. В этих работах было изложено основное содержание теории. В частности, определены ее предмет и объект, метод, задачи, сформулированы основные принципы ситуационного подхода. Кроме того, разработана классификационная схема криминальных, следственных, оперативно-розыскных, экспертных и судебных ситуаций, являющихся объектами криминалистического исследования.

Предметом криминалистической ситуалогии, по мнению Т.С. Волчецкой, являются закономерности объективной реальности, связанные с ситуациями, изучаемыми криминалистикой, и поэтому она включает в себя:

а) закономерности образования ситуации;

---

¹ Ключко В.Е. Саморегуляция мышления и ее формирование: Учеб. пособ. – Караганда. Изд-во КарГУ, 1987. – С. 26.

² См., напр.: Ключко В.Е. Методологические принципы теории психологических систем // Фиксированные формы поведения в образовании, науке и культуре: Матлы 1 региональной школы молодых ученых-психологов. – Бийск: НИЦ БиГПИ, 2000. – С. 8-16; Баланев Д.Ю. Кибернетический редукционизм в психологии в контексте историко-системного подхода: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Барнаул, 1999; Никонова Н.А. Историко-системный анализ становления психологических представлений об уровневой природе сознания: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Барнаул, 2004 и др.

³ Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: Монография / Под ред. проф. Н.П. Яблокова. – М. – Калининград, 1997. – С. 10.

⁴ См.: Следственная ситуация: Сб. науч. тр. – М., 1984.

⁵ Волчецкая Т.С. Указ. раб.

- б) закономерности ее межэлементных связей;
- в) закономерности связей между ситуациями различной природы (к примеру, между посткриминальной и исходной следственной ситуациями);
- г) повторяемость процессов возникновения типовых ситуаций;
- д) обусловленность принимаемых решений наличной следственной ситуацией;
- е) обусловленность построения информационной модели расследуемого события на основе исследования моделей криминальных ситуаций;
- ж) обусловленность частных криминалистических методик исходными следственными ситуациями;
- з) обусловленность создания криминалистических характеристик отдельных видов преступлений на основе типовых моделей криминальных ситуаций преступлений этого вида¹.

Объектом же криминалистической ситуалогии является все многообразие ситуаций, относящихся к предмету криминалистической науки, а также структурные элементы ситуации, представляющие собой факты, отношения, процессы, явления, возникающие в криминальной среде, уголовном судопроизводстве, которые в своей совокупности и образуют ситуацию².

Эта очень интересная и оригинальная позиция в целом заслуживает внимания и одобрения, но в то же время не является бесспорной. Определяя предметом криминалистической ситуалогии «закономерности объективной реальности, связанные с ситуациями» и указывая на то, что объектом криминалистической ситуалогии являются «...факты, отношения, процессы, явления..., которые в своей совокупности и образуют ситуацию», автор фактически придает криминалистическим ситуациям объективный характер. Однако ситуация не может существовать без человека (в данном случае субъекта доказывания), который, воспринимая окружающую его действительность (но не ситуацию!), через свою оценку вкладывает в нее субъективный смысл. Именно при таком взаимодействии, на пересечении субъекта и окружающей его действительности и рождается ситуация. Эта ситуация имеет субъект-объектную природу³.

В отличие от Т.С. Волчецкой, Г.А. Зорин определяет криминалистическую ситуалогию как частную криминалистическую теорию. С позиции практической криминалистики, это интегративная методология, обеспечивающая суммируемый гармоничный синтез методов для решения задач, порождаемых криминалистическими ситуациями⁴.

Эта точка зрения интересна тем, что в отличие от большинства отечественных криминалистов, которые главным объектом исследований и дискус-

---

¹ Там же. – С. 24.

² Там же. – С. 26-27.

³ Более подробно об этом см. п. 1.3 настоящей работы.

⁴ Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. – Мн.: Амалфея, 2000. – С. 48, 74.

сий избрали собственно криминалистическую (следственную) ситуацию, определяя ее содержание, природу, классифицируя ее значение и достоинства для криминалистической деятельности, автор предпринял попытку перехода к методологии решения ситуаций. Таким образом, от ситуации как объекта исследования произведен переход к механизму исследования. Кроме того, Г.А. Зорин рассматривает криминалистическую ситуологию как частную криминалистическую теорию о **положении личности** (выделено нами. – Д.К.) в обстоятельствах и обстановке, в пространственно-временном периоде: до преступления, в момент преступления, после преступления (включая периоды расследования по делу)¹.

Этот подход, по мнению Г.А. Зорина, позволяет по-новому взглянуть на природу ситуации и сформировать новую композиционно-сбалансированную методологию, включающую в себя всю систему разработанных криминалистикой методов для исследования ситуации в любом ее элементном сочетании².

Таким образом, уже краткий анализ подходов к предмету криминалистической ситуологии позволяет говорить о том, что именно ситуационный подход является наиболее перспективным направлением не только в криминалистической методике, но и криминалистике в целом. Однако при всей прогрессивности идей ученых относительно криминалистической ситуологии, их подходы базируются на старой классической методологии, в основе которой лежит принцип отражения. В то же время понимание криминалистической ситуации и ситуологии в целом как открытой самоорганизующейся системы заключается в том, что такое определение означало бы выход за пределы не только классической, но и неклассической криминалистики (основные признаки которой обсуждались выше).

Самоорганизация как способ развития систем примечательна тем, что система производит, порождает такие новообразования, которые сами начинают участвовать в регуляции и детерминации последующих этапов развития. Этот способ существования систем гораздо более сложный и тонкий, чем саморегуляция, основанная на обратной связи с заданной и неизменной целью. Вот почему интерес представляют именно новообразования, порождаемые деятельностью по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений и их судебному разбирательству, которые становятся характеристиками криминалистической ситуации, включаются в нее. Этими новообразованиями являются: новая информация по делу, меняющиеся смыслы и ценности того, что образует криминалистическую ситуацию, сложная система возникающих на их основе оценок самой ситуации, ее отдельных

---

¹ Там же. – С. 50.

² Там же. – С. 50-51.

составляющих и совершаемых действий¹. Здесь учитывается все «дерево целей», которое выстраивается по мере развития криминалистической ситуации, и те критерии оценок, которое оно представляет субъекту доказывания.

Этим объясняется то, что формируя различные решения по уголовному делу, выдвигая версии, составляя планы раскрытия и расследования преступлений, проведения тактических операций и отдельных процессуальных действий, субъект доказывания исходит не из объективно данного, а из того, каким образом оно отражено в его сознании и стало базой для дальнейшей деятельности, слившись с его жизненным и профессиональным опытом².

Правильное понимание этих процессов позволяет глубже понять деятельность субъектов доказывания в уголовном судопроизводстве, что в конечном счете способствует оптимизации расследования преступлений.

Диалектический подход, позволяющий рассматривать различные явления в их самодвижении, саморазвитии позволяет соединить статические и динамические характеристики криминалистической ситуации, объективные и субъективные ее составляющие.

Различные формы системного подхода в криминалистике применяются постоянно (Р.С. Белкин, О.Я. Баев, А.И. Винберг, В.К. Гавло, А.Н. Васильев, Л.Я. Драпкин, Л.Л. Каневский, Н.С. Полевой, Н.П. Яблоков и др.)³, но криминалистические реалии сегодняшнего дня требуют дальнейшего изучения их с точки зрения системной детерминации. Специфика системной детерминации, по мнению В.П. Огородникова, состоит в особом рода взаимодействиях элементов внутри системы. Рассмотрение специфики системного взаимодействия – ключ к пониманию самодетерминации, самодвижения, ибо только в отношении системы можно говорить о «воздействии на себя»⁴. Такой подход, полагаем, дает ключ к пониманию самодвижения деятельности по раскрытию преступлений в складывающихся криминалистических ситуациях.

В криминалистической ситуации сливаются, интегрируются различные детерминационные потоки, берущие начало в объективных обстоятельствах дела, в действиях (и противодействиях) подозреваемых (обвиняемых), в личном опыте проводящего расследование (включая его знания, умения, уровень развития профессионального мышления), влияние других участников расследования, вообще менталитет профессиональной среды. Это и позво-

---

¹ Ким Д.В. Следственная ситуация как информационно-познавательная система в деятельности по расследованию преступлений (по материалам корыстно-насильственных преступлений): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1999.

² Ким Д.В. Следственная ситуация как многомерное явление // Следователь. – 2003. – № 9. – С. 33-35.

³ См., напр.: Проблемы системных исследований в криминалистике и судебной экспертизе: Конф., 4-5 декабря 2006 г., Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова: Сб. тезисов. – М.: МАКС Пресс, 2006.

⁴ Огородников В.П. Познание необходимости. – М., 1985.

ляет рассматривать криминалистическую ситуацию как особым образом детерминированную систему, которая, в свою очередь, выполняет системообразующую функцию по отношению ко всей деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, а также их судебному рассмотрению, обеспечивая ее направленное и устойчивое развитие.

Исследуя с этих позиций предмет криминалистики и учитывая опережающее развитие ее теоретических структур и процессов (научная криминалистика) перед практикой по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений (практическая криминалистика), была предложена следующая система знаний, требующая дальнейшего изучения криминалистикой. Такой системой знаний, по мнению В.К. Гавло, могут выступать: с одной стороны – закономерности проявления механизма подготовки, совершения и сокрытия преступлений (преступная деятельность) с учетом криминальных ситуаций и создание криминалистической характеристики преступлений (преступной деятельности); с другой стороны – закономерности механизмов раскрытия, расследования и предотвращения преступлений и их судебного разбирательства в складывающихся криминалистических ситуациях, познание которых ведет к созданию типовых криминалистических характеристик предварительного расследования и судебного разбирательства преступлений как итоговой деятельности в осуществлении задач уголовного судопроизводства¹. Система развивающихся закономерных знаний о них позволяет разрабатывать на их основе более совершенные технические, тактические и методические рекомендации по эффективному обнаружению, фиксации, изъятию и использованию доказательств на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства в складывающихся криминалистических ситуациях, как того требует УПК РФ. Система знаний об этих закономерностях может образовать общую криминалистическую теорию.

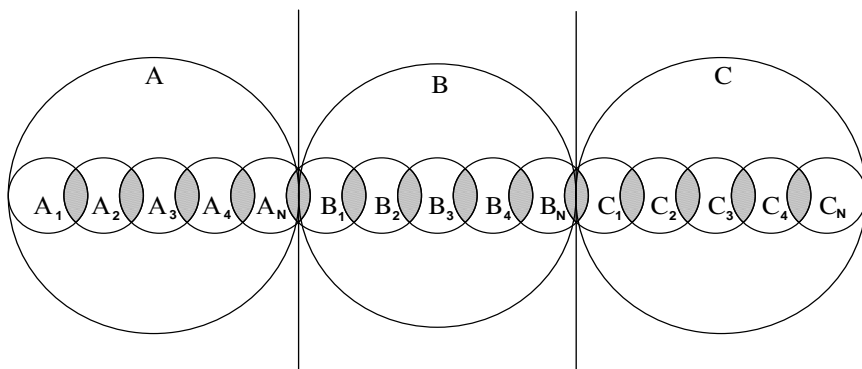
Именно через информационную структуру криминалистической ситуации, состоящую из данных, относящихся к криминалистической характеристике преступлений, криминалистической характеристике предварительного расследования и криминалистической характеристике судебного рассмотрения уголовных дел, происходит пересечение этих трех подсистем и проявляется их общность в общей системе – методике расследования преступлений и их судебного рассмотрения. В связи с чем можно полагать, что эти различные информационно-познавательные подсистемы образуют информационную структуру (базу) криминалистической ситуалогии. Согласно такому подходу, расследуемое событие преступления, закрепленное в криминалистической ситуации в доказательствах, является основой деятельности субъектов доказывания, т.е. тем информационно-структурным развивающимся элементом, который познают под своим углом зрения, исходя из целей и задач уголовного судопроизводства, а также в пределах своих уго-

---

¹ См.: Гавло В.К. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1988. – С. 20.

ловно-процессуальных полномочий орган дознания, следователь, прокурор, суд (судья).

Схематично взаимосвязь выделенных подсистем, а также сопутствующих им ситуаций (преступления, предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел) в самом обобщенном виде можно представить следующим образом¹.

где:

A – криминалистическая характеристика преступлений;

B – криминалистическая характеристика расследования преступлений;

C – криминалистическая характеристика судебного рассмотрения уголовных дел;

A_1 – $A_{(N)}$ – ситуации, складывающиеся в процессе подготовки, совершения и сокрытия преступления (предкриминальные, криминальные и посткриминальные ситуации);

B_1 – $B_{(N)}$ – ситуации, складывающиеся в процессе предварительного расследования преступлений (ситуации первоначального, дальнейшего и заключительного этапа расследования);

C_1 – $C_{(N)}$ – ситуации, складывающиеся в процессе судебного рассмотрения уголовных дел (ситуации первоначального, дальнейшего и заключительного этапа судебного рассмотрения уголовных дел);

– часть информационной структуры ситуации, которая переходит в другую (последующую) ситуацию и влияет на ее развитие.

Следует заметить, что приведенная общая схема не является жесткой и окончательной и может быть дополнена и детализирована с учетом особенностей этапов деятельности субъектов, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства. В частности, каждую из трех ситуаций, относящихся к

¹ Настоящая схема развивает положения В.К. Гавло. См. Гавло В.К. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений: Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1988. – С. 116.

той или иной криминалистической характеристике, можно подразделить на более частные, складывающиеся на том или ином этапе. Например, криминалистическая ситуация, складывающаяся на первоначальном этапе предварительного расследования, может быть ограничена рамками: в одних случаях, от момента возбуждения уголовного дела до появления подозреваемого; в других – до установления потерпевшего.

При этом следует учитывать, что динамическая связь этапов и ситуации протекает по линии исходных, промежуточных и конечных задач деятельности субъектов. Переход от одного этапа к другому – это переход от одной ситуации к другой, от одних задач к другим. Каждый этап имеет свое начало и свой конец. На «входе» в этап стоит одна ситуация, а значит, и ситуационно обусловленный комплекс адекватных ей специфических задач и способов их решения, а на «выходе» – другая ситуация, являющаяся развитием предшествующей, с ее задачами и способами решения¹.

При анализе затронутой проблемы следует иметь в виду определенную условность положения о смене ситуаций и переходе от одной ситуации к другой. Эволюция ситуаций не является абсолютной. Каждая последующая ситуация не есть в чистом виде новая по всем показателям, параметрам ситуация, в корне отличающаяся от предыдущей. Все ситуации сохраняют в своем составе какие-то элементы, черты, стороны, переходящие в неизменном или частично измененном виде из предшествующих ситуаций, включая исходную. В то же время все ситуации, развивающие исходную, всегда содержат в себе элементы нового, того, что не было представлено в предыдущей ситуации. В сущности, «механизм практического следоведения представляет собой процесс истинного развития исходной ситуации, изменения ее содержания, качественных характеристик»². В связи с чем в схеме можно выделить отдельными блоками ситуации предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях (в порядке ст. 141, 143, 144 УПК РФ), ситуации, возникающие в процессе ознакомления прокурора с материалами поступившего к нему с обвинительным заключением уголовного дела, и т.д. Особо следует выделить ситуации, складывающиеся в процессе судебных стадий уголовного судопроизводства: подготовки к судебному заседанию (гл. 33 УПК РФ), предварительного слушания (гл. 34 УПК РФ), судебного

---

¹ См.: Ароцкер Л.Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. – М., 1964; Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве. – Барнаул: АГУ, 2000. – С. 43-45; Корноухов В.Е. О структуре методик по расследованию преступлений // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. – Вып. 2(10). – М.: Спарк, 2004. – С. 21-28; Ким Д.В. Преодоление информационной неопределенности как основная задача первоначального этапа расследования преступлений // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: Сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. (5-6 февраля 2004 г.). Ч. 2 / Отв. ред. В.И. Горобцов. – Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 2004. – С. 307-310 и др.

² Образцов В.А. Криминалистика: Курс лекций. – М., 1996. – С. 117.

разбирательства (гл. 36-39 УПК РФ), а также при производстве у мирового судьи (гл. 41 УПК РФ), в суде с участием присяжных заседателей (гл. 42 УПК РФ), в судах второй инстанции (гл. 43-45 УПК РФ), при пересмотре приговоров в порядке надзора (гл. 48 УПК РФ) и по вновь открывшимся обстоятельствам (гл. 49 УПК РФ), при особом порядке уголовного судопроизводства (гл. 50 и 51 УПК РФ), при особенностях производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц (гл. 52 УПК РФ). Наконец, схему можно дополнить более крупными блоками, например такими, как криминалистическая характеристика оперативно-розыскной и розыскной деятельности как разновидности криминалистической деятельности¹. Изучение их в частных методиках позволит повысить эффективность криминалистических рекомендаций в расследовании преступлений.

Подытожив вышесказанное в параграфе, можно сделать следующие выводы:

1. Криминалистическая ситуация представляет собой сложную динамическую систему информационного характера, которая возникает в деятельности по расследованию преступлений и их судебному разбирательству, является ее результатом. В то же время она определяет дальнейшую организацию этой деятельности на всех ее этапах.

2. Учитывая информационно-познавательную природу деятельности субъектов доказывания, утверждается, что информационная база криминалистической ситуации состоит из данных, относящихся к криминалистической характеристике преступлений, криминалистической характеристике раскрытия, предварительного расследования и предупреждения преступлений, а также криминалистической характеристике судебного рассмотрения уголовных дел, имеющих значение для криминалистической тактики и методики.

3. Поскольку криминалистическая методика учитывает рекомендации криминалистической техники и тактики с присущими им ситуациями и приспособливает их для разработки методов расследования отдельных видов и групп преступлений, то целесообразно вести речь о разработке полноструктурной криминалистической методики, которая выступает как специфическая информационно-познавательная система в деятельности по решению задач уголовного судопроизводства, рассчитанная на определенные ситуации досудебного и судебного производств.

---

¹ Попов В.И. Розыскная деятельность при расследовании преступлений. – М., 1965. – С. 12; Самыгин Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности. – М., 1989. – С. 70; Криминалистика / Под ред. Н.П. Яблокова. – М., 1995. – С. 26-27; Дубягин Ю.П. Руководство по розыску и расследованию неочевидных убийств. – М., 1997; Кириченко С.А., Мешков В.М. Использование криминалистически значимой информации, полученной оперативно-розыскными методами, при расследовании проявлений организованной преступности: Науч.-практ. пособие. – Калининград: КЮИ МВД России, 2002 и др.

1.3. Содержательные характеристики криминалистических ситуаций

В предыдущих параграфах было отмечено, что криминалистическая ситуация представляет собой сложную систему субъект-объектного порядка. За ней стоит не комплекс завязанных в систему элементов «объективной действительности», но и не субъективный фактор. Ситуация – это то, что происходит между человеком и средой. Ситуация отличается от «среды», от всей окружающей человека «действительности», «объективной реальности» тем, что для описания последних достаточно четырех координат – три пространственных координаты и время. В то же время человеку (субъекту доказывания в нашем случае) в процессе своей деятельности постоянно приходится сталкиваться с решением различного рода задач, которые известный психолог А.Н. Леонтьев охарактеризовал как «задачи на смысл»¹. Поэтому, полагаем, криминалистическая ситуация должна включать в себя, как минимум, еще три субъективных координаты – **значение, смысл и ценность**. Выделенные три координаты субъект может осознать только в процессе своей профессиональной деятельности по раскрытию, расследованию и судебному разбирательству уголовных дел, ибо проявляются они, как доказано экспериментальным путем, на эмоциональном уровне². При этом «эмоции участвуют в регуляции деятельности, отражая тот смысл, который имеют объекты и ситуации, воздействующие на субъекта»³.

С учетом вышесказанного структура криминалистической ситуации, полагая, может быть представлена в виде двух тесно взаимосвязанных составляющих (характеристик). Первой составляющей является так называемая **логико-формальная (формализованная) структура криминалистической ситуации**, которая отражает природную взаимосвязь предметов и явлений. В этой характеристике предметы и вещи объективного мира взаимосвязаны между собой сложными связями и процессами независимо от субъекта доказывания. Например, преступление как свершившийся факт будет существовать в объективном мире, но для конкретного субъекта доказывания оно таковым не является до тех пор, пока не появится и не станет известной для субъекта информация, зарегистрированная и проверенная в соответствии с уголовно-процессуальным законом (поводы и достаточные основания к возбуждению уголовного дела).

---

¹ Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. – М., 1971. – С. 28.

² См.: Тихомиров О.К., Ключко В.Е. Эмоциональная регуляция мыслительной деятельности // Вопросы психологии. – 1982. – № 5. – С. 23-31; Ключко В.Е. Инициация мыслительной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1991; Краснорядцева О.М. Психологические особенности возникновения и регуляции мышления в реальной жизнедеятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1996 и др.

³ Леонтьев А.Н. Указ. раб. – С. 28.

При этом следует обратить внимание на важное понятие – «событие» («факт»), которое, с одной стороны, является результатом, а с другой – исходным пунктом криминалистической ситуации. «Через события ситуации связываются между собой в сеть»¹.

Помимо логико-формальной структуры криминалистической ситуации, ориентируясь на достижения современной психологии, можно выделить **неформальную, ценностно-смысловую структуру криминалистической ситуации**, которая характеризует соответствие природных свойств действующему человеку (субъекту доказывания)².

Окружающий мир изобилует различного рода предметами и явлениями, но субъект доказывания взаимодействует лишь с некоторыми из них, понимая их значение, смысл и ценность и связывая с ними дальнейшие свои действия. Происходит это потому, что в процессе своей деятельности субъект доказывания, действуя в объективном мире (логико-формальной структуре ситуации), сталкивается с различного рода проблемами (проблемными ситуациями), которые ему необходимо решать. При этом можно говорить о мыслительной, поисково-познавательной деятельности субъекта доказывания как закономерной реакции на несоответствие некоторых элементов окружающего мира (элементов состава преступления) общей обстановке. Возникновение проблемной ситуации (криминалистической ситуации) означает трансформацию всей системы, объединяющую как субъекта доказывания, так и окружающую его действительность. Трансформация обеспечивается теми противоречиями, нестыковками, которые возникают в криминалистической ситуации.

Так, например, в процессе расследования убийства директора птицефабрики «Молодежная» Сироты М.М. следствием было установлено, что в день совершения дерзкого преступления сосед видел стоявший длительное время неподалеку автомобиль марки «Нива» и трех неизвестных мужчин. Этот же автомобиль он видел и за несколько дней до убийства. Автомобиль белого цвета, но государственный номер свидетель точно назвать не мог, примерно «933». Таких автомобилей в Алтайском крае около 30, но это была единственная ниточка и следствие за нее зацепилось. Нельзя было терять ни минуты. Благодаря умелым действиям правоохранительных органов уже на следующий день работниками милиции был остановлен автомобиль мар-

---

¹ Павлов В.П. Ситуационный подход перспективы его использования в менеджменте // Ситуационные исследования. Вып. 1: Ситуационный подход. По материалам всероссийского семинара / Под общ. ред. проф. Н.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2005. – С. 123.

² Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности. – М., 1969; Телегина Э.Д. Мотивация в структуре мыслительной деятельности // Искусственный интеллект и психология. – М., 1976. – С. 41-96; Васильев И.А., Поплужный В.Л., Тихомиров О.К. Эмоции и мышление. – М., 1980; Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). – Томск: Томский гос. ун-т, 2005. – С. 98-164 и др.

ки ВАЗ 2121 «Нива» гос. номер Х 933 АК 22, за рулем которого находился Зотов, ранее судимый, член преступной группировки г. Новоалтайска. Вместе с ним ехали два пассажира, которые после остановки автомобиля успели скрыться. Впоследствии они были установлены и задержаны. Ими оказались Газенбуш и Тарлыков – члены банды Зотова. Именно они и совершили дерзкое убийство Сироты.

В процессе предварительного следствия был установлен и заказчик. Им оказался руководитель фирмы, осуществлявшей подрядные работы на территории птицефабрики. Между ним и потерпевшим возникли разногласия по качеству выполненных работ. В арбитражном суде, рассматривавшем этот спор, директор «Молодежной» взыскал с недобросовестного подрядчика около 500 тысяч рублей, после чего намеревался найти себе другого делового партнера. Это и явилось основным мотивом убийства, а исполнители наались быстро.

Тщательное планирование убийства длилось около трех недель. Бандиты за это время выяснили: где находится фабрика, где дом, когда Сирота возвращается домой с работы, работает ли он по субботам. Оказалось, что работает и приезжает домой обычно в 19-20 часов.

Наконец, все приготовления были завершены, в том числе решен и вопрос с транспортом: Зотов попросил его у своего знакомого Петрова, тот ему не отказал. Необходимо было реализовать еще одну цель – обеспечить себе алиби. Было решено совершить убийство 10 февраля, на эту дату приходился день рождения Зотова.

В назначенный день и час дело было сделано, а бандиты, возвратившись домой, продолжили отмечать день рождения Зотова.

Однако никакие уловки преступникам не помогли. Они все были признаны виновными и приговорены к длительным срокам лишения свободы¹.

Приведенный пример показывает, что машина привлекла внимание свидетеля, а впоследствии и следователя потому, что не вписывалась в общую привычную обстановку. Нахождение ее длительное время недалеко от места преступления как в день убийства, так и за несколько дней до него должно было заинтересовать следствие. Что, в конечном счете, и привело к установлению виновных.

В то же время можно предположить, что сосед мог не обратить внимание на автомобиль и незнакомых мужчин именно потому, что они для него никакой ценности и смысла не имели. Тогда результаты расследования могли быть другими.

Таким образом, противоречия в элементном составе криминалистической ситуации обнаруживаются в ее ценностно-смысловой структуре, проектируются дальше, в ее объективную, логико-формальную структуру, приводя в движение всю систему. Именно поэтому можно говорить о **криминалистической ситуации как о самоорганизующейся, саморегулирующей**

---

¹ Из практики Алтайского краевого суда. Д. № 92/2003.

щейся системе. В регуляции участвуют объекты окружающего мира, направляющие движение деятельности (в первую очередь мыслительной) субъекта доказывания, их ценностно-смысловые характеристики, определяющие избирательность субъекта, сам субъект доказывания, который в этих характеристиках преломляется со своим опытом, знаниями, умениями, навыками, возможностями и т.д. Все это вместе и порождает деятельность субъекта доказывания, направленную на решение стоящих перед ним задач. Не случайно еще А. Камю указывал на то, что ситуации не существует в мире, но ее нет и в человеке, она возникает в силу их сосуществования, «совместного присутствия»¹.

В соответствии с такими представлениями субъект доказывания и окружающий его мир образуют единую систему – криминалистическую ситуацию. Их единство закрепляется возникновением общих, интегральных системных качеств, определяющих основное направление всей системы. Так, предметный мир становится носителем этих качеств, а для субъекта доказывания мир становится реальной и предметной действительностью, ситуацией, в которой субъекту предстоит действовать.

С учетом этого, неформальная структура криминалистической ситуации понимается не как статическое образование, а как движение, отражающее динамику превращения объектов в субъективно значимые предметы, характеризующиеся смыслами разного уровня представленности и осознанности. Динамика неформальной структуры криминалистической ситуации определяется изменением критериев (оценок, потребностей, мотивов, целей) субъектом доказывания. Например, целеобразование в ходе деятельности приводит в движение и неформальную структуру, а изменение мотива обуславливает динамику всей деятельности и изменение личностного смысла самой ситуации. Таким образом, неформальная структура криминалистической ситуации представляет собой основной результат реального взаимодействия субъекта доказывания с окружающей средой.

Эту неформальную структуру и не учитывают криминалисты, хотя именно она является основой всех трансформаций деятельности субъекта доказывания или, точнее говоря, всей системы, коей является криминалистическая ситуация.

Объективные обстоятельства по уголовному делу связаны в определенную структуру, т.е. не являются некой разрозненной совокупностью обстоятельств. В связи с чем можно предположить, что логика субъекта доказывания уже в определенной мере предопределена объективной логикой структурных взаимосвязей между элементами криминалистической характеристики преступления (объективными обстоятельствами). С другой стороны, на этой логической (логико-формальной) структуре как бы надстраивается другое, неформальное измерение. Иначе говоря, каждый элемент, включенный в логическую структуру, имеет еще и неформальные (ценностно-

---

¹ Камю А. Бунтующий человек. – М.: Политиздат, 1990. – С. 39.

смысловые) координаты в виде большего или меньшего значения и смысла каждого из элементов логической структуры для выдвижения версий, а также разработки и реализации тактики и стратегии расследования.

Сложность в том, что сам человек не замечает того, что его жизненный мир имеет двойственную природу. С одной стороны, действительность, в которой живет и действует человек, воспринимается им как вне и независимо от него существующая реальность. С другой стороны, он не замечает того факта, что эта действительность уже содержит в себе его самого – познающего и действующего человека, что она уже отображена как соответствующая ему, находится с ним в одной системе, соизмерима с ним, тождественна¹.

Таким образом, **неформальная, ценностно-смысловая структура (ЦСС) криминалистической ситуации – это структура ситуации, в которой как сами ее элементы (объективные обстоятельства по уголовному делу), так и их взаимосвязь оказываются детерминированными значениями, смыслами и ценностями, которые они имеют для субъекта доказывания.** Здесь объективная логика ситуации искажается субъективно-оценочным процессом, без которого невозможна направленная поисково-познавательная деятельность.

Неформальная структура криминалистической ситуации представляет сплав двух детерминаций – субъективной и объективной и содержит в себе источник саморазвития ситуации. Это проявляется в том, что расследуя событие преступления, субъект доказывания встречается с рядом проблем того или иного характера, определяет и выделяет условия, характерные для данной криминалистической ситуации (время, место, способ совершения преступления и т.д.), а также ставит (образует) цель (цели) для их решения. Деятельность разных субъектов доказывания по отношению к криминалистической ситуации (проблеме) объясняется тем, какой смысл и ценность имеют те или иные элементы ситуации для этого субъекта. В криминалистической ситуации таким образом переплетаются, переходят друг в друга как объективные факторы с их противоречием и единством, так и субъективные, исходящие от субъекта доказывания (во всей совокупности своих потребностей, возможностей, знаний, умений и т.д.). В связи с чем смыслы и ценности в их единстве и взаимодействии, тождественности и противоположности, полагаем, должны стать объектом криминалистического исследования.

Употребляя такие категории, как значение, смысл и ценность элементов криминалистической ситуации, необходимо раскрыть их содержание.

Значение – это понятие (слово), которое обозначает нечто (пистолет, нож, кровь, след и т.д.). Благодаря значениям объекты превращаются в

---

¹ Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: Монография / Под ред. проф. В.К. Гавло. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 45.

предметы. А.Н. Леонтьев первым заметил, что животные, в отличие от человека, живут в четырехмерном мире (трехмерное пространство и время). «Возвращаясь к человеку, к сознанию человека, я должен ввести еще одно понятие – понятие о пятом квазиизмерении, в котором открывается человеку объективный мир. Это – "смысловое поле", система значений»¹. Л.С. Выготский утверждал, что «значения превращают ощущения в вещи... возникновение предметного сознания непосредственно связано со значениями»².

Предметное сознание является первым уровнем, соответствующим формирующемуся пятимерному миру человека. Свет, отражаясь от предметов, несет информацию о них, и граница между предметами и человеком устанавливается не на предметах, а на сетчатке глаза. Вот это и есть то, на что указывал Л.С. Выготский, – глаз, который видит все, не видит ничего³. Феномен предметности заключается в том, **что граница между человеком и предметом устанавливается на предмете, и это является важнейшим условием для того, чтобы стало возможным его восприятие**⁴.

Смысл – это субъективная значимость предмета. «Значение приводит к возникновению осмысленной картины мира»⁵. Следует добавить, что значения приводят сначала к предметной картине, в виде разрозненных, не объединенных в одну систему предметов. Смысл предметной картины преступления на первоначальном этапе расследования, так же как и ее отдельных деталей, во многом остается непонятным для следователя. Так, например, при осмотре места происшествия субъект доказывания выявляет и изымает различные объекты, лишь предполагая, что они могут иметь отношение к преступлению. В дальнейшем, с учетом проверки и оценки полученных доказательств, информация приобретает определенный смысл для субъекта доказывания. Основываясь на этом, субъект, осуществляющий расследование преступления, объединяет разрозненные «фрагменты» в единое целое (некую систему), выстраивает логичную картину происшедшего, выдвигает версии и соотнобразует с ними свои последующие действия.

Этот процесс, основываясь на деятельностном подходе, В.А. Образцов охарактеризовал как «динамично развивающуюся познавательную систему поискового характера, движущуюся от исходного минимума источников информации к их промежуточному, пока еще не полному, комплексу, а от него – к целой системе источников юридически значимой информации»⁶.

Таким образом, можно констатировать, что смыслы живут в предметах, но представляют человека, который их познает. Иными словами, «смыслы представляют человека, его потребности (желания, хотения, стремления и

---

¹ Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. – 1979. – № 2. – С. 5.

² Выготский Л.С. Собр. соч. В 6 т. – М., 1982. – Т. 1. – С. 277-288.

³ Там же. – С. 347.

⁴ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975.

⁵ Выготский Л.С. Указ. раб. – С. 278.

⁶ Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. – М., 1997. – С. 20.

т.д.) в предмете и являются поэтому самыми яркими демонстрантами того, как субъективное искажает объективное, позволяя человеку избирательно взаимодействовать с объективной реальностью... Без значений нет предметов, без смыслов предметный мир не может стать реальностью...»¹.

С учетом изложенного криминалистическая ситуация есть «смысловая действительность». Именно это смысловое отношение, как справедливо указал И.В. Голубович, разрывает и расширяет границы ситуации².

В основе перехода от предметного сознания к смысловому лежит деятельность субъекта доказывания. При этом можно выделить два варианта выхода субъекта доказывания к смыслам предметов.

1. Чаще всего в своей деятельности субъект доказывания самостоятельно выходит к смыслам предметов путем решения задач «на смысл». С решением таких задач может быть связана внешне кажущаяся, на первый взгляд «бессмысленная манипуляция» с отдельными предметами (объектами), проведение «лишних», «ненужных» действий. Но именно эти действия в конечном счете могут привести к положительному результату в расследовании.

Так, например, при расследовании одного тяжкого преступления было выяснено, что в материалах дела имеются фотографии места происшествия плохого качества и в недостаточном количестве. Для укрепления доказательственной базы было принято решение «на всякий случай» еще раз провести осмотр места происшествия, основной целью которого являлась дополнительная фотосъемка. После изготовления снимков следователь обратил внимание на интересную деталь – почти на всех кадрах присутствовал мужчина, который со стороны наблюдал за действиями криминалистов. Дальнейшая проверка незнакомца по учетам дала неожиданный результат. Оказалось, что именно этот человек находится в розыске за аналогичные преступления. Такой поворот в событиях изменил первоначальную версию о причастности к преступлению другого лица, вследствие чего были проведены мероприятия, направленные на поиск подозреваемого. Очень скоро он был задержан и полностью признался в совершении преступления. Свое местонахождение во время осмотра (когда он попал в объектив фотоаппарата) он объяснил тем, что его постоянно «тянуло» на место преступления, где он хотел еще раз «пережить острые ощущения».³

Именно на этом основывается тактическая оперативно-розыскная ситуация установления лиц, причастных к преступлению или совершивших его. В обязательном порядке при похоронах авторитетов, сходках воров в

---

¹ Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / Под ред. Г.В. Залевского. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. – С. 89.

² Голубович И.В. Ситуационный подход в контексте современного гуманитарного знания // Ситуационные исследования. Вып. 1: Ситуационный подход. По материалам всероссийского семинара / Под общ. ред. проф. Н.М. Солодухо. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2005. – С. 19.

³ По материалам практики прокуратуры Карагандинской области.

законе и т.д. проводится оперативная съемка, запись, при последующем анализе которых устанавливаются лица, выдвигаются версии, планы дальнейшей работы правоохранительных органов.

2. Субъект доказывания может приписывать такой смысл предметам (явлениям, процессам и т.д.), которого они не имеют или который не был открыт им ранее. Обретая смысл, предмет, существовавший до этого «в себе и для себя», открывается для субъекта доказывания как некая реальность, существующая «для него». Поэтому, взаимодействуя с объектами, субъект доказывания лишь предполагает, что они могут в будущем иметь отношение к расследуемому событию. В то же время в процессе доказывания эти предметы с учетом их оценки обретают «личный смысл» для познающего субъекта, а полученная информация является основой для выдвижения и проверки версий.

При расследовании двух тяжких преступлений, проверяя причастность к ним подозреваемого Кулакова, в поле зрения следователя попали запросы годичной давности для постановки на централизованный учет пуль, извлеченных из тел потерпевших, которые получили ранения при обстоятельствах, схожих с расследуемыми. После дополнительной проверки было установлено, что во всех четырех случаях пули идентичны. Такой поворот событий не оставлял сомнений в виновности подозреваемого во всех четырех преступлениях¹.

Приведенный пример наглядно показывает, что пули, которые заинтересовали следователя, для предыдущих его коллег не имели особого смысла и ценности, в связи с чем не вошли в ценностно-смысловую структуру криминалистической ситуации. Попав вновь в криминалистическую ситуацию и обретя в ней новый смысл, пули стали одним из центральных элементов этой ситуации, что и привело к раскрытию преступлений.

Таким образом, предметный мир, преломленный через смысловую координату, приобретает форму реальности для субъекта доказывания, но это еще не является действительностью. Для этого необходима такая категория, как ценность.

Ценность – междисциплинарное понятие, используемое в разных науках. В ценностном мире вещи, предметы, явления не исчезают бесследно, не забываются, а осознаются в своей отнесенности к другим людям, которые будут нуждаться в них завтра, людям, осуществляющим аналогичную или смежную деятельность.

Именно это учитывают различные науки (в том числе криминалистика), когда закрепляют накопленные знания, используют и развивают их в будущем.

В рамках новой парадигмы можно утверждать, что ценности не усваиваются, они превращаются в одно из измерений многомерного мира человека, превращая его в жизненный мир как пространство для реализации акту-

---

¹ По материалам практики УВД г. Бийска за 2003 год.

альных потребностей и возможностей человека¹. Ценность превращает реальность в устойчивую действительность, т.е. элементы, которые теряют актуальность, благодаря ценности продолжают оставаться в криминалистической ситуации. Иными словами, ценность (в криминалистическом аспекте) – это полезность объекта по отношению к потребностям субъекта доказания.

Криминалистика, имея богатую историю, с явлениями смысла и ценности сталкивалась, но не могла их объяснить. Теперь это стало возможно благодаря разработке и внедрению в практику теории психологических систем, суть которой освещалась в предыдущих параграфах. Было установлено и доказано, что системные сверхчувственные качества предметов объективного мира «отражаются» эмоциями человека. Это и есть главный принцип работы сознания – видеть то, что надо, но так, как оно есть «на самом деле». Позднее были открыты нейроны подкорковых структур, основным назначением которых как раз и является отражение смыслов и ценностей предметов (Н.П. Бехтерева и др., «Государственный реестр открытий», март 1988 г.). Таким образом, теория психологических систем получила и нейропсихологическое подтверждение.

Для криминалистики это открывает новые просторы для проведения исследований в области тактики и методики расследования, в частности: проблемы применения полиграфа («детектора лжи»)², нетрадиционных методов расследования преступлений³, а также особенностей проведения отдельных следственных действий и расследования преступлений со специальными субъектами⁴.

---

¹ Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / Под ред. Г.В. Залевского. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. – С. 92.

² См., напр.: Холодный Ю.И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений (генезис и правовые аспекты). – М., 2000; Бабаева Э.У. Основы криминалистической теории преодоления противодействия уголовному преследованию: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006. – С. 37-38 и др.

³ См., напр.: Эксархопуло А.А. Специальные познания в уголовном процессе и их нетрадиционные формы // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. – Вып. 2. – М.: Спарк, 2001. – С. 23-28; Образцов В.А. Криминалистика: Курс лекций. М., 1996. – С. 180-221; Волчецкая Т.С. Методы познания в уголовном судопроизводстве: современные проблемы // Актуальные проблемы криминалистики на современном этапе: Мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 23-24 мая 2002 г. – Краснодар, 2002. – С. 31-36 и др.

⁴ См.: Сарсенбаев Т.Е. Теория и практика охраны прав и законных интересов беспомощных жертв преступления в досудебном производстве (по материалам Казахстана и России): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005. – С. 46; Степаненко Д.А. Проблемы теории и практики криминалистической идентификации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Иркутск, 2006; Николайченко В.В. Пенитенциарные и постпенитенциарные преступления: криминалистическая теория и практика: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2006 и др.

Например, экспериментальным путем было доказано, что неформальная структура любой ситуации (в том числе и криминалистической) человеком не осознается, но влияет на формирование мыслительной деятельности человека, на трансформацию всей его деятельности. Эти исследования начали проводить еще в конце 70-х годов прошлого века О.К. Тихомиров и Ю.Е. Виноградов. Они заключались в синхронной записи кожногальванической реакции (КГР) и речевых рассуждений испытуемых в процессе решения мыслительных задач, а также регистрации их действий, внешних эмоциональных проявлений¹. Позднее была создана целая система методов исследования, основанная на этом методическом приеме². В результате проведенных исследований были вскрыты механизмы целеобразования, возникновения промежуточных целей и их взаимоотношения с промежуточными целями. Оценивая исследования в этой области, А.Н. Леонтьев отметил как значительный тот факт, что процессы, о которых шла речь, «составляют одну из образующих не только собственно когнитивной, но и непосредственно практической деятельности»³.

Следует отметить, что в криминалистике проблема инициации мыслительной деятельности выступает не только как проблема мотивообразования, но и как проблема целеобразования, поскольку развернутая мыслительная деятельность становится возможной в условиях поставленной задачи, что позволяет понять и исследовать инициацию как особую поисково-познавательную деятельность участников уголовного судопроизводства.

Много схожего с указанными выше положениями имеется в принципах работы полиграфа, однако большинство отмеченных выше аспектов не учитывается учеными-юристами.

Полагаем, что подход к расследованию именно как реконструктивной познавательной деятельности требует отдельного рассмотрения механизмов развития криминалистических ситуаций, знание о которых должно учитываться как при составлении конкретных методик расследования, так и при подготовке следователей и криминалистов. С этих позиций несколько по-другому можно раскрывать смысл и содержание устоявшихся уголовно-правовых и криминалистических категорий, таких, как: мотив преступления, цель преступления, личность преступника, механизм преступления, способ преступления, преступная деятельность, поисково-познавательная деятельность и т.д. В частности, в деятельности субъектов доказывания помимо общепринятой структуры (объект, субъект, цель, средство, результат)

---

¹ См. подробнее: Тихомиров О.К., Виноградов Ю.Е. Эмоции и функции эвристик // Психологические исследования. – 1969. – Вып. 1.

² См. подробнее: Ключко В.Е. Инициация мыслительной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1991; Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / Под ред. Г.В. Залевского. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. – С. 108-125.

³ Цит. по работе Ключко В.Е. Саморегуляция мышления и ее формирование. – Караганда, 1987. – С. 35.

можно выделить и такие ее основополагающие элементы, как смыслообразование и целеобразование. Они соответствуют общепсихологическим взглядам на взаимодействие объективных и субъективных фактов¹, в результате чего возникает на их пересечении ценностно-смысловая структура (ЦСС) любой ситуации, в том числе криминалистической. Без учета ЦСС, как это было показано выше, невозможно объяснить, почему мыслительная деятельность субъекта доказывания развивается тем или иным образом, в том или ином направлении. С этим понятием связана так называемая «селективность» (избирательность) мыслительной деятельности – ЦСС составляет как бы особое внечувственное измерение криминалистической ситуации решения задачи, нарушающее равнозначность элементов, составляющих ее, что и обеспечивает предпочтение тем из них, которые в данный момент времени являются наиболее значимыми для поиска решения².

Дальнейшее развитие представлений о ЦСС криминалистической ситуации, на наш взгляд, должно идти по пути изучения механизмов мотивообразования и целеобразования, без которых нельзя понять, почему то или иное обстоятельство, явление, факт включаются или не включаются в ситуацию расследования. Почему, будучи включенными в криминалистическую ситуацию, они направляют познавательную деятельность субъекта доказывания в ту или иную сторону.

Полагаем, что если криминалистика является наукой, если она пользуется теоретическим мышлением, как всякая теория, то она должна выходить за пределы чувственного к тому единству объективного и субъективного, о котором говорил Г. Гегель: «...что только теория поднимается к этому»³.

Итак, криминалистическая ситуация есть нечто более сложное нежели совокупность предметов, связанных между собой объективными отношениями. Криминалистическая ситуация имеет видимый слой и невидимый, внечувственный, смысловой. Вся сложность в том, что человек не знает своей продолженности в мир, в связи с чем ситуация воспринимается им как внешнее, расположенное во вне. Само это «вне» располагается особым образом – в «продолженном» человеке, за пределами сознания, но в пределах системы, т.е. той части объективного мира, которая кроме природной имеет еще внечувственную, неформальную, ценностно-смысловую структуру.

Вышеизложенное, полагаем, необходимо учитывать и при подготовке специалистов. Научить будущего криминалиста «читать то, что нам говорят смыслы», означает не просто рассказать ему, что такое криминалистическая ситуация, но ввести его в эти ситуации, хотя бы смоделированные с помо-

---

¹ Кузьмин В. П. Различные направления разработки системного подхода и их гносеологические основания // Системные исследования. Методологические проблемы. – М., 1984. – С. 7-29.

² Подробнее см. гл. 2 настоящей работы.

³ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. – Т. 2. – М., 1971. – С. 95.

щью ЭВМ. Однако для этого и необходимо предварительно разобраться с их системно-смысловым «устройством».

Дальнейшая разработка ситуационного подхода применительно к проблемам криминалистики позволяет выделить диалектику криминалистической ситуации как динамической информационно-познавательной системы. При этом остается задачей обнаружение источников трансформации криминалистической ситуации не во внешнем (объективном), не во внутреннем (субъективном), а в ней самой, в том сложном единстве субъективных и объективных, внешних и внутренних факторов, которые и обуславливают движение криминалистической ситуации, ее развитие. Возможно, это позволит более обоснованно отбирать и систематизировать рекомендации, относящиеся к частным методикам расследования преступлений¹, и их судебному разбирательству², к проведению отдельных следственных действий³, тактических операций⁴, а также обеспечит дальнейшую разработку и совершенствование автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС) в методике расследования отдельных видов и групп преступлений⁵.

---

¹ См., напр.: Коновалов С.И. Теоретико-методологические проблемы криминалистики. – Ростов н/Д.: РЮИ МВД России, 2001; Гармаев Ю.П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений. – Иркутск: ИЮИ ГП РФ, 2003; Косарев С.Ю. Криминалистические методики расследования преступлений (история возникновения и развития): Монография / Под ред. И.А. Возгрива. Кн. 1. – СПб.: Санкт-Петербург. ун-т МВД России, 2004; Кн. 2 (становление и развитие). – СПб., 2005 и др.

² См.: Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности / Под ред. О.Н. Коршуновой. – СПб.: «Юрид. центр Пресс», 2003; Пименова З.И. Криминалистические аспекты участия государственного обвинителя в рассмотрении дел об убийствах по найму: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2003; Кобзарев Ф.М. Проблемы теории и практики процессуальных и организационных отношений прокуратуры и суда в сфере уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006 и др.

³ См.: Кривошеин И.Т. Теоретические и прикладные проблемы допроса обвиняемого. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001; Хижняк Д.С. Процессуальные и криминалистические проблемы развития тактики следственных действий. – М.: «Юрлитинформ», 2004; Александров А.С., Гришин С.П. Перекрестный допрос. – М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2005 и др.

⁴ См.: Марочкин Н.А. теоретические проблемы тактических операций в криминалистике. – Саратов, 1999; Комаров И.М. Криминалистические операции в досудебном производстве: Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002; Яковлев М.М. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступлений, связанных с профессиональной деятельностью: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2007. – С. 48-53 и др.

⁵ См.: Лузгин И.М. Информационная природа доказывания в расследовании преступлений // Правовая кибернетика. – М., 1973. – С. 107-116; Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика. – М., 1982. – С. 113-134; Шаталов А.С. Проблемы алгорит-

Завершая рассмотрение содержательной характеристики криминалистических ситуаций, чтобы уйти от многочисленных споров об элементном ее составе и структуре, предполагающей, по мнению некоторых ученых, неопределенное количество элементов, еще раз обратим внимание на то, что структура криминалистической ситуации может быть представлена в виде двух тесно взаимосвязанных составляющих (характеристик). Первой составляющей является логико-формальная (формализованная) структура криминалистической ситуации, которая отражает природную (вне и независимо от человека существующую) взаимосвязь предметов и явлений. Второй составляющей является неформальная, ценностно-смысловая структура (ЦСС) криминалистической ситуации, в которой как сами ее элементы (объективные обстоятельства по уголовному делу), так и их взаимосвязь оказываются детерминированными значениями, смыслами и ценностями, которые они имеют для субъекта доказывания.

Развитие криминалистической ситуации начинается с познания тех ее элементов, которые имеют наибольший смысл и ценность для субъекта доказывания в решении задач уголовного судопроизводства. Только благодаря такому знанию криминалистическая ситуация может развиваться направленно, осмысленно и упорядоченно.

1.4. Типология криминалистических ситуаций

В любой отрасли научного знания можно обнаружить большое количество различных классификационных оснований объектов в целях решения актуальных исследовательских задач. Не является исключением и криминалистика. Объектами классификации в ней являются многие явления, связанные как с механизмом подготовки, совершения и сокрытия преступлений, так и с процессом их раскрытия, расследования и предупреждения¹. Однако фундаментальные исследования, которые могут составить базис криминалистической теории классификации, до сих пор не осуществлены,

---

мизации расследования преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2000 и др.

¹ Лузгин И.М. Расследование как процесс познания. – М., 1969; Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание. – М., 1969. – С. 53; Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985. – С. 130-211; Образцов В.А. Криминалистическая классификация преступлений. – Красноярск, 1988; Курс криминалистики / Под общ. ред. В.Е. Корноухова. – Красноярск, 1996. – С. 40-75; Яблоков Н.П. Совершенствование криминалистической классификации преступлений в методике расследования // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 1988. – № 2. – С. 18; Куцонис П.Б. Проблемы построения и использования криминалистических классификаций в методике расследования преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1990. – С. 11-46; Белкин А.Р. Криминалистические классификации. – М., 2000 и др.

вследствие чего в этой области исследования остается ряд нерешенных проблем¹, которые в свою очередь тормозят развитие науки. В частности, остаются дискуссионными вопросы относительно понятия криминалистической классификации, ее цели, принципов, оснований классификации, их практического применения и т.д.

К сожалению, границы нашего исследования не позволяют рассмотреть все обозначенные проблемы, поэтому остановимся лишь на некоторых, непосредственно связанных с криминалистическими ситуациями.

Учитывая системный подход, базирующийся на анализе научной литературы, следует согласиться с мнением А.Ю. Головина, который предлагает рассматривать классификацию как специфическую разновидность систематизации научных знаний (в широком смысле) в отличие от традиционного подхода – как средства, способствующего систематизации (узкий смысл)². Его выводы базируются на том, что «систематизация в криминалистике – это исследовательская деятельность, направленная на выявление в объекте криминалистического исследования существенных элементов, структур и связей, облегчающее его изучение в целях решения стоящих перед криминалистикой задач. Целью научной классификационной деятельности в криминалистике выступает построение системы соподчиненных криминалистических понятий. Это позволяет говорить о том, что криминалистическая систематизация и криминалистическая классификация соотносятся как общее и частное»³.

Действительно, большинство ученых рассматривают классификацию как логическую операцию деления объема понятия, и это действительно так⁴, однако следует учитывать, что основной задачей любой классификации, в том числе и криминалистической, является познание самых разнообразных объектов и явлений как целостной системы. В связи с чем понятие «классификация» представляется более широким, нежели только средство, способствующее систематизации.

Анализ научной литературы показывает, что существует многообразие точек зрения относительно оснований классификации криминалистических ситуаций. Связано это, прежде всего, с индивидуальным, субъективным

---

¹ Головин А.Ю. Криминалистическая систематика. – М., 2002. – С. 36.

² Там же. – С. 39.

³ Там же. – С. 40.

⁴ См., напр.: Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. – М.: Юристъ, 1997. – С. 379-383; Хмыров А.А. О классификации косвенных доказательств // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 32. – М., 1980. – С. 71; Россинская Е.Р. Проблемы систематизации и классификации методов экспертного исследования // Проблемы криминалистической теории и практики. – М., 1995. – С. 59 и др.

подходом исследователей. Однако субъективизм таит в себе серьезную опасность «размывания» границ исследуемого понятия, когда в основу классификации положен оценочный критерий. Примером может служить, в зависимости от возможностей достижения целей расследования, деление ситуаций на благоприятные и неблагоприятные¹. Представляется, что благоприятная или неблагоприятная криминалистическая ситуация определяется в каждом конкретном случае субъектом доказывания исходя из его опыта, знаний, умений и т.д. Поэтому для одного субъекта она будет благоприятной, для другого, наоборот, – неблагоприятной. Кроме того, выбранный критерий относителен, на что правильно указывалось в литературе². Так, в одних случаях сложившаяся ситуация будет более благоприятной, в других – менее. То же самое можно сказать и о делении ситуаций на простые и сложные³, быстро изменяющиеся и относительно стабильные⁴, нормальные и экстремальные⁵, долговременные и быстротечные⁶ и др. Исходя из этого подобные деления вызывают определенные возражения и вряд ли целесообразны.

В связи с этим В.И. Кириллов и А.А. Старченко выделяют важнейшее требование к классификационному признаку – объективность. Оно означает, что выбранное основание классификации должно исключить возможность субъективного подхода к созданию классификационной системы⁷.

Отступление от принципов системного подхода при построении классификации приводит к эклектическим построениям, сложным, нелогичным

---

¹ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М.: Юристъ, 1997. – С. 144; Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуология: Монография / Под ред. проф. Н.П. Яблокова. – М.; Калинингр. ун-т. – Калининград, 1997. – С. 108; Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. – Мн.: Амалфея, 2000. – С. 106; Шмонин А.В. Общие положения методики расследования преступлений, совершаемых с использованием банковских технологий: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2007. – С. 29и др.

² См., напр.: Облаков А.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений и криминалистические ситуации: Учеб. пособие. – Хабаровск: Хабаровская ВШ МВД СССР, 1985. – С. 66-67; Корноухов В.Е. К теоретическим основам расследования преступлений: понятие и виды ситуаций // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2007. – № 1. – С. 79.

³ См.: Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. – С. 24-25; Волчецкая Т.С. Указ. раб. – С. 106 и др.

⁴ Облаков А.Ф. Указ. раб. – С. 68.

⁵ Возгрин И.А. Криминалистическая тактика: понятие и предмет исследования // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. – Вып. 2. – М.: Спарк, 2001. – С. 12.

⁶ Бурнашев Н.А. Следственные ситуации в методике расследования преступлений // Проблемы интенсификации деятельности по расследованию преступлений. – Свердловск, 1987. – С. 21.

⁷ Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика. – М., 1995. – С. 56.

конструкциям¹. Во избежание этого в логике принято выделять четыре правила деления объема понятия:

- деление должно быть соразмерным, т.е. должны быть перечислены все виды делимого понятия;

- деление должно производиться только по одному основанию, т.е. в процессе деления избранный признак должен оставаться одним и тем же и не подменяться другим признаком;

- члены деления должны исключать друг друга, т.е. конкретный предмет или явление должны находиться только в объеме одного какого-либо видового понятия и не входить в объем другого видового понятия;

- деление должно быть непрерывным, т.е. в процессе деления нужно переходить к ближайшим видам, не пропуская их².

Четкая, стройная классификационная система несет в себе определенную информацию, что позволяет говорить о ней как о разновидности информационной модели, на что правильно обращают внимание ученые-криминалисты³.

В свою очередь, под используемой в криминалистике моделью, по мнению Т.С. Волчецкой, следует понимать «искусственно созданную материальную и идеальную систему, воспроизводящую исследуемое криминальное событие или отдельные ситуации и обстоятельства его совершения, а также ситуации и обстоятельства его расследования так, что ее изучение позволит получить об оригинале информацию, необходимую для успешного решения практических, научных и дидактических криминалистических задач»⁴.

Что же касается видов классификаций в криминалистике, то А.Р. Белкин выделяет простые, сложные и составные классификации. Простые классификации, по его мнению, это одноуровневые классификации, когда делимое понятие подразделяется на ряд подчиненных понятий. Сложные классификации многоуровневые, когда один или несколько членов одного уровня в свою очередь подразделяются на том же основании на члены второго

---

¹ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. – М.: Юристъ, 1997. – С. 391.

² Кириллов В.И., Старченко А.А. Указ. раб. – С. 56-57; Гетманова А.Д. Логика. – М., 1986. – С. 52 и др.

³ См., напр.: Гавло В.К. Методика расследования как особая теоретико-методическая модель – информационный аналог расследования криминальных событий // Проблемы теории и практики борьбы с преступностью. – Томск, 1983. – С. 169; Волчецкая Т.С. Указ. раб. – С. 122-123; Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве: Монография. – Барнаул: АГУ, 2000. – С. 37; Комаров И.М. Криминалистические операции в досудебном производстве: Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 233-234 и др.

⁴ Волчецкая Т.С. Указ. раб. – С. 122.

уровня. Составная классификация представляет собой сложную систему классификаций, связанную между собой («классификационное древо»)¹.

Такие ученые, как Р.С. Белкин, В.К. Гавло, Л.Я. Драпкин, В.А. Образцов, А.Ю. Головин и др., подразделяют виды криминалистической классификации на общие и частные классификационные системы². Так, Р.С. Белкин к частным классификациям относит классификационные системы различных объектов, действий и процессов, изучаемых криминалистической наукой³. При этом обращает на себя внимание очень важный, на наш взгляд, момент, заключающийся в том, что «эти классификации представляют собой одно из средств практической деятельности, разрабатываемое криминалистикой специально для нужд борьбы с преступностью»⁴. Иначе говоря, при построении классификационных систем необходимо учитывать практическую деятельность правоохранительных органов. В свою очередь, криминалистические классификации должны служить оптимизации этой деятельности, что не всегда учитывается разработчиками.

По мнению П.Б. Куцониса, учет практики при криминалистической классификации реализуется в том, что:

- во-первых, любая классификация основывается на материалах практики;

- во-вторых, практика борьбы с преступностью позволяет проверить истинность той или иной классификации;

- в-третьих, криминалистические классификации строятся с целью решения задач борьбы с преступностью⁵.

С учетом этого актуальным является вопрос о классификации криминалистических ситуаций во всем их многообразии, разработка которой позволяет свести их в одну систему.

Г.А. Зорин считает, что классификация ситуаций позволяет:

- 1) структурировать ситуацию, определить ее конструкцию, доминанты, ядро, периферию;

---

¹ Белкин А.Р. Криминалистические классификации. – М., 2000. – С. 15-16.

² См., напр.: Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. – М.: Юристъ, 1997. – С. 379-402; Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. – С. 239; Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. – С. 24-25; Шталов А.С. Криминалистические алгоритмы и программы. Теория. Проблемы. Прикладные аспекты. (Научное издание). – М.: Лига Разум, 2000. – С. 139-141; Головин А.Ю. Указ. раб. – С. 61 и др.

³ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. – М.: Юристъ, 1997. – С. 394-402.

⁴ Там же. – С. 394.

⁵ Куцонис П.Б. Проблемы построения и использования криминалистических классификаций в методике расследования преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1990. – С. 11-46.

- 2) определить ее стратегические и тактические характеристики, прогноз ее развития и вероятностный результат;
- 3) определить ее смысл и цель¹.

На сегодняшний день существует множество классификаций криминалистических ситуаций, основанием которых, как правильно отметил Р.С. Белкин, в большинстве случаев служит характеристика лишь одного из их компонентов².

В контексте нашего исследования все ситуации, изучаемые криминалистикой, мы будем именовать криминалистическими. В связи с чем криминалистические ситуации в зависимости от сферы их возникновения (деятельности субъектов) в самом общем виде (общая классификационная система) можно подразделить на ситуации, возникающие:

- 1) в сфере преступной деятельности (криминальной деятельности³);
- 2) в сфере оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности (поисково-познавательной деятельности⁴, практики борьбы с преступностью⁵);
- 3) в научной криминалистической деятельности (в самой криминалистической науке⁶).

Все ситуации динамичны по своей природе, поэтому целесообразно исследовать их генезис, учитывая при этом определенные этапы их возникновения и развития.

Ситуации преступной деятельности являются элементами системы криминалистической характеристики преступления, изучение которой имеет важное криминалистическое значение, поэтому в зависимости от этапов преступной деятельности (подготовка, совершение, сокрытие) все ситуации системы «преступления», о чем верно пишет В.К. Гавло, можно классифицировать на:

- 1) ситуации, предшествующие преступлению (предкриминальные);
- 2) ситуации совершения преступления (криминальные);
- 3) ситуации, сложившиеся после совершения преступления (посткриминальные)⁷.

---

¹ Зорин Г.А. Теоретические основы криминалистики. – Мн.: Амалфея, 2000. – С. 103-104.

² Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М.: Юристь, 1997. – С. 139.

³ Волчецкая Т.С. Указ. раб. – С. 57.

⁴ Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. – М.: Юристь, 1997. – С. 20.

⁵ Волчецкая Т.С. Указ. раб. – С. 57.

⁶ Там же.

⁷ Гавло В.К. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1988. – С. 22-23; См. также: Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник / Н.П. Яблоков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008. – С. 39 и др.

По этому пути правильно идет Т.С. Волчецкая, которая предлагает рассматривать криминальную ситуацию в качестве одного из звеньев в цепи непрерывно сменяющих друг друга ситуаций¹.

Предкриминальные ситуации формируются и существуют в период подготовительных действий преступника во всем многообразии их проявлений: подготовка орудия преступления, высматривание жертвы, выбор способа действий, сокрытие преступления и др.

Все вышеперечисленное относится к предкриминальной ситуации только в том случае, если оно не предусмотрено диспозицией, если же подготовительные действия преступника охвачены диспозицией статьи УК, то они в этом случае войдут в содержание криминальной ситуации.

Непосредственно в момент совершения преступления возникает **криминальная ситуация**. Субъект преступления взаимодействует с окружающим его миром (обстановкой) только в том случае, если элементы этого мира обладают такими качествами, как смысл и ценность для действующего субъекта. Это возможно только после их оценки. Именно через оценку ситуации, полагаем, происходит взаимосвязь между составляющими криминалистической характеристики преступления, а именно: преступной деятельностью и ситуациями, складывающимися до, после и в момент совершения преступления. В этом проявляется индивидуальность каждой ситуации, так как каждый из преступников оценивает ее по-своему и именно это накладывает специфику на ее возникновение и дальнейшее развитие.

Завершающим звеном в цепи криминальных ситуаций является **посткриминальная ситуация**, которая, как правило, завершает преступную деятельность, после чего в большинстве случаев возникают криминалистические ситуации в сфере уголовного судопроизводства. Для посткриминальных ситуаций характерно то, что преступник чаще всего уничтожает следы преступления, прибегает к инсценировке, скрывается от органов предварительного расследования и т.д. В подобных случаях субъект доказывания при выявлении и использовании информации о преступлении особое внимание должен уделять именно посткриминальной ситуации.

Антиподом преступной деятельности является деятельность, связанная с раскрытием и расследованием преступлений (поисково-познавательная деятельность). Поэтому с учетом трехэтапной структуры преступной деятельности целесообразно выделить три этапа в деятельности по расследованию преступлений. В связи с чем все криминалистические ситуации в сфере оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности можно разделить на:

- 1) ситуации первоначального этапа расследования;
- 2) ситуации дальнейшего этапа расследования;
- 3) ситуации заключительного этапа расследования¹.

---

¹ Волчецкая Т.С. Указ. раб. – С. 67.

Ситуации первоначального этапа расследования возникают на стадии возбуждения уголовного дела, после вынесения соответствующего постановления. Их информационной базой вначале служат данные предварительной проверки, а в дальнейшем – доказательства и иные сведения, полученные в ходе первоначального этапа расследования². Для этих ситуаций характерен недостаток информации – информационная неопределенность.

Ситуации дальнейшего этапа расследования формируются, в первую очередь, с учетом собранных по делу доказательств. От предшествующих ситуаций они отличаются по времени возникновения, по количеству и качеству содержащейся в них информации, условиям и формам (преимущественно процессуальной) ее получения. Именно о них, полагаем, так писал А.Н. Васильев в одной из своих работ: «...последующий ход расследования определится новой следственной ситуацией, сложившейся по результатам первоначальных следственных действий»³.

Ситуации заключительного этапа расследования складываются на завершающем этапе, когда субъектом доказывания принято решение об окончании расследования, подводятся его итоги, участники процесса знакомятся с материалами уголовного дела, составляется итоговый процессуальный документ стадии предварительного расследования (обвинительное заключение или обвинительный акт) и т.д. Эти ситуации имеют очень важное методическое значение, т.к. позволяют спрогнозировать (диагностировать) развитие уголовного дела на последующих стадиях уголовного судопроизводства (особенно на стадии судебного разбирательства).

С учетом специфики уголовно-процессуальной деятельности принято выделять так называемые **доследственные, проверочные** или **исходные криминалистические ситуации**. Они складываются до возбуждения уголовного дела и характеризуются тем, что в поводах к возбуждению уголовного дела отсутствуют достаточные данные, указывающие на признаки преступления, в связи с чем необходимо проводить предварительную проверку.

В зависимости от наличия информации, ее полноты, достоверности и т.п. происходит формирование этих ситуаций, которые, в свою очередь, ориентируют субъекта доказывания на дальнейшие действия⁴.

---

¹ См., напр.: Облаков А.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений и криминалистические ситуации: Учеб. пособие. – Хабаровск: Хабаровская высшая школа МВД СССР, 1985. – С. 71; Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. – С. 24-25; Образцов В.А. Криминалистика: Курс лекций. – М., 1996. – С. 117-118 и др.

² Гавло В.К. Расследование и предупреждение хищений на предприятиях молочной промышленности, совершенных должностными лицами: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1969. – С. 74.

³ Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. – М., 1978. – С. 53.

⁴ См.: Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. – С. 241;

Рассмотренную классификационную систему криминалистических ситуаций по их связи с этапом деятельности (как преступной, так и процессуальной) с учетом времени возникновения можно подразделить на **исходные (начальные), промежуточные и конечные**.

Таким образом, классификационная система по связи с этапом деятельности является общей классификацией, т.к. этот признак присутствует во всех остальных криминалистических ситуациях независимо от их классификационной системы (например, типовые ситуации первоначального, последующего и заключительного этапов расследования).

Перед тем как перейти к следующему основанию классификации, необходимо отметить, что для судебного разбирательства уголовных дел также характерны определенные ситуации, о которых речь пойдет в последующих частях работы¹.

Если классификационным признаком (критерием) определить субъекта, осуществляющего доказывание и воспринимающим возникшую ситуацию под своим углом зрения, то можно выделить такие криминалистические ситуации: **следственные, оперативно-розыскные, экспертные, судебные**².

В последнее время в связи с предложением ряда ученых относительно расширения предмета криминалистической науки в сторону изучения обвинительной и защитительной деятельности предлагается ввести в научный аппарат науки так называемые защитительные, обвинительные и др. криминалистические ситуации³.

Коршунова О.Н. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы уголовного преследования: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006. – С. 20.

¹ См., напр. интересные работы: Комиссаров В.И., Кисленко С.Л. Тактика судебного следствия, содержание понятия // 50 лет в криминалистике. К 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина: Мат-лы междунар. науч. конф. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 130-145; Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности / Под ред. О.Н. Коршуновой. – СПб.: «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 58-67; Посохина И.В. Типичные судебно-следственные ситуации по делам о взяточничестве // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. – Вып. 3(15). – М.: Спарк, 2005. – С. 78-85 и др.

² Облаков А.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений и криминалистические ситуации: Учеб. пособие. – Хабаровск: Хабаровская ВШ МВД СССР, 1985. – С. 65.

³ См., напр.: Зашляпин Л.А. Криминалистика как основа разработки теоретических аспектов профессиональной защитительной деятельности // Криминалистические аспекты профессиональной защиты по уголовным делам. – Екатеринбург, 2001. – С. 42-54; Деркач А.О. Методика профессиональной защиты от обвинения в насильственно-корыстных преступлениях // Там же. – С. 19-20; Баев М.О., Баев О.Я. Стратегические принципы тактики защиты по уголовным делам // Тактика, методика и стратегия профессиональной защиты. – Екатеринбург, 2002. – С.10; Зорин Г.А., Зорин Р.Г. Концепция криминалистики защиты // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. – Екатеринбург: Изд-во

Полагаем, что эти выводы не бесспорны. Рекомендации криминалистики рассчитаны на тех, кто осуществляет раскрытие, расследование и предупреждение преступлений. И хотя адвокат (защитник) участвует в доказывании, его полномочия намного уже, нежели у следователя, дознавателя, суда (судьи) и т.д. Кроме того, по отношению к деятельности этих субъектов его деятельность является производной. Наконец, функции и цели профессиональной защиты принципиально отличаются от функций и целей следователя и других субъектов, осуществляющих расследование по уголовному делу¹. В этом плане правы те ученые, которые считают, что говорить об исследовании проблем защиты в системе криминалистики вряд ли возможно². Скорее всего, можно говорить о самостоятельной дисциплине – теории адвокатской деятельности в системе других юридических дисциплин. Поэтому выделение соответствующих ситуаций в рамках криминалистики считаем излишним.

В зависимости от уровней познания или степени определенности выделяют **типовые и индивидуальные (конкретные, специфичные)**.

Если для типовой ситуации характерны обобщенность и «отвлеченность» от частных фактов, то индивидуальная ситуация всегда конкретна. Складываясь при расследовании уголовного дела, она обладает такими признаками, как: динамичность, подвижность, индивидуальность, неповторяемость, специфичность и т.д.

Иногда индивидуальные ситуации именуют реальными ситуациями³. Такое название представляется спорным, а понятие «реальная» само требует

«Чароид», 2002. – С. 56-69; Бочкарева Е.В. Тактика профессиональной защиты от обвинения в совершении преступлений против собственности на этапе предварительного расследования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Сургут, 2003. – С. 6, 10, 16 и др.

¹ Подробнее см.: Свиридов М.К. Отношения следователя и защитника в процессе собирания доказательств // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. статей / Под ред. В.А. Уткина. – Томск, 2002. – Ч. 6. – С. 171; Баксалова А.М. Уголовно-процессуальная функция обвинения, осуществляемая прокурором, и ее реализация на судебном следствии: Дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2002; Азаров В.А., Ревенко Н.И., Кузембаева М.М. Функция предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России: Монография. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. – С. 109-114 и др.

² См., напр.: Филиппов А.Г. Криминалистика и теория профессиональной защиты по уголовным делам // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. – Екатеринбург: Изд-во «Чароид», 2002. – С. 125-134; Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В. Некоторые методологические проблемы криминалистики в свете реализации нового УПК РФ // Проблемы применения нового уголовно-процессуального законодательства в досудебном производстве: Мат-лы науч.-практ. конф. – Ч. 1. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2002. – С. 33-44 и др.

³ Облаков А.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений и криминалистические ситуации: Учеб. пособие. – Хабаровск: Хабаровская ВШ МВД СССР, 1985. – С. 69; Корноухов В.Е. К теоретическим основам расследования преступле-

уточнения. Дело в том, что реальность «предстает» перед субъектом доказывания в субъективном аспекте, преломляясь через ценностно-смысловую характеристику ситуации, а поэтому для каждого субъекта ситуация будет своя, индивидуальная, как воспринятая и оцененная только им. В связи с чем отмеченные ситуации более правильно именовать индивидуальными.

Необходимость классификации по этому основанию в методике расследования преступлений трудно переоценить. Типизация ситуаций, как подчеркивал Р.С. Белкин, необходима для построения частных криминалистических методик¹.

Для построения этих методик: во-первых, нужно выявить информационную структуру индивидуальной ситуации и установить связи между ее элементами, а во-вторых, сориентировать эту ситуацию с криминалистической характеристикой преступления и криминалистической характеристикой его расследования. Выявление такого рода связей в криминалистических ситуациях представляет собой одну из проблемных задач в методике расследования².

При рассмотрении этой классификационной ветви необходимо отметить, что в криминалистической литературе нет единого мнения относительно трактовки и соотношения таких понятий, как «типичная» и «типовая». В этой связи попытаемся проанализировать данные понятия и внести ясность в рассматриваемую проблему.

Словарь русского языка определяет понятие «типичный» как обладающий особенностями, свойственными какому-нибудь типу, характерный (например, типичное лицо, типичное явление и т.д.)³.

В отличие от него «типовой» трактуется в двух значениях. В первом значении он соответствует понятию «тип» – форма, вид чего-нибудь, обладающее определенными признаками, а также образец, которому соответствует известная группа явлений, предметов. Во втором значении он понимается как соответствующий определенному образу, типу, стандартный (например, типовое изделие, типовое строительство и т.д.)⁴.

Таким образом, анализируемые понятия следует отличать друг от друга, хотя между ними и имеется много общего. Если для «типового» характерно обобщение, то «типичный» обладает особенностями, характерными для типового.

ний: понятие и виды ситуаций // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2007. – № 1. – С. 77.

¹ Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. – М., 1970. – С. 15; Он же. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М.: Юрист, 1997. – С. 142.

² Гавло В.К. Указ. раб. – С. 245.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Рус. яз, 1990. – С. 796.

⁴ Там же. – С. 796.

Типизация же означает специализировать, распределить(-ять), **классифицировать по типам**¹ (выделено нами. – Д.К.), т.е. классифицировать по типовым признакам.

С учетом этого представляется не совсем верной позиция тех ученых, которые типичные ситуации отождествляют с типовыми².

Так, В.И. Куклин считает, что «типичная ситуация – это научная абстракция, являющаяся результатом обобщения следственной практики»³.

Этого же мнения придерживается Н.П. Яблоков, полагающий, что типичная ситуация есть «самая высокая степень научной абстракции»⁴.

В этой связи обращает на себя внимание интересная позиция В.К. Гавло, который, анализируя признаки типичной криминалистической ситуации, выделил следующие ее основные положения:

«Во-первых, типичная следственная ситуация – это научное понятие относительно проявления общих черт хода и состояния расследования к определенному его моменту.

Во-вторых, она представляет собой наиболее вероятную, образцовую для заданных условий обстановку расследования.

В-третьих, в основе типичной следственной ситуации находятся информационные данные, сориентированные на общие черты криминалистической характеристики отдельных видов (групп) преступлений и условия их расследования.

В-четвертых, типичная ситуация имеет «свой» закономерный набор признаков (о ходе и состоянии расследования), система которых индивидуализирует ее, делает устойчивой, фиксированной на данный момент расследования, что позволяет группировать ситуации по различным ранее названным основаниям»⁵.

Указанные признаки, полагаем, необходимо учитывать в практической деятельности, в первую очередь при выдвижении и проверке версий.

---

¹ Там же.

² См., напр.: Криминалистика социалистических стран / Под ред. В.Я. Колдина. – М., 1986. – С.168; Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М.: Юристь, 1997. – С. 142; Криминалистическая тактика: Курс лекций / Под ред. В.П. Лаврова, Б.М. Нургалиева. – Караганда: КарЮИ МВД РК, 1999. – С.13; Возгрин И.А. Криминалистическая тактика: понятие и предмет исследования // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 2. – М.: Спарк, 2001. – С. 12 и др.

³ Куклин В.И. Методика расследования отдельных видов преступлений: Учеб. пособие. – Иваново, 1983. – С. 70.

⁴ Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. – М., 1984. – С. 139.

⁵ Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. – С. 243-244.

Таким образом, типовая следственная ситуация характеризуется комплексом существенных обобщенных признаков, которые отличают ее от индивидуальной (конкретной) ситуации.

В свою очередь индивидуальная (конкретная) криминалистическая ситуация может быть **типичной** и **атипичной**.

Для последней характерны неповторяемые, редко встречаемые черты. Этот вид ситуаций формируется под влиянием факторов, не свойственных обычному течению события преступления и его расследования, что позволяет говорить о них как о наиболее проблемных с точки зрения разрешения задач, стоящих перед субъектами доказывания.

Анализ литературы, обобщение материалов судебно-следственной практики, проведенные социологические исследования показали, что следователи испытывают наибольшие сложности с расследованием тех преступлений, которые характеризуются следующими необычными чертами возникшей криминалистической ситуации: индивидуальными особенностями субъекта преступления, места, времени, способов совершения и сокрытия преступлений, мотивов его совершения¹.

Одним из путей оптимизации расследования в этих случаях является разработка типичных методик расследования преступлений. Чем больше теоретически возможных вариантов о путях и способах расследования преступлений содержат эти методики, тем они будут полнее, тем выше коэффициент их полезного действия².

Особую ценность представляет классификация криминалистических ситуаций с учетом роли составляющих их компонентов. С учетом этого Л.Я. Драпкин предложил дифференцировать ситуации на пять классификационных групп: проблемные; конфликтные; тактического риска; организационно неупорядоченные; смешанные³.

Несмотря на определенные достоинства, его классификация имеет и ряд недостатков, которые уже были предметом обсуждения⁴. Анализируемая классификация, как представляется, более всего проявляется по некоторым

---

¹ Полученные данные совпадают с опубликованными в литературе, что позволяет говорить о них как о репрезентативных. См. также: Арцишевский Г.В. Выдвижение и проверка следственных версий. – М., 1978. – С. 53; Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. – С. 49; Тяжкие и особо тяжкие преступления: квалификация и расследование: Руководство для следователей / Под ред. С.Г. Кехлерова; науч. ред. С.П. Щерба. – М.: Спарк, 2001 и др.

² Гавло В.К. Указ раб. – С. 246.

³ Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. – Свердловск, 1987. – С. 11.

⁴ Филиппов А.Г., Целищев А.Я. Понятие и криминалистическое значение следственной ситуации. // Сов. государство и право. – 1982. – № 8. – С. 71-75; Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М.: Юрист, 1997. – С. 139-142; Волчеккая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: Монография / Под ред. проф. Н.П. Яблокова. – М.; Калинингр. ун-т. – Калининград, 1997. – С. 106-107 и др.

классификационным основаниям (проблемная, конфликтная, тактического риска) и, скорее всего, при производстве отдельных следственных действий. Например, конфликтные ситуации могут возникнуть при допросе, очной ставке, обыске и т.д. Но конфликтность не должна применяться для характеристики общей ситуации расследования как объективно не фиксируемая¹. С учетом того, что все криминалистические ситуации являются проблемными, полагаем, конфликтность, тактический риск и т.д. могут считаться определенными чертами (факторами), присущими ситуации. В связи с этим предлагаем выделять следующие криминалистические ситуации:

1. **Криминалистические ситуации с элементами конфликтности.**
2. **Криминалистические ситуации с элементами тактического риска.**
3. **Криминалистические ситуации с элементами организационной неупорядоченности.**
4. **Смешанные криминалистические ситуации (в которых сочетаются элементы ситуаций 1-3).**

Т.С. Волчецкая по этому критерию выделяет:

- ситуации познавательного типа;
- ситуации организационно-управленческого типа;
- конфликтные ситуации;
- ситуации тактического риска².

В этой классификации, так же как и в классификации Л.Я. Драпкина, полагаем, имеет место нарушение логического правила деления понятия, вследствие чего члены классификационной системы не исключают друг друга. Так, в каждой криминалистической ситуации в той или иной степени присутствует проблемность, конфликт, тактический риск и т.д. В чистом же виде конфликтные ситуации, ситуации тактического риска и др. не существуют, поэтому выделение таких ситуаций вряд ли целесообразно.

Если исходить из учета уровней криминалистических ситуаций, обусловленных уровнем исследуемых (решаемых) задач, то криминалистические ситуации можно разделить на **общие (стратегические)** и **частные (тактические)**³. Общие ситуации возникают в связи с решением общих (стратегических) задач расследования (например, установления всех элементов предмета доказывания, предусмотренных ст. 73 УПК РФ).

Частные (тактические) криминалистические ситуации менее масштабны, имеют локальный потенциал. Они возникают в связи с подготовкой и производством конкретных следственных и иных действий⁴.

---

¹ Гавло В.К. Указ. раб. – С. 238.

² Волчецкая Т.С. Указ. раб. – С. 107.

³ Т.С. Волчецкая подразделяет все ситуации на ситуации расследования и ситуации отдельных следственных действий. См.: Волчецкая Т.С. Указ. раб. – С. 106.

⁴ Образцов В.А. Криминалистика: Курс лекций. – М., 1996. – С. 118.

С учетом изложенного представляет интерес позиция В.К. Гавло, который выделяет:

- во-первых, следственные ситуации, характеризующие ход и состояние расследуемого события преступления в целом (общие ситуации расследования). Например, таковы группы ситуаций, связанные с полными или неполными данными о событии преступления (неполные сведения о месте, времени, способе и т.д.);

- во-вторых, следственные ситуации, характеризующие ход и состояние расследуемого события преступления относительно отдельных сторон его состава. Таковы следственные ситуации, характеризующие, например, личность преступника, мотив преступления (отсутствие данных о личности и мотиве);

- в-третьих, следственные ситуации, характеризующие ход и состояние расследования отдельных эпизодов. Например, имеются неполные данные об эпизоде преступления (месте, времени, способе, соучастниках эпизода и т.д.);

- в-четвертых, следственные ситуации, характеризующие ход и состояние расследования при производстве следственных действий. Таковы группы ситуаций, характеризующиеся дефицитом информации или конфликтностью при производстве обысков, допросов свидетелей, обвиняемых и др.¹

Преимущество этой системы классификации заключается в том, что она нацеливает субъекта, осуществляющего расследование, на комплексное использование достижений криминалистики, накопленных ею в рамках тактики и методики². По этому пути правильно идет А.В. Шмонин, выделяя ситуации предварительного расследования в целом и ситуации тактических комплексов³.

В зависимости от характера криминалистических ситуаций, основанном на сущности разделов криминалистической науки, И.М. Комаров говорит о **криминалистических ситуациях технического, тактического и методи-**

---

¹ Гавло В.К. Криминалистический аспект следственной ситуации и ее значение в расследовании преступлений // Вопросы советского государства и права в период развитого социализма. – Томск, 1977. – С. 179; Он же. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. – С. 239.

² См.: Васильев А.Н. Следственная тактика. – М.: Юрид. лит., 1976; Колесниченко А.Н., Шепитько В.Ю. Теоретические проблемы систематизации тактических приемов в криминалистике. – Харьков: РИП «Оригинал», 1995; Курс криминалистики / Под общ. ред. В.Е. Корноухова. – Красноярск, 1996. – С. 82-88; Чурилов С.Н. Общий метод расследования преступлений. Учебное пособие. – М.: Союз, 1998; Кустов А.М. Криминалистика и механизм преступлений: Цикл лекций. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «Модек», 2002 и др.

³ Шмонин А.В. Общие положения методики расследования преступлений, совершаемых с использованием банковских технологий: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2007. – С. 29.

ческого характера¹. Его взгляды схожи с мнением ученых, указывающих на возможность изучения ситуаций различными разделами криминалистики². В частности, Н.П. Яблоков, рассматривая тенденции использования ситуационного подхода в криминалистике подчеркивает, что он используется «для решения самых разнообразных задач криминалистической техники (особенно для работы со следами), тактики (чаще всего для принятия тактических решений и выбора комплекса тактических приемов для следственных действий) и методики расследования (для выбора наиболее эффективных методов)»³.

В приведенной классификации учитывается то, что для субъекта доказывания, исходя из сложившейся криминалистической ситуации, можно определить характер деятельности по решению частных системных задач технико-криминалистического, тактико-криминалистического и методико-криминалистического плана. Принимая во внимание указанные обстоятельства, возможна оптимизация процесса расследования в зависимости от целей и задач, возникающих на том или ином этапе.

По степени информационной определенности криминалистические ситуации можно классифицировать на **детерминированные** и **рандомизированные**⁴. Данная классификация необходима для раскрытия диалектики единства необходимости и случайности в развитии ситуаций.

В детерминированных криминалистических ситуациях наблюдаются четкие корреспондирующие связи между элементами криминалистической характеристики преступления и криминалистической характеристикой его расследования. Иначе обстоит дело в так называемых рандомизированных ситуациях. Закономерные связи в них скрыты и остаются непознанными⁵.

С учетом мыслительной деятельности субъектов все криминалистические ситуации можно разделить на **репродуктивные (алгоритмические)** и **продуктивные**. По этому поводу В.Е. Корноухов справедливо заметил, что при расследовании преступлений «чаще всего возникает проблема не в фак-

---

¹ Комаров И.М. Криминалистические операции в досудебном производстве: Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 221-223.

² Герасимов И.Ф. Криминалистическая тактика и следственные ситуации // Теоретические проблемы криминалистической тактики. – Свердловск, 1981. – С. 18; Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. – М., 1984. – С. 134; Снетков В.А. Элементы технико-криминалистической ситуации осмотра места происшествия // Следственная ситуация. – М., 1985. – С. 16; Баев О.Я. Следственные ситуации: их тактическая и методическая сущность // Роль и значение деятельности профессора Р.С. Белкина в становлении и развитии современной криминалистики: Мат-лы междунар. конф. – М., 2002. – С. 108 и др.

³ Яблоков Н.П. Криминалистика: Учебник / Н.П. Яблоков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008. – С. 40.

⁴ Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве. – Барнаул: АГУ, 2000. – С. 39-40.

⁵ Подробнее см.: Воронин С.Э. Указ. раб. – С. 39-40; 126-127 и др.

тических ситуациях, а в том, что типовой способ действия требует приспособления, модификации к условиям деятельности того или иного следователя или же разработки эвристического способа действия»¹.

Репродуктивные ситуации разрешаются проведением стандартных действий – алгоритмов и не представляют особой сложности (например, вынесение постановления о производстве следственного действия, ознакомление участников процесса с материалами уголовного дела и т.д.).

Продуктивные ситуации, наоборот, требуют активной (самой активной) мыслительной деятельности. Эти ситуации подразделяются на **эвристические** и **творческие**.

В эвристических ситуациях субъект достигает поставленной (стратегической) цели, применяя для этого различные пути решения промежуточных задач, подключая свои знания, умения, опыт, эрудицию и т.д. В творческих – субъект также достигает поставленной цели, но, в отличие от эвристических ситуаций, может в процессе своей деятельности изменять промежуточные цели (например, в случае выявления новых, существенных для дела обстоятельств, заявление обвиняемым (подозреваемым) об алиби и т.д.). В этом случае элементы криминалистической ситуации инициируют формулирование (определение) новых тактических целей, которые в данном случае выступают как промежуточные цели в деятельности субъектов доказывания.

Не случайно Л.Я. Драпкин при классификации проблемных ситуаций в зависимости от характера проблемности (существа возникшей проблемы) выделил ситуации:

- обусловленные проблемными трудностями поиска источников информации;
- обусловленные проблемными трудностями исследования имеющихся источников информации;
- обусловленные проблемными трудностями поиска и исследования источников информации².

Преодоление препятствий и барьеров, названных Л.Я. Драпкиным, и есть, на наш взгляд, разрешение продуктивных криминалистических ситуаций.

Таким образом, классификация криминалистических ситуаций – это не дань моде, а профессиональная необходимость. Она позволяет систематизировать все многообразие ситуаций в целях оптимизации процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, а также судебного разбирательства уголовных дел. Главное при этом, чтобы интересные и пер-

---

¹ Корноухов В.Е. К теоретическим основам расследования преступлений: понятие и виды ситуаций // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2007. – № 1. – С. 78.

² Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. – С. 53-58.

спективные идеи не потерялись, а нашли поддержку и достойное применение в практике борьбы с преступностью.

Таким образом, многообразие криминалистических ситуаций с учетом этапов и задач уголовного судопроизводства требует их классификации. Помимо традиционных целесообразно выделить следующие основания:

- в зависимости от уровня познания: а) типовые; б) индивидуальные (в свою очередь индивидуальные можно подразделить на типичные и атипичные);

- с учетом роли составляющих компонентов: а) ситуации с элементами тактического риска; б) ситуации с элементами организационной неупорядоченности; в) ситуации с элементами конфликтности;

- в зависимости от разделов науки криминалистики: а) ситуации технического характера; б) ситуации тактического характера; в) ситуации методического характера;

- с учетом мыслительной деятельности: а) репродуктивные (алгоритмические) и б) продуктивные; последние можно подразделить на эвристические и творческие;

- в зависимости от стадий уголовного процесса: а) проверочные ситуации (относящиеся к стадии возбуждения уголовного дела); б) ситуации предварительного расследования; в) ситуации подготовки к судебному заседанию; г) ситуации судебного разбирательства; д) ситуации апелляционного производства; е) ситуации кассационного производства; ж) ситуации исполнения приговора; з) ситуации производства в надзорной инстанции; и) ситуации возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Глава 2. Особенности разрешения криминалистических ситуаций в оперативно- розыскной и уголовно-процессуальной деятельности

2.1. Оперативно-розыскные ситуации в раскрытии, расследовании и предотвращении преступлений

В процессе расследования преступлений вся информация, имеющая значение для дела, может быть получена при производстве процессуальных, розыскных и оперативно-розыскных действий. Различные источники криминалистически значимой информации порождают не только отличающий ее правовой режим, но и имеют неодинаковое методическое и тактическое значение.

Кроме того, следует заметить, что оперативные работники осуществляют свою деятельность не только в складывающихся криминалистических ситуациях, характерных для предварительного следствия (например, проводят следственные действия, принимают участие в составе следственно-оперативной группы и т.д.), но и в так называемых **оперативно-розыскных ситуациях**¹, для которых характерны, в первую очередь, методы негласной работы.

Понятие «оперативно-розыскная ситуация» не стало еще предметом широкого обсуждения среди ученых, однако появившиеся в последнее время отдельные работы (в основном ограниченного пользования) свидетельствуют о том, что это достаточно перспективное направление, которое требует дальнейшего изучения².

---

¹ В теории оперативно-розыскной деятельности встречаются и другие термины – «оперативно-тактическая ситуация», «сыскная ситуация» и др. См., напр.: Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова. – М.: ИНФРА-М, 2006. – С. 709-711; Четчин А.Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий: Монография. – М.: Издат. дом Шумиловой И.И., 2006. – С. 54; Давыдов С.И. Оперативно-розыскные ситуации: понятие, структура, виды: Учеб. пособие. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2006. – С. 6 и др.

² См., напр.: Гребельский Д.В. О соотношении криминалистических и оперативно-розыскных характеристик преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений. – М., 1984. – С. 70; Шумилов А.Ю. Новый оперативно-розыскной закон России. – М.: Издатель И.И. Шумилова, 1998; Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном производстве. – Барнаул: АлтГУ, 2000. – С. 86-128; Букаев Н.М., Малышев В.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений. – Томск: Печатная мануфактура, 2001. – С. 16-65 и др.

Большое влияние на оперативно-розыскную ситуацию как научную категорию, используемую в литературе, оказало уже устоявшееся в криминалистике понятие «следственная ситуация». Поэтому не случайно, рассматривая те или иные вопросы, связанные с анализируемыми понятиями, специалисты преломляют их именно через второе.

Так, исследовав природу оперативно-розыскной ситуации, В.Г. Самойлов (1984) определил, что:

«- изучение и оценка оперативно-розыскной ситуации является первоначальным элементом структуры оперативно-розыскной тактики;

- основное назначение данного элемента оперативно-розыскной тактики – создание условий для принятия правильного тактического решения;

- оперативно-розыскная ситуация включает в себя совокупность данных о криминальном событии и условиях, в которых необходимо принять решение на осуществление оперативно-розыскного мероприятия и обеспечить его реализацию;

- элементами оперативно-розыскной ситуации являются: оперативно-тактическая характеристика на данный момент определенного криминального или криминогенного события; характеристика условий, в которых проявляется это событие; характеристика реальных возможностей оперативно-го работника принять необходимые меры для решения стоящей задачи»¹.

На основании этого им же, а позднее С.С. Овчинским, одним из авторов открытого учебника по теории оперативно-розыскной деятельности, было дано определение оперативно-розыскной ситуации (С.С. Овчинский назвал ее оперативно-тактической). По их мнению, это «реально существующее на данный момент состояние определенного криминального события (или связанного с ним факта) либо угрозы наступления такого события, по поводу которого осуществляются оперативно-розыскные мероприятия, условия, в которых предстоит действовать оперативнику, его возможности принять необходимые меры, формулируемые в виде конкретной задачи»².

Не сложно заметить в этом подходе влияние позиции Р.С. Белкина относительно понятия «следственная ситуация», анализ которой был дан нами ранее³.

Кроме того, в приведенном выше определении имеется некоторая неопределенность (неточность) терминологии. Оперативно-розыскная ситуация, понимаемая как «состояние определенного криминального события (или связанного с ним факта) либо угрозы наступления такого события...», относится больше к криминальной или посткриминальной ситуации, но никак не

---

¹ Цит. по раб. Давыдов С.И. Оперативно-розыскные ситуации: понятие, структура, виды: Учеб. пособие. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2006. – С. 6.

² Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник / Под ред. К.К. Горянова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М.: ИНФРА-М, 2006. – С. 709.

³ См. п. 1.3 настоящей работы.

к ситуации для субъекта, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

Во-первых, криминальное событие (или угроза его наступления) относится к системе «преступление», которому присущи определенные пространственно-временные характеристики и свои ситуации. Что же касается оперативно-розыскной ситуации, то очевидно, что она (как ситуация для субъекта ОРД) возникает только после того, как соответствующему субъекту становится известно о совершенном или подготавливаемом преступлении, в связи с чем он осуществляет свои действия.

Во-вторых, не совсем понятно, что имеет в виду автор, говоря об оперативнике, которому предстоит действовать в определенных условиях¹. Это могут быть субъекты оперативных подразделений соответствующих государственных органов, указанных в законе (ч. 1 ст. 13 Закона об ОРД)², сами органы, уполномоченные на осуществление оперативно-розыскной деятельности, руководители этих органов (оперативных и других их подразделений)³. Кроме того, нельзя однозначно сделать вывод из текста Закона и о том, являются ли специалисты, а также отдельные граждане субъектами оперативно-розыскной деятельности или нет (ч. 5 ст. 6 Закона об ОРД).

Учитывая такую непоследовательность (в первую очередь законодательную), следует согласиться с авторами, полагающими, что к субъектам оперативно-розыскной ситуации следует отнести всех участников оперативно-розыскной деятельности, в том числе и лиц, содействующих оперативно-розыскным органам⁴.

В-третьих, действия субъектов в определении ограничиваются лишь оперативно-розыскными мероприятиями (ОРМ). В то же время известно, что оперативно-розыскные мероприятия являются одним из элементов оперативно-розыскной деятельности. Однако ими не исчерпывается все многообразие ОРД. Для решения поставленных задач соответствующие органы проводят другие действия, не включенные в перечень оперативно-розыскных мероприятий, такие, как: облава, засада, прочесывание местности и др.

---

¹ У В.Г. Самойлова – «оперативный работник (или аппарат)».

² Здесь и далее имеется в виду Федеральный закон Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ с последующими изменениями и дополнениями.

³ По этому поводу в литературе нет однозначного ответа. См. подробнее: Аتماжитов В.М., Бобров В.Г. Об основных направлениях дальнейшего развития теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: Труды Академии управления МВД России. – М.: Академия управления МВД России, 2001. – С. 16-18; Они же. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности: Научный доклад. – М.: Издатель Шумилова И.И., 2003. – С. 9-10 и др.

⁴ См., напр.: Давыдов С.И. Оперативно-розыскные ситуации: понятие, структура, виды: Учеб. пособие. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2006. – С. 7.

Помимо этого, в содержание ОРД входят также «меры организационно-управленческого и организационно-тактического характера (ее информационное обеспечение, аналитическая работа, прогнозирование, планирование в сфере ОРД, организация взаимодействия и т.д.)»¹.

В самом общем виде оперативно-розыскную ситуацию С.И. Давыдов определил «как совокупность сложившихся на определенный момент времени обстоятельств, в которых действуют участники оперативно-розыскной деятельности»². Оценивая приведенную позицию, в качестве положительного момента следует отметить широкую трактовку субъектов оперативно-розыскной деятельности. Не случайно, на наш взгляд, автор их называет участниками, тем самым отождествляя два понятия, и подчеркивает, что любой участник, вовлеченный в орбиту правоотношений в сфере ОРД, есть субъект этих правоотношений. В то же время это определение, по сути, не отличается от определения следственной ситуации, предложенного Р.С. Белкиным, за исключением того, что в одном случае говорится о расследовании, а в другом – об оперативно-розыскной деятельности.

Иным смысловым содержанием наполнено определение С.Э. Воронина. Рассматривая оперативно-розыскную ситуацию в качестве проблемно-поисковой, автор определил ее как «тип следственной ситуации, возникающий в процессе мыслительной деятельности оперативного работника, познающего механизм преступления и разрешающего эту ситуацию с помощью гласных и негласных методов получения информации, составляющих специфическое содержание ОРД»³.

Представляется, что совершенно справедливо и правильно акцент сделан в сторону мыслительной деятельности субъекта ОРД, познания им механизма преступления. Такой подход, по мнению самого автора, «позволяет в структуре криминалистической характеристики расследования (КХР) выделить оперативно-розыскную характеристику, содержание которой будут составлять проблемно-поисковые ситуации ОРД на различных этапах расследования преступлений. Выделение в КХР оперативно-розыскной характеристики расследования еще в большей степени будет способствовать интеграции криминалистики и теории ОРД, тесно связанных друг с другом общей целью – установлением истины по уголовному делу»⁴. В то же время Сергей Эдуардович не совсем прав, ограничивая субъекта ОРД только оперативным работником.

---

¹ См.: Аتماжитов В.М., Бобров В.Г. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности: Научный доклад. – М.: Издатель Шумилова И.И., 2003. – С. 9; Токалов Т.Б. Теоретические, правовые и организационно-управленческие проблемы оперативно-розыскной деятельности ОВД Республики Казахстан в борьбе с преступностью: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2007 и др.

² Давыдов С.И. Указ. раб. – С. 7.

³ Воронин С.Э. Указ. раб. – С. 108.

⁴ Там же.

При анализе понятия оперативно-розыскной ситуации возникает вопрос о ее структуре. Следует отметить, что в теории ОРД этому вопросу не уделялось должного внимания, и в литературе он практически не рассматривался. В основном авторы при рассмотрении затронутых проблем прямо ссылались на позиции криминалистов либо преломляя их сквозь призму ОРД.

Например, С.С. Овчинский, не ограничивая элементный состав оперативно-розыскной ситуации, указывает на повторяемость некоторых из них. В связи с чем полагает, что в первую очередь оценке подлежат следующие элементы ситуации:

«- конкретные криминальные события и иные связанные с ними факты либо угроза наступления таких событий;

- силы, действия (поведение) противоборствующей стороны, в том числе характеристики проверяемых, разрабатываемых, разыскиваемых и профилируемых лиц;

- источники информации, условия ее получения и возможности использования; состояние имеющихся данных, характеризующих криминальное событие и другие факты, возможности получения новых сведений и рационального их использования;

- тактико-технические возможности средств оперативной техники; возможность и эффективность избираемых методов ОРД, приоритетный их выбор для данной ситуации и др.

Кроме того, оценка ситуации предполагает необходимость предвидения (прогнозирования) изменений поведения и решений лиц или групп, относимых к противоборствующей стороне, осмысливание последствий их вероятностного поведения, разработку программы дальнейших действий и их последовательности»¹.

Нам представляется, что в этом перечне допущено смешение факторов (элементов), влияющих на формирование оперативно-розыскной ситуации и не входящих в ее содержание. Кроме того, оценка ситуации вынесена за ее структуру, что предполагает объективность ситуации, а это, на наш взгляд, неверно.

Достаточно широко представлен элементный состав оперативно-розыскной ситуации у С.И. Давыдова².

Полагаем, чтобы уйти от бессмысленного перечисления элементов структуру оперативно-розыскной ситуации по аналогии с криминалистической можно представить в виде двух подструктур (характеристик) – логико-формальной и неформальной, (ценностно-смысловой), тесно взаимосвязанных между собой³. В то же время следует заметить, что элементный состав

---

¹ Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник / Под ред. К.К. Горянова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М.: ИНФРА-М, 2006. – С. 710.

² См.: Давыдов С.И. Указ. раб. – С. 10-11.

³ См. п. 1.3 настоящей работы.

этих подструктур существенно отличается от элементного состава подструктур криминалистической ситуации, о чем будет сказано ниже.

Таким образом, сущность оперативно-розыскных ситуаций во многом схожа со следственными ситуациями.

В рамках отстаиваемой концепции сходство может проявляться в следующем:

1. С точки зрения криминалистического познания действительности, все ситуации, изучаемые криминалистикой, могут именоваться криминалистическими (как следственные, так и оперативно-розыскные, экспертные и т.д.);

2. Структура обоих видов ситуаций одна и та же, состоящая из двух тесно взаимосвязанных подструктур (характеристик) – логико-формальной и неформальной (ценностно-смысловой);

3. Оба вида ситуаций возникают в процессе деятельности, объединенной общей целью – установление истины по конкретному уголовному делу и общей социальной целью – борьба с преступностью;

4. С учетом отмеченных целей, оба вида ситуаций относятся к криминалистической характеристике раскрытия, предварительного расследования и предупреждения преступлений;

5. Возникая как результат правоприменительной деятельности, ситуации одновременно являются ее новообразованием, определяющим дальнейшую организацию этой деятельности;

6. Имеют сложную информационную природу и динамический характер своего развития.

С учетом вышеизложенного под **оперативно-розыскной ситуацией мы понимаем сложную динамическую систему информационного характера, возникающую в деятельности субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и влияющую на дальнейшую организацию этой деятельности в целях решения задач, стоящих перед оперативными аппаратами путем применения ими специальных средств, приемов и методов**¹.

При всей схожести с криминалистическими (следственными) ситуациями оперативно-розыскные ситуации имеют и существенные отличия.

Во-первых, они возникают в деятельности специальных субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, во многом отличающуюся от уголовно-процессуальной деятельности субъектов доказывания.

Во-вторых, в отличие от субъектов доказывания, которые свою деятельность осуществляют в соответствии с уголовно-процессуальным законом гласно, субъекты оперативно-розыскной деятельности руководствуют-

---

¹ Это определение давалось нами ранее. См.: Ким Д.В. Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве: Монография / Под ред. проф. В.К. Гавло. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 131.

ся Законом об ОРД, ведомственными нормативными актами и применяют в своей работе как гласные, так и негласные средства, приемы и методы.

В-третьих, в отличие от целей, стоящих перед субъектами доказывания в рамках уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), основной целью субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, является непосредственное выявление и использование фактических данных, необходимых для решения задач, указанных в ст. 2 Закона об ОРД.

В-четвертых, с учетом указанных выше отличий восприятие окружающей действительности субъектами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, отличается от восприятия этой же действительности субъектами доказывания. В связи с чем, полагаем, можно говорить о совершенно иной природе возникновения и развития оперативно-розыскной ситуации в отличие от криминалистической (следственной) и, как следствие, о ином характере криминалистически значимой информации.

Учитывая это, по критерию значимости для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, вся криминалистическая информация может быть разделена на:

1) информацию об обстоятельствах расследуемого преступления, входящих в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ). Например, о месте преступления (квартира, подъезд, открытая местность); каким способом совершено преступление; каков характер и размер вреда, причиненного преступлением, и т.д.;

2) ориентирующую информацию (например, известно, что в преступлении принимали участие мужчина и женщина, высокого и низкого роста; преступники скрылись с места происшествия на легковом автомобиле иностранного производства, зеленого цвета).

Данные, полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий, не являются доказательствами, они содержат лишь вспомогательную информацию. Однако эта информация имеет огромное практическое значение для оптимизации расследования.

В подтверждение сказанному можно привести пример из практики работы УБОП ГУВД Алтайского края.

Так, еще в ноябре 1998 г. было совершено дерзкое разбойное нападение на пассажиров частного автобуса ЛАЗ, следовавшего из г. Барнаула коммерческим рейсом в г. Новосибирск, в результате которого был смертельно ранен помощник водителя Поснов. Свидетели преступления и потерпевшие показали, что нападавших было четверо, все они были вооружены пистолетами и обрезам. С места происшествия бандиты скрылись на иномарке.

В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий была получена информация, что преступление совершили члены организованной преступной группы «Бажановская»: Потапов, Татьянкин, Юдаков и лидер группы – Бажан. Было также установлено, что позже между членами банды возникли разногласия и Юдаков организовал свою группировку, в которую вошли Головин, Ермолов, а также граждане Казахстана Нигмедзянов и Зуев.

Обе банды вели активную деятельность и совершили в течение двух лет ряд тяжких преступлений, имевших большой общественный резонанс.

Так, банда Юдакова совершила разбойные нападения на зал компьютерных игр в г. Барнауле по ул. Попова, 119, коммерческий магазин «Лавка Лукиных», квартиры Кузнецова и Фролова, а также грабеж в отношении Роговой и др.

Не «отставала» от них и «Бажановская» банда, которая специализировалась на разбойных нападениях на квартиры состоятельных граждан.

Допросы потерпевших позволили составить фотороботы преступников; кроме того, при осмотрах мест происшествий были обнаружены отпечатки пальцев нападавших. Все полученные доказательства в совокупности подтверждали причастность обеих групп к совершению указанных преступлений.

Однако на след группировок оперативникам долго не удавалось выйти. Преступники уходили от преследования, постоянно меняли место своей дислокации, поэтому перед руководством следственно-оперативной группы стояла задача принятия неординарных розыскных мер. Было решено привлечь к розыску население города и края. Ежедневно по всем радио- и телеканалам проходили сообщения, ориентировки, показывались фотороботы.

Принятые меры дали свои результаты. Анализ полученной информации позволил установить квартиру, в которой скрывались несколько розыскиваемых. В результате успешно проведенных мероприятий были задержаны члены «Бажановской» группы: Потапов, Татьянакин и сам лидер – Бажан.

Проведение очных ставок, предъявлений для опознания, допросов и других следственных действий позволили следствию не только закрепить информацию, полученную из оперативных источников и полностью доказать виновность всех членов банды Бажана, но и выйти на след Юдакова.

При совершении одного из преступлений Юдаков и его люди были задержаны.

Впоследствии члены обеих банд получили по заслугам и были осуждены к различным срокам (от 10 до 25 лет) лишения свободы¹.

Таким образом, посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий орган дознания может получить данные, интересующие следствие и необходимые для раскрытия преступления. Получив эту информацию, следователь может более целенаправленно проводить расследование и получать доказательства². Поэтому для успешного решения задач предварительного расследования необходимо объединение усилий следователя и органа дознания на всех его этапах.

---

¹ По материалам практики УБОП ГУВД АК за 2001 г.

² См.: Инструкция о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд. Утверждена приказом МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, Минобороны России от 17 апреля 2007 г. № 368/185/164/481/32/184/97/147.

Однако для успешной реализации данного положения необходима соответствующая нормативно-правовая база. В то же время анализ нормативно-правовых актов, регулирующих этот вид деятельности, показывает, что на сегодняшний день существует ряд проблем, требующих дальнейшего законодательного регулирования¹.

Прежде всего, это касается оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий. Так, ст. 7 Закона об ОРД исключает возможность оперативного наблюдения за криминальной средой, если нет возбужденного уголовного дела или сведений о подготавливаемом или уже совершенном тяжком преступлении. Но организованную преступность как раз и отличает то, что ее руководство («воры в законе», уголовно-преступные авторитеты) действует внешне в рамках закона, лишь в редких случаях среднее, а чаще всего низшее, звено совершает преступления.

Перед оперативными работниками встает вопрос: можно ли начинать и вести разработку преступных групп либо отдельных ее участников, пока еще с их стороны нет очевидных криминальных действий, тем более проводить оперативно-розыскные мероприятия, связанные с ограничением конституционных прав граждан.

Оперативная разработка серьезных организованных преступных групп (банд) требует, как правило, длительного времени. Сроки таких разработок по различным причинам затягиваются, вместе с тем не сохраняются следы преступной деятельности, которые могли бы иметь доказательственное значение. Все это серьезно затрудняет процесс доказывания. Поэтому, полагаем, возникла необходимость в законодательном порядке закрепить положение, согласно которому оперативно-розыскные мероприятия в отношении лиц, заподозренных в связях с организованной преступностью, можно проводить и до возбуждения уголовного дела.

Не нашло отражение в Законе положение, связанное с процессом формирования, проверкой, оценкой и дальнейшим использованием оперативно-розыскной информации в процессе доказывания. Иначе говоря, речь идет о процессе оперативного доказывания, представляющего частный случай для решения задач и достижения целей, сформулированных в Законе об ОРД.

В настоящий момент среди ученых-юристов нет принципиальных разногласий о возможности ввода информации, полученной в результате оперативно-розыскных мероприятий в процесс доказывания. Однако, следует заметить, что неурегулированность в законе (и прежде всего в УПК РФ) открытых способов введения этой информации, неразработанность практических рекомендаций создает ряд проблем, до настоящего времени не полу-

---

¹ О противоречиях, возникающих в уголовном судопроизводстве, см.: Францифоров Ю.В. Противоречия уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2007; Статкус В. Необходима процессуальная процедура использования результатов оперативно-розыскной деятельности // Российская юстиция. – 2004. – № 4. – С. 38-39 и др.

чивших однозначного решения и в науке, и в правоприменительной практике¹.

В этой связи интересна позиция Н.С. Железняк. Он полагает, что «для признания доказательства, сформированного на основе результатов ОРД, вполне достаточным было бы подтверждение наличия источника информации и сообщенных им сведений компетентным представителем оперативно-подразделения в ходе допроса»².

Аналогичной позиции придерживаются разработчики Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью». В нем, в частности, устанавливается особый порядок представления следователю результатов ОРД, могущих быть использованными в качестве доказательств. Для сохранения в тайне непосредственного источника информации и обстоятельств ее получения подлинность соответствующих результатов подтверждает на допросе в качестве свидетеля руководитель подразделения, из которого направлялись материалы следователю³.

Такой подход позволяет успешно решить проблему, связанную с предоставлением информации конфиденентом (штатным негласным сотрудником) и дальнейшим ее использованием в процессе доказывания. К сожалению, на сегодняшний день в аналогичных, часто встречающихся на практике ситуациях такая информация (полученная «со слов») не будет являться доказательством, т.к. не обладает признаком допустимости.

Более кардинальные меры предложил в своей докторской диссертации А.М. Баранов. Им было высказано мнение о том, что «негласные приемы и способы собирания сведений (доказательств) о преступлении должны иметь уголовно-процессуальную природу, т.е. регулироваться уголовно-процессуальным законом. Тогда в сознании юристов исчезнет основание, препятствующее использованию в качестве доказательств сведений, полученных в результате негласного собирания доказательств (получаемых сегодня в рамках ОРД). Необходимо изменить подход от формального пре-

---

¹ См.: Птицын А.Г. Использование оперативно-розыскной информации на предварительном следствии. – Киев, 1977; Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. – М., 1991. – С. 115-117; Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. – М., 1996. – С. 4; Белкин А.Р. Теория доказывания. Научно-методическое пособие. – М.: НОРМА, 1999. – С. 85-139; Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография / Под ред. проф. В.Т. Томина. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001 др.

² Железняк Н.С. «Черные дыры» и «белые пятна» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: Монография. – Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 2006. – С. 43.

³ См.: Михайлов В.И., Федоров А.В. Модельный закон «О борьбе с организованной преступностью: Содержание и структура» // Гос-во и право. – 1998. – № 2. – С. 78-84; Правовое регулирование борьбы с организованной преступностью. Проект Федерального закона и комментарий. – М., 1994.

пятствия в доказывании в виде преодоления свойства допустимости использования результатов ОРД в уголовном процессе, перенеся акцент на достоверность полученных сведений в результате негласной уголовно-процессуальной деятельности, тем самым, отдав предпочтение достоверности над допустимостью, содержанию над формой доказательств»¹.

Для решения данной проблемы автор предложил внести изменения в УПК РФ. «Во-первых, главы и нормы, касающиеся общих правил и самого порядка производства способов собирания доказательств (следственных и иных процессуальных действий, в том числе и негласных), поместить в Общую часть в раздел III «Доказательства и доказывание». Во-вторых, ввести в ст. 86 части 4 и 5. В части 4, по аналогии с ч. 2 ст. 74, дать перечень следственных и процессуальных действий, направленных на сбор доказательств. В последнем пункте обязательно указать «иные процессуальные действия», подразумевая возможность собирания доказательств в результате производства любых действий, которые осуществит правоприменитель. Часть 5 ст. 86 изложить в следующей редакции: «Следственные и процессуальные действия могут быть осуществлены гласными и негласными способами»².

Такой подход во многом схож с позицией законодателей Казахстана и Белоруссии, нашедшей свое воплощение в соответствующих нормативных актах. В УПК этих государств результаты оперативно-розыскной деятельности, полученные при соблюдении требований закона, могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями, регламентирующими собирание, исследование и оценку доказательств³.

Кроме того, в Казахстане уже более десяти лет действует норма, согласно которой лицо можно задержать в том случае, если в полученных в соответствии с законом материалах оперативно-розыскной деятельности в отношении лица имеются достоверные данные о совершенном или готовящемся им тяжком или особо тяжком преступлении⁴.

Полагаем, этот положительный опыт необходимо учитывать не только в теории, но и при разработке законодательства. Пока же в России, к великому сожалению, использование информации, полученной в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий напрямую, без проведения следственных и иных процессуальных действий, в качестве доказательств фактически невозможно.

Сразу оговоримся, что в настоящей работе мы не ставим цели исследовать все вопросы, касающиеся этой тематики, а остановимся лишь на некоторых, которые, так или иначе, возникают при расследовании корыстно-

---

¹ Баранов А.М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Омск., 2007. – С. 27-28.

² Указ. раб. – С. 28.

³ См.: УПК Республики Казахстан (ст. 130); УПК Республики Беларусь (ст. 101).

⁴ См.: УПК Республики Казахстан (ст. 132).

насилованных преступлений в складывающихся криминалистических ситуациях.

Для того чтобы сведения, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий, приобрели доказательственное значение, их необходимо ввести в процесс доказывания, т.е. придать им процессуальную форму. Процессуальная форма закрепления оперативно-розыскной информации повышает уровень ее достоверности и обеспечивает результативное проведение различных следственных действий, тактических операций в процессе расследования, что также позволяет позже использовать ее в суде при доказывании.

Для использования результатов ОРД в доказывании по уголовному делу, на наш взгляд, необходимо:

Обеспечить точное исполнение предусмотренных законом правил их проведения и предоставления в органы дознания, следствия, прокуратуры и суда.

Установить порядок введения предоставленных данных в уголовный процесс – формирование на их основе процессуальных доказательств.

Изучение складывающейся судебно-следственной практики показывает, что введение данных, полученных в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий, происходит чаще всего при помощи следственных действий. Так, в 97% случаев, если проводился опрос, то впоследствии полученная информация вводится в процесс доказывания путем производства допроса, следственным осмотрам предшествует такое мероприятие, как обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности, транспортных средств (60%), назначению и производству судебной экспертизы – исследование предметов и документов (85%), получению образцов для сравнительного исследования, а также производству судебной экспертизы – сбор образцов для сравнительного исследования (90%) и т.д.¹

В ходе проверки анонимного заявления по факту исчезновения Бессонова оперативными мероприятиями было установлено, что убийство Бессонова совершила его сожительница Гладышева. Впоследствии полученная информация была введена в доказывание при помощи комплекса следственных действий: осмотра места происшествия, осмотра трупа Бессонова, допросов свидетелей, подозреваемого (обвиняемого), проведения ряда экспертиз (судебно-медицинской, судебно-биологической, физико-технической, психиатрической), следственного эксперимента и др., что по-

---

¹ Аналогичные результаты были получены Я.М. Мазуниным. По его данным, 63,2% опрошенных следователей пояснили, что результаты ОРД ими использовались как дополнительная информация при принятии процессуального решения, 41,3% – как основание для проведения следственных действий, 37,1% – для подготовки и проведения следственных действий. См. подробнее: Мазунин М.Я. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами (преступными организациями): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – С. 26.

зволило полностью доказать причастность Гладышевой к совершению этого преступления¹.

Таким образом, следователь с учетом сложившейся криминалистической ситуации выбирает следственное(-ые) действие(-я), учитывая ту оперативную информацию, которая будет вводиться, определяет систему тактических приемов и обеспечивает их проведение. Само же введение информации в процесс доказывания представляет собой взаимосвязанную деятельность следователя и оперативного работника, которая, как и весь процесс расследования, осуществляется поэтапно, с учетом криминалистических ситуаций, складывающихся на тот или иной промежуток времени.

По мнению Е.А. Доли, помимо проведения следственных действий возможны и другие процессуальные варианты получения оперативно-розыскной информации. К ним автор относит: истребование, представление, проведение экспертиз. Полученные при этом доказательства будут иметь форму вещественного доказательства, заключения эксперта либо иного документа. Однако содержанием этих доказательств будет не та информация, которая была получена в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий, а уже иная, сформировавшаяся в ходе процессуального доказывания².

Таким образом, информация, полученная в ходе оперативно-розыскных действий, может обрести свойства доказательств только после ее проверки и оценки, а также предания этой информации соответствующей процессуальной формы. Если такая возможность отсутствует, то информация не является доказательством по уголовному делу, а может использоваться лишь в качестве ориентирующей информации³. Необходимо также помнить, что использование этой информации требует особого подхода, бездумность, а подчас и безответственность должностных лиц может привести к расшиф-

---

¹ Архив Центрального районного суда г. Барнаула. Д. № 1-621/96.

² Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. – М., 1996. – С. 70.

³ Это требование законодательства соответствует Конституции РФ и закреплено в решениях Конституционного Суда РФ. См. подробнее: Определение Конституционного Суда РФ от 1 декабря 1999 г. № 211-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барковского Константина Олеговича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 127 УПК РСФСР, пунктом 1 части первой статьи 6 и пунктом 3 части первой статьи 7 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"»; Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2001 г. № 58-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы А.А. Потапова на нарушение его конституционных прав отдельными положениями Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности"».

ровке специальных средств, методов и лиц, содействующих оперативно-розыскным органам¹.

В связи с чем следует согласиться с мнением Я.М. Мазунина, который полагает, что в современных условиях «проблема перевода результатов ОРД в доказательство состоит в том, чтобы, сохранив значение формы, найти такие способы ее видоизменения, которые исключают возможность разглашения государственной тайны и в то же время обеспечивают процессуально приемлемый доступ в сферу уголовного судопроизводства весьма ценных сведений, способных стать основой для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию»².

Определенные трудности возникают у субъектов доказывания при невозможности получения доказательств из известных источников. В связи с чем особое значение приобретают вопросы повышения эффективности взаимодействия органов дознания и предварительного следствия³ и вытекающие отсюда проблемы использования оперативно-розыскной информации в доказывании, на что правильно обращается внимание в литературе⁴.

Сбор уголовно значимой информации, а также успешное решение задач расследования во многом зависит от взаимодействия органов дознания и предварительного следствия.

Необходимость взаимодействия возникает:

---

¹ См. подробнее: Теория и практика использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. К.К. Горяинова. – М.: ВНИИ МВД России, 2002; Кириченко С.А., Мешков В.М. Использование криминалистически значимой информации, полученной оперативно-розыскными методами, при расследовании проявлений организованной преступности. Науч.-практ. пособие. – Калининград: КЛЮИ МВД России, 2002; Чететин А.Е. Оперативно-розыскные мероприятия: понятие, сущность, структура: Препринт. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2004 и др.

² Мазунин Я.М. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами (преступными организациями): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – С. 22.

³ Статкус В.Ф. Взаимодействие следователя с сотрудниками оперативных аппаратов ОВД при возбуждении уголовного дела. – М.: ВШ МВД, 1973 и др.

⁴ См.: Белкин А.Р. Теория доказывания: Науч.-метод. пособие. – М.: НОРМА, 1999. – С. 85-139, 167-176; Азаров В.А., Супрун С.В. Охрана имущественных интересов личности в сферах оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности: Монография. – Омск: ОМА МВД России, 2001; Кореневский Ю.В., Токарева М.Е. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. – М.: Юрлитформ, 2000. – С. 56-83; Оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс: Учеб.-практ. пособие / Под общ. ред. В.В. Черникова, В.Я. Кикотя. – М.: ИНФРА-М, 2002; Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: Научно-практический комментарий / Под ред. А.Е. Чететина. – 10-е изд., перераб. и доп. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2005. – С. 123-140 и др.

1) по уголовным делам, которым предшествовало проведение оперативно-розыскных мероприятий с целью документирования неочевидных, замаскированных преступных эпизодов;

2) по уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно (ст. 157 УПК РФ) либо которые возбуждены органом дознания, но впоследствии направлены прокурором для производства предварительного следствия в порядке ст. 226 УПК РФ;

3) при расследовании преступлений, когда не выявлено лицо, совершившее преступление;

4) когда не известно местонахождение обвиняемого;

5) когда требуется установить имущество (как похищенное, так и подлежащее аресту);

6) когда следователь испытывает затруднения в обнаружении доказательств и др.

Практикой выработаны формы взаимодействия, основными из которых являются:

1) рассмотрение органами дознания поступивших заявлений и сообщений о преступлениях;

2) принятие мер по охране места происшествия и задержанию предполагаемого преступника;

3) участие следователя в оценке оперативных материалов при решении вопроса о возбуждении уголовного дела;

4) совместное выполнение следственных и розыскных мероприятий;

5) выполнение органом дознания поручений следователя;

6) взаимный обмен информацией о добытых по делу данных;

7) согласованное планирование, т.е. совместная работа следователя и органа дознания при планировании расследования и др.

Анализ практики по корыстно-насильственным преступлениям показывает, что чаще всего органами дознания, применительно к корыстно-насильственным преступлениям, проводятся следующие действия:

- выявление и опрос очевидцев преступления;

- применение служебно-розыскной собаки;

- преследование по горячим следам;

- установление засад;

- прочесывание окружающей местности;

- розыск похищенного имущества;

- розыск лиц, как совершивших преступление, так и потерпевших;

- оперативное наблюдение в местах вероятного появления преступников, а также реализации похищенного (рынки, ломбарды и т.д.);

- проверка лиц, задержанных в административном порядке и за совершение незначительных преступлений, с целью обнаружения у них похищенных предметов либо следов преступления на одежде, теле и т.д.

Одним из наиболее сложных вопросов является вопрос о розыске похищенного имущества. Нередко следователи полностью переключаются

всю работу по выявлению этого имущества на органы дознания, возлагая надежды на оперативно-розыскные мероприятия. Такая практика, безусловно, ошибочна. Передовой опыт работы показывает, что этот вопрос успешно решается тогда, когда сам следователь подключается к его решению при активном участии оперативных работников. Так, поставив на учет еще в начальный период расследования по делу все похищенные вещи, следователь в дальнейшем должен систематически обращаться к этой картотеке с целью проверки: не значатся ли они по учету как изъятые при обыске тех или иных задержанных как в административном, так и в уголовно-процессуальном порядке лиц¹.

Важное значение также имеет оперативное обслуживание мест возможного сбыта похищенного. Практика показывает, что с места преступления преступники зачастую устремляются в заранее определенные места, где продают похищенное по договорной (как правило, сильно заниженной) цене продавцам коммерческих киосков, промтоварных и продуктовых магазинов, работникам столовых, парикмахерских и др. Иными словами, идут туда, где есть большая вероятность сбыть похищенное.

Так, в один из апрельских вечеров в г. Барнауле на привокзальной площади было совершено разбойное нападение на гр. Васильева, у которого были похищены вещи на достаточно крупную сумму. Была выдвинута и отработана версия, согласно которой преступник мог быстро и дешево сбыть вещи в близлежащих магазинах – индивидуальных торговых точках. Версия подтвердилась. В ходе опроса очевидцев оперативники вышли на продавца коммерческого магазина Павленко, который признался, что действительно купил вещи у неизвестного мужчины, ничего не зная о их похищении. В то же время он указал, что неизвестный достаточно часто появляется у торговых точек с различным «товаром». В результате дальнейших оперативных мероприятий был задержан гр. Курусканов, который признался в совершении аналогичных преступлений².

Целесообразно также регулярно проверять невостребованные из камер хранения вещи, среди которых зачастую встречаются похищенные.

Взаимодействие органов следствия и дознания чаще всего выражается в соединении усилий по раскрытию преступлений, а также в согласованности действий и самостоятельном выполнении каждым из них своих обязанно-

---

¹ По данным Е.И. Макаренко, более 85% изученных им дел о разбойных нападениях, совершенных с проникновением в жилище граждан, не содержат в своих материалах свидетельств обращения следователей к данному криминалистическому учету. См.: Макаренко Е.И. Расследование разбойных нападений с проникновением в жилища. – Ташкент, 1991. – С. 49; См. также: Клименко И.И. Проблемы расследования и судебного следствия по делам о разбойных нападениях, совершенных организованными группами с проникновением на охраняемые помещения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – С. 3-15 и др.

² Архив Железнодорожного районного суда г. Барнаула. Д. № 1-25/97.

стей при строгом соблюдении законности и руководящей роли следователя (ч. 1 ст. 152 УПК РФ).

Взаимодействие же указанных органов обусловлено, прежде всего, их общими задачами и целями в совместной деятельности по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений.

По данным А.С. Стерлядьева, только за один год «взаимодействие с оперативно-техническими подразделениями ОВД на транспорте и проведение совместных мероприятий с использованием технических средств способствовало выявлению 800, раскрытию 777 и выявлению 59 преступлений, заведению 128 и реализации 126 дел оперативного учета, изъятию 4 кг 600 г тротила, 18 взрывных устройств, 53 единиц огнестрельного оружия, 66 кг наркотических средств, материальных ценностей на сумму 223,5 млн рублей, выявлено 15 коррумпированных связей»¹.

Нередко из поступившей информации становятся известными поисковые признаки преступника или похищенного им имущества, но не известно направление его отхода с места происшествия. В этой ситуации целесообразно применение заградительных мероприятий. Решение об этом принимается после оценки времени, прошедшего с момента совершения преступления до поступления сообщения, примерного расчета возможного передвижения преступников по различным маршрутам в пределах населенного пункта, района, области, края. Для этого на обслуживаемой территории производится блокировка всех вероятных путей отхода преступников и их поиск в местах возможного появления: шоссежных дорогах, автобусных остановках (автовокзалах), железнодорожных и аэровокзалах, закусочных, столовых, рынках и т.п. Одновременно производится ориентирование об этом близприлегающих органов внутренних дел и милиции на транспорте.

Дежурной частью министерства, управления внутренних дел при необходимости задержания вооруженных и иных опасных преступников на территории ряда районов или всей республики, края, области, города могут вводиться специальные оперативные (типовые) планы.

В тех случаях, когда в поступившем сообщении о преступлении не содержится исходных данных, необходимых для немедленного преследования, а оценка времени, прошедшего с момента совершения преступления, не дает основания полагать, что преступники находятся в районе места происшествия, на место происшествия организуется немедленный выезд следственно-оперативной группы (СОГ)².

---

¹ Стерлядьев А.С. Роль оперативно-розыскной деятельности в преодолении противодействия раскрытию и расследованию преступлений // Преодоление конфликтных ситуаций в процессе раскрытия и расследования преступлений: Сб. науч. тр. – Екатеринбург: Изд-во Уральского юрид. ин-та МВД России, 2005. – С. 163.

² Подробнее см.: Кокурин Г.А. Организационные основы деятельности следственно-оперативных групп: Учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. – М.: МЦ при ГУК МВД России, 1997; Он же. Теоретические и практические основы поисковой деятельности в процессе раскрытия и расследования преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2001.

По прибытии на место происшествия основной обязанностью членов СОГ является осуществление оперативно-розыскных и иных мероприятий, направленных на выявление обстоятельств преступления, данных о предполагаемом преступнике, сбор сведений для экспресс-информации и организация на ее основе непрерывного взаимодействия между всеми членами группы во время работы по установлению и поиску неизвестных преступников. При построении и проверке версий, выборе направления расследования и тактических приемов неоценимую помощь оказывает именно информация, полученная в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий¹.

Как показывают проведенные исследования, по результатам работы СОГ на месте происшествия чаще всего поиск неизвестных преступников осуществляется с учетом следующих приемов:

- по внешним признакам (система словесного портрета);
- по следам и предметам, оставленным ими на месте происшествия;
- по похищенному имуществу, по следам, оставшимся на их теле и одежде;
- по способу совершения преступления, по кругу лиц, среди которых может находиться преступник.

По имеющимся признакам в картотеках информационных центров областных, краевых, республиканских органов внутренних дел, а также по фото- и видеотекам информационно-поисковых систем (ИПС) горрайорганов внутренних дел на первоначальном этапе рекомендуется проведение проверки лиц, состоящих на учете.

Достаточно эффективным средством для раскрытия преступлений по внешним признакам преступников является идентификационный комплект рисунков (ИКР). В последнее время с внедрением в практическую деятельность правоохранительных органов различных технических средств и ЭВМ достаточно широко применяются методики фотокомпозиционных и рисованных портретов (фотороботов)². Розыск преступников по внешним признакам (свыше 70% изученных дел) проводится во всех случаях, когда по научной системе словесного портрета становятся известны их приметы.

Сведения о предполагаемом преступнике, которые могут помочь в его установлении и поиске, можно разделить на следующие группы:

---

¹ Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография / Под ред. проф. В.Т. Томина. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001; Бочкарев А.В., Федюнин А.Е. Некоторые уголовно-процессуальные вопросы получения и фиксации аудиальной информации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Следователь. – 2002. – № 6. – С. 30-33 и др.

² Зуев В.Д., Красавин А.И., Фотографические материалы и их применение в оперативно-розыскной, следственной и экспертной работе. – М., 1970; Зинин А.М., Зотов А.Б., Зудин С.И., Буданов С.А. Использование информации очевидцев о признаках внешности человека при составлении субъективных портретов. – М., 1996 и др.

Сведения о физиологических и биологических признаках лица, совершившего преступление. К ним относятся: а) сведения о внешнем облике; б) сведения об особых признаках рук, ног, зубов, крови, выделений организма; в) признаки патологий; г) повреждения на теле, микрочастицы; д) иные сведения.

Сведения о социальных и поведенческих признаках. К ним относятся: а) установочные данные; б) сведения о способе совершения преступления; в) сведения о навыках, привычках, культурном уровне лица, совершившего преступление; г) иные сведения субъективно-психологического характера.

Сведения о «сопутствующих» объектах. К ним относятся: а) сведения о признаках одежды, обуви, иных вещей, имеющихся у преступника; б) сведения о признаках оружия, других орудий преступления; в) сведения о транспортном средстве; г) иные сведения¹.

В настоящее время существует множество методик криминалистического описания человека, которые имеют, в первую очередь, экспертную направленность и считаются универсальными для целей розыска и портретной идентификации. Однако особого внимания заслуживает методика КРИМНЕТ, разработанная в Научно-производственном центре «Оптическое распознавание объектов» (г. Самара). В отличие от цели портретной идентификации – установление тождества, основой методики является розыск и принцип сходства, являющийся промежуточной стадией по отношению к тождеству. Основным объектом отображения внешности в портретной идентификации являются фото и видео, а в розыске – словесное описание, составленное по памяти потерпевшего, очевидца, основой которого является мысленный образ. Как известно, мысленный образ по отношению ко всем отображениям внешности, в частности фото и видео, является лимитирующим не только по степени полноты передачи информации признаков внешности, но и трансформации признаков внешности, обусловленной общими закономерностями психологии восприятия внешности человека человеком. Главная идея описания внешности заключается в уходе от громоздкой экспертной системы к максимально простой системе описания, где в силу психологии восприятия внешности общие признаки воспринимаются мгновенно на подсознательном уровне, формируя общее представление о внешности, а акцент внимания переносится на фиксацию отклонений от нормы в элементах внешности, функциональных признаках, топографии видов особенностей. Основными положениями разработанного розыскного словесного портрета являются:

1) унификация розыскного словесного портрета;

---

¹ Лавров В.П., Чегодаев С.С. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений по горячим следам // Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений: Учеб. пособие для вузов / Под ред. проф. В.П. Лаврова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. – С. 16.

- 2) учет свойств отображений внешнего облика;
- 3) психологический подход при описании внешности;
- 4) максимальное упрощение описания признаков внешности;
- 5) топография видов особенностей;
- 6) графический аналог внешнего облика человека;
- 7) интеллектуализация автоматизации розыска.

Кроме того, комплексное решение задачи автоматизации розыска преступников по признакам внешности предполагает обеспечение широкого доступа к базам данных криминалистической сети из любого места посредством Интернета¹.

Помимо словесного портрета, розыск преступника может осуществляться по его следам в том случае, если на месте совершения преступления или на пути отхода с него оставлены следы с достаточными идентификационными признаками. Для их обнаружения по прибытии на место происшествия следователь, сотрудники уголовного розыска и другие участники производят тщательное обследование прилегающей местности. Нужно обращать внимание на следы транспорта, человека, животных, а также искать потерянные, брошенные или спрятанные преступником вещи и предметы. Преимущественное значение следует уделять «следам отхода».

При обнаружении и изъятии следов и иных объектов нередко возникает необходимость проверить их по криминалистическим учетам. В этом случае СОГ, выехавшая на место происшествия, должна обладать необходимыми техническими средствами как приема и передачи информации, так и помогающими выделить криминалистически значимые объекты из окружающей среды, определить их, получить представление о их свойствах, признаках и т.д. В указанных целях успешно применяются передвижные криминалистические лаборатории.

Нередко, скрываясь с места происшествия, преступники теряют орудия преступления, одежду, головные уборы, пуговицы и другие предметы. Их тщательное изучение также позволяет осуществить результативный розыск преступника.

Преступника можно установить и по похищенному им имуществу, если оно имело какие-либо индивидуальные признаки. Если в ходе работы по горячим следам обнаруживается спрятанное преступниками похищенное имущество, необходимо организовать засаду, чтобы задержать их с поличным.

Примером успешного проведения оперативно-розыскных мероприятий, повлекших раскрытие ряда преступлений, может служить дело Смирнова и его банды (фамилии участников изменены).

---

¹ Подробнее см.: Филатов А. Новая методика криминалистического описания человека для целей розыска // Профессионал. – 2002. – № 4. – С. 39-42.

В августе 1998 г. за разбойное нападение на один из филиалов Сбербанка был задержан Федоров, остальным соучастникам удалось скрыться с места преступления.

В ходе расследования была получена оперативная информация о возможной причастности к совершению данного преступления участников организованной преступной группы. Для документирования противоправной деятельности группы, установления всех ее участников, а также выявления иных фактов преступной деятельности сотрудниками уголовного розыска было заведено дело оперативного учета.

При реализации полученной информации в ходе работы установлено, что в разбое, помимо задержанного Федорова, участвовали Смирнов, Нуртазин и Краснов. В ходе дальнейших оперативных мероприятий был установлен телефон сожительницы Смирнова, а по телефону не составило труда выяснить и адрес. За домом было установлено наружное наблюдение. Оперативникам не пришлось долго ждать. Уже через два дня к дому подошел мужчина, по приметам схожий с разыскиваемым. Сомнений не оставалось, это был Смирнов. Задержание прошло как в кино – преступник даже не успел среагировать.

В результате оперативной разработки Смирнова установлено, что он являлся лидером организованной преступной группировки, которая совершила ряд разбойных нападений в Алтайском крае и Новосибирской области. Дальнейшими мероприятиями были установлены и задержаны все члены банды. Всем им было предъявлено обвинение в бандитизме. Впоследствии они были признаны виновными и осуждены к различным срокам лишения свободы¹.

Таким образом, взаимодействие оперативно-розыскных и следственных аппаратов способствует не только решению как общих, так и частных задач, стоящих перед ними, но и, что немаловажно, сближению этих задач, интеграции накопленных знаний, объединенных общей целью – борьба с преступностью.

Рассматривая проблему взаимодействия, необходимо, на наш взгляд, затронуть такой ее немаловажный и малоизученный аспект, как взаимодействие субъектов оперативно-розыскной деятельности и судьи, а также оперативно-розыскное обеспечение судебного разбирательства, особенно по делам об организованной преступной деятельности. Необходимость такого обеспечения, по мнению Я.М. Мазунина, обусловлена следующими факторами: «1) в отличие от предварительного следствия, члены преступного формирования уже знают о полном объеме собранных доказательств и об основных из них, на которых преимущественно строится обвинение, а также выискивают наиболее слабые звенья в цепи обвинения с целью их последующего разрушения; 2) отключение оперативно-розыскных подразделений, отсутствие оперативного контроля за действиями членов формиро-

---

¹ Из практики работы ГУВД Новосибирской области за 1998 г.

вания дает им возможность беспрепятственно осуществлять противоправную деятельность, направленную на фальсификацию доказательств, создание сложного алиби и т.д.; 3) несовершенство нормативного регулирования судебного процесса, в результате которого различные действия, направленные на воспрепятствование нормальному осуществлению правосудия, не имеют никаких правовых последствий (в полной мере это относится к недобросовестным адвокатам, которые нередко сами воздействуют на свидетелей, потерпевших и т.д.; 4) отсутствие нормативного регулирования процесса организации оперативно-розыскного обеспечения судебного разбирательства, в том числе по делам об организованной преступной деятельности, со стороны МВД, Генеральной прокуратуры и Министерства юстиции)»¹.

На практике такое взаимодействие находится на низком уровне и объясняется обвинительным уклоном, а большинство ученых и практиков склонны ограничивать использование результатов ОРД в суде². В частности, опрошенные нами судьи указали на отсутствие таких фактов, за исключением допроса оперативного работника в рамках судебного следствия. В то же время, по данным М.П. Полякова, информация, полученная от оперативных работников за рамками судебного следствия, по мнению опрошенных им судей, может быть с пользой использована в ходе разбирательства дела³. В данном случае «речь идет о специфическом направлении воплощения принципа *маевтики* – в информационном взаимодействии судьи и подсудимого. Поскольку подсудимый тоже интерпретирует информацию (в том числе и неречевую), исходящую от судьи, то последний может через слова и иные символы довести до подсудимого, что ему известно гораздо больше, чем того хотелось бы названному участнику процесса. Здесь вполне может быть включен и другой принцип – тезауруса, заключающийся в вовлечении

---

¹ Мазунин М.Я. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами (преступными организациями): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – С. 27.

² См., напр.: Зажицкий В.И. Правовые предпосылки использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве оснований для производства следственных действий // Проблемы формирования уголовного-розыскного права: Сб. науч. работ. – М., 1998. Вып. 1. – С. 41; Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / Автор сост. А.Ю. Шумилов. – М., 1999. – С. 108; Котухов М.П. Перевод результатов оперативно-розыскной деятельности в доказательства: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2001. – С. 182 и др.

³ Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография / Под ред. проф. В.Т. Томина. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. – С. 239; Поляков М.П., Рыжов Р.С. О понятии и структуре правового института использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе // Оперативник (сыщик). – № 3 (12). – 2007. – С. 18.

судей в прямой и косвенный диалог слов, которые могут оказывать влияние на информационное поведение подсудимого»¹.

Если же обратиться к действующему законодательству, то оно вполне не исключает такое взаимодействие и использование результатов ОРД в ходе судебного разбирательства дела. В частности, Инструкция о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд², утвержденная приказом МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, Минобороны России от 17 апреля 2007 г. № 368/185/164/481/32/184/97/147 в п. 1 определяет основания предоставления оперативными подразделениями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность результатов ОРД соответствующим органам и должностным лицам. К таким основаниям относятся в том числе и «исполнения требования суда (судьи) о предоставлении документов по уголовным делам, находящимся в его производстве». В то же время следует отчасти согласиться с А.Ю. Козловским, который считает, что «с практической точки зрения данная конкретизация вряд ли полезна»³. Исчерпывающий перечень оснований, по мнению автора, «предусматривает исполнения требования суда (судьи) только о предоставлении документов по уголовным делам, находящимся в его производстве. Однако при рассмотрении уголовного дела в суде могут потребоваться иные материалы и технические средства, с помощью которых результаты ОРД были получены (например, для проведения следственного эксперимента в процессе судебного следствия)»⁴.

Полагаем, в данном случае понятие «документ» можно трактовать широко, что вытекает из п. 20 Инструкции «результаты ОРД, представляемые для подготовки следственных и судебных действий, должны содержать сведения о местонахождении лиц, скрывающихся от органов предварительного расследования и суда; о лицах, которым известны обстоятельства и факты, имеющие значение для уголовного дела; о возможных источниках доказательств; о местонахождении предметов, перечисленных в части 1 статьи 81 УПК РФ; о других фактах и обстоятельствах, позволяющих определить объем и последовательность процессуальных действий, выбрать наиболее эффективную тактику их производства, выработать оптимальную методику расследования по конкретному уголовному делу». Поэтому, на наш взгляд, могут предоставляться и иные материалы, а также привлекаться к производству судебных действий лица, внедренные (внедрившиеся) в организованные преступные группы, в том числе штатные негласные сотрудники органов, осуществляющих ОРД, а также лица, оказывающие или оказывавшие

---

¹ Поляков М.П. Указ. раб. – С. 239.

² Далее – Инструкция.

³ Козловский А.Ю. Применяем новую Инструкцию о предоставлении результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовный процесс // Оперативник (сыщик). – 2007. – № 3 (12). – С. 25.

⁴ Там же.

этим органам содействие на конфиденциальной основе с обеспечением их безопасности и конфиденциальности (п. 6 Инструкции)¹.

Следовательно, результаты ОРД могут являться предпосылками проведения судебных действий, быть использованы для обоснования их проведения, а также выступать условиями их проведения. Кроме того, мы полностью солидарны с мнением тех авторов, которые считают, что «процесс оперативно-розыскного обеспечения судебного разбирательства должен являться продолжением процесса оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования, что должно найти отражение в криминалистической методике расследования организованной преступной деятельности»². Считаем, что это – перспективное направление, нуждающееся в дальнейшей разработке и исследовании.

Завершая рассмотрение вопроса об оперативно-розыскных ситуациях, нельзя не затронуть их типологию, выделив основные классификационные основания. В немногочисленных работах специалистов в области ОРД встречаются чаще всего классификации, заимствованные из криминалистики³. Так как критический анализ точек зрения криминалистов был нами сделан выше⁴, оставим их без комментария. Остановимся лишь на нетрадиционных, интересных позициях авторов, занимающихся этой проблемой.

Так, например, в зависимости от этапов расследования С.Э. Воронин выделяет **доследственные, ситуации оперативного сопровождения следствия и оперативно-розыскные проблемно-поисковые следственные ситуации по приостановленным уголовным делам**⁵. Значение такой классификации «позволяет исследовать специфику поисково-познавательной деятельности оперработника в зависимости от складывающейся обстановки на различных этапах расследования»⁶.

В рассматриваемой классификации есть еще два звена. В зависимости от решаемых задач ситуации делятся на **розыскные и оперативно-розыскные**. Действительно, понятия «розыскная деятельность» и «опера-

---

¹ См. также: Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. – М.: Экзамен, 2002.

² См.: Мазунин М.Я. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами (преступными организациями): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – С. 27; Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова. – М.: ИНФРА-М, 2006. – С. 569-582 и др.

³ См., напр.: Давыдов С.И. Оперативно-розыскные ситуации: понятие, структура, виды: Учеб. пособие. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2006. – С. 13-17; Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова. – М.: ИНФРА-М, 2006. – С. 710-711.

⁴ См. п. 1.4 настоящей работы.

⁵ Воронин С.Э. Указ. раб. – С. 125.

⁶ Там же.

тивно-розыскная деятельность», «оперативно-розыскные мероприятия» и «розыскные мероприятия» не совпадают по объему и содержанию, что не раз отмечалось в литературе¹. Поэтому можно с уверенностью говорить о различиях в динамике и по направлениям развития указанных ситуаций, что, несомненно, нужно использовать в практической деятельности.

Интересную классификацию оперативно-розыскных ситуаций, возникающих в процессе раскрытия преступлений, предложил В.П. Шиенок (1995), выделив следующие виды:

«- **ситуация места происшествия.** Характерной чертой ее является высокая степень информационной неопределенности, что наиболее характерно для начального этапа проведения поисковых мероприятий по неочевидным преступлениям, когда в содержании первичной информации отсутствуют указания на конкретных лиц, совершивших противоправные деяния;

- **ситуация, складывающаяся в ходе поиска преступника в определенной среде,** характеризуется наличием информации, позволяющей ограничить круг возможных подозреваемых определенным контингентом лиц по тому или иному присущему им общему признаку. В качестве такого признака могут выступать самые различные сведения о профессии, состоянии здоровья, принадлежности к определенной социальной группе, трудовых навыках, знакомстве с потерпевшим и т.д.;

- **ситуация, складывающаяся в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий** в отношении конкретных подозреваемых, обусловлена наличием информации, дающей основание предполагать возможность совершения преступления данным лицом (группой лиц). Во временном аспекте ситуация этого типа охватывает процесс раскрытия преступления с момента получения указанной информации в отношении конкретного лица до ее полной реализации. Эта ситуация носит ярко выраженные черты оперативной разработки;

- **ситуация, складывающаяся в ходе проведения общепоисковых мероприятий.** Она характеризует процесс раскрытия с позиций комплексного использования разведывательных возможностей оперативных аппаратов, а также информационного потенциала, которым располагают другие службы и подразделения органов внутренних дел»².

Преимущество этой классификационной системы, на наш взгляд, заключается в нацеливании субъекта ОРД на комплексное использование дос-

---

¹ См., напр.: Лукашов В.А. Розыск скрывшихся преступников (по материалам органов охраны общественного порядка): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1963. – С. 3; Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. – М.: Юристъ, 1997. – С. 203-243; Основы оперативно-розыскной деятельности: Учеб. пособие. – 3-е изд., доп. и перераб. / Под ред. А.Е. Четчина. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2007. – С. 196-197 и др.

² Цит. по раб.: Давыдов С.И. Оперативно-розыскные ситуации: понятие, структура, виды: Учеб. пособие. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2006. – С. 17.

тижений криминалистики и теории ОРД, накопленных ими в рамках тактики и методики раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Для решения оперативно-тактических задач в процессе осуществления ОРД большое значение имеет классификация оперативно-розыскных ситуаций, подразделяющихся на **естественно сложившиеся и искусственно созданные**. «С помощью искусственно созданных ситуаций оперативный работник вводит в заблуждение разрабатываемых лиц, притупляет их осторожность, побуждает совершать действия, способствующие их же разоблачению. Создание таких ситуаций необходимо в силу самой сущности оперативно-розыскной деятельности, а также имеющихся препятствий в выявлении, фиксации и использовании оперативно-розыскной информации. Пределы использования в оперативно-розыскной деятельности искусственно созданных ситуаций ограничены правовыми и морально-этическими нормами»¹.

В зависимости от принятия правильного решения оперативно-розыскные ситуации подразделяют на **три вида**: 1) ситуация, требующая немедленного реагирования; 2) ситуация, дающая возможность продумать решение, подготовиться к проведению оперативно-розыскных мероприятий; 3) ситуация, требующая тщательной, порой длительной разработки решения, подготовки к проведению оперативно-розыскных мероприятий или их совокупности².

Действительно, между оперативно-розыскными ситуациями, складывающимися на различных этапах деятельности субъекта ОРД, могут быть различия, определяемые факторами времени, внезапности принятия решения, совокупностью средств и методов и др. Но эти различия носят субъективный характер, а принятие конкретного решения зависит от опыта и профессиональной компетенции субъекта ОРД. По нашему мнению, в основе указанной классификации лежит субъективный критерий, предполагающий множество вариантов ситуаций. Исходя из этого, выделение указанных ситуаций вряд ли целесообразно.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод, что классификационные основания оперативно-розыскных ситуаций могут быть теми же, что и для криминалистических ситуаций³, правда, с учетом специфики ОРД (например, для криминалистических ситуаций это будут ситуации, характеризующие ход и состояние при производстве следственного действия, а для оперативно-розыскных – ход и состояние при производстве оперативно-розыскного мероприятия и т.д.). В то же время именно специфика ОРД создает предпосылки для разработки новых оснований классификации, созда-

---

¹ Давыдов С.И. Указ. раб. – С. 18.

² Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М.: ИНФРА-М, 2006. – С. 711; Давыдов С.И. Указ. раб. – С. 17.

³ См. п. 1.4 настоящей работы.

ния алгоритмов их разрешения в целях оптимизации полноструктурного процесса раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, а также их судебного разбирательства.

2.2. Возникновение и функционирование криминалистических ситуаций и тактико-методические аспекты их разрешения на досудебных стадиях уголовного процесса

В процессе досудебного производства по уголовным делам используется весь арсенал разнообразных, научно обоснованных и отработанных передовой практикой, тактико-криминалистических приемов. Выбор тактических приемов осуществления оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий во многом предопределяется криминальной ситуацией, характером преступления, способом его совершения, кругом обстоятельств, подлежащих доказыванию, содержанием сведений о лицах, совершивших преступление, а также мерами по обеспечению прав и законных интересов граждан в сфере уголовного судопроизводства¹. Предметом рассмотрения в данном аспекте является деятельность правоохранительных органов и должностных лиц с учетом складывающихся криминалистических ситуаций. Эта деятельность представляет собой сложное системное образование по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений и проявляется в решении субъектами, участвующими в этом процессе различных мыслительных задач, в творческом подходе к криминалистическим ситуациям. С этих позиций следует говорить о процессе расследования как о системе криминалистических задач, возникающих в уголовном судопроизводстве и требующих своего решения.

Общепризнано, что любая задача, в том числе и криминалистическая, имеет свои взаимосвязанные компоненты: условие и цель для ее решения². Конечная цель нередко может быть достигнута решением промежуточных целей как ее составляющих. По ходу решения может происходить многократное преобразование промежуточных целей и условий задачи, и, следовательно, уже по этой причине в процессе своего преобразования на каждом последующем этапе решения задача может так сильно видоизменяться, что

---

¹ См., напр.: Подшибякин А.С. Тактические операции и охрана законных прав и интересов граждан при расследовании преступлений // Проблемы правового статуса личности в уголовном процессе. – Саратов: СЮИ, 1981. – С. 142.

² См.: Бойков А.Д. Проблемы эффективности судебной защиты: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1974. – С. 9; Васильев А.Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. – М.: МГУ, 1978. – С. 5-8; Гранат Н.Л., Рагинов А.Р. Решение следственных задач: Учеб. пособие. – Волгоград, 1978. – С. 34; Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. – М.: Юристъ, 1997. – С. 223-234 и др.

нередко воспринимается как принципиально новая. Тем не менее всегда сохраняется структурная характеристика поставленной задачи, включающая в себя цели и условия ее решения, которые связаны между собой причинно-следственными связями так, что от решающего требуется их преобразование¹.

Оценивая существующие позиции ученых относительно классификации криминалистических задач, можно констатировать, что большинство авторов указывают на ситуационный характер деятельности субъектов доказывания, а также ее информационный аспект². Что же касается решения задач, возникающих в процессе расследования уголовного дела, то этот процесс в большей степени основывается на разработке и использовании соответствующих типовых программ (алгоритмов) расследования. В то же время, с нашей точки зрения, при решении криминалистических задач важно правильно распознать криминалистическую ситуацию, ее информационные компоненты как базовые для принятия решений по расследуемому уголовному делу. Оценивая полученную информацию, субъект доказывания выдвигает версии и определяет «программу» своей дальнейшей деятельности, содержащую полный перечень всех необходимых действий и их последовательность.

Наибольшие трудности в принятии решения по существу, как отмечено в психологии, вызывают проблемные ситуации.

Учитывая данный тезис, полагаем, что при расследовании преступлений нет и не может быть непроблемных криминалистических ситуаций. Любая ситуация, с которой сталкивается следователь вплоть до окончания расследования, является проблемной. Однако следует заметить, что проблемность ситуации мы рассматриваем в психологическом аспекте: как возникновение мышления, мыслительной деятельности³. Так, в повседневной жизни ситуации, в которых осуществляется деятельность человека, достаточно полно соответствуют ему, т.е. ситуации отражают ту действитель-

---

¹ О соотношении понятий «цель» и «условие», а также о процессе определения криминалистической задачи и ее решения нами указывалось ранее. См.: Ким Д.В. Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве: Монография / Под ред. проф. В.К. Гавло. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 83-88.

² См., напр.: Лузгин И.М. Криминалистические задачи и их место в оценке исходных следственных ситуаций // Актуальные вопросы использования достижений науки и техники в расследовании преступлений органами внутренних дел. – М., 1990. – С. 66; Шиканов В.И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. – Иркутск, 1983. – С. 9; Густов Г.А. Программирование расследования // Проблемы программирования, организации и информационного обеспечения предварительного следствия: Межвуз. сб. науч. тр. – Уфа, 1989. – С. 17-18; Зорин Г.А. Криминалистическая эвристика. Т. 2. – Гродно, 1994. – С. 217 и др.

³ Подробнее см.: Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: Монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 55-63.

ность человека, в которой он действует, понимая смысл и значение элементов ситуации и своих действий с ними. По-другому обстоит дело с ситуациями, складывающимися в процессе расследования уголовного дела. Эти ситуации всегда означают некоторое несоответствие между субъектом доказывания и окружающим его миром, но предполагают деятельность по устранению этого несоответствия. Результатом такой деятельности являются новые информационные потоки, новые знания, которые в конечном счете должны привести к раскрытию преступления. Но не любое знание вызывает проблемную ситуацию, а такое, которое связано с проблемностью познания и предположением о возможности получения новой информации для решения задач уголовного судопроизводства.

Таким образом, процесс постановки целей и задач субъектом доказывания протекает в определенных условиях, продиктованных сложившейся на тот или иной период времени криминалистической ситуацией. Этот процесс предполагает определенную мыслительную деятельность, динамика которой заключается в следующем.

Субъект доказывания как система представляет собой единство с тем, что его составляет (данного субъекта), действительность, которую он непрерывно создает своей деятельностью и этой же деятельностью обеспечивает ее предметность, в силу чего действительность предстает как реальность, как ситуация, в которую в конечном счете и преобразуются цели и условия. В момент восприятия субъектом доказывания следственной задачи существует несоответствие между тем, что «задано», т.е. теми элементами криминалистической характеристики преступления, которые известны и тем, что должно быть установлено как результат решения (цель). Степень же этого несоответствия полностью зависит от индивидуальных возможностей субъекта. Мы считаем, что существует диапазон соответствия человека задаче, внутри которого обеспечивается проблемность, способная придать деятельности поисковый характер. Когда человек сам обнаруживает и ставит мыслительную задачу, то это происходит потому, что он в некотором предмете отразил свои возможности познания этого предмета. Не любое несоответствие вызывает переживание возможности перехода к мышлению. Только «соответствующее несоответствие» может лечь в основу мыслительной деятельности¹, т.е. те элементы окружающего мира, которые, по мнению субъекта, не вписываются в общую картину, но имеют для него (субъекта) ценностно-смысловое содержание. Иначе говоря, в исходный момент первичного восприятия субъект доказывания не может установить смысл различных элементов ситуации. Например, по обнаруженным на месте происшествия отпечаткам пальцев нельзя сказать, кому они принадлежат: потерпевшему, преступнику или третьему лицу. Но для следователя,

---

¹ Клочко В.Е. Инициация мыслительной деятельности: Дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1991. – С. 264.

как профессионального лица, на этом этапе становится ясным, какие действия и с какими элементами надо предпринять для того, чтобы выйти к цели.

Из всего сказанного можно сделать следующий вывод: субъект доказывания не может сконструировать для себя криминалистическую ситуацию, не определив так или иначе значение и смысл элементов объективного мира, формирующих ее, однако определение их возможно только в конце мыслительной деятельности, как ее результат, как решение следственной задачи. Несоответствие целей и условий является главным побудительным фактом, стимулирующим самостоятельное целеобразование¹. **Субъект доказывания на базе «объективно заданных» условий конструирует свою цель и свои условия в складывающихся криминалистических ситуациях.** Именно поэтому расследование преступлений имеет ситуационный характер. Чтобы связать воедино цель, условия и задачи расследования, нами все задачи применительно к методике расследования отдельных видов и групп преступлений были классифицированы по признаку соотносительности целей и условий, т.е. насколько конечная цель может представить критерии оценки исходной ситуации и выделены четыре типа задач:

Для первого типа задач характерно то, что в исходной криминалистической ситуации (C_1) по делу известны все важнейшие элементы криминалистической характеристики расследуемого преступления;

Ко второму типу задач можно отнести те, в которых в исходной криминалистической ситуации (C_1) известен один или несколько элементов криминалистической характеристики преступления, но требуется установить остальные, недостающие элементы;

К задачам третьего типа следует отнести те, которые характеризуются наибольшим, по сравнению с двумя предыдущими типами, «отрывом» целей от условий. Эти задачи отличаются тем, что конечная цель, по крайней мере на ранних стадиях поиска решения, не может дать прямых критериев оценки криминалистической ситуации, ее элементов и действий с ними, т.е. данных не достаточно для принятия того или иного решения;

К задачам четвертого типа следует отнести смешанные, в которых сочетаются все вышеперечисленные задачи. Процесс решения протекает как алгоритмическим, так и эвристическим (творческим) путем. Этот тип задач наиболее часто встречается в деятельности по расследованию преступлений².

---

¹ Подробнее см.: Ключко В.Е. Инициация мыслительной деятельности: Дис... д-ра психол. наук. – М., 1991; Ким Д.В. Следственная ситуация как информационно-познавательная система в деятельности по расследованию преступлений (по материалам корыстно-насильственных преступлений): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1999. – С. 19.

² Подробнее см.: Ким Д.В. Расследование преступлений как процесс постановки и решения задач (криминалистические аспекты) // Актуальные проблемы борьбы с преступностью и иными правонарушениями: Мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. /

Проведенные исследования показали, что развитие криминалистической ситуации начинается с познания тех ее элементов (наличия или отсутствия данных о времени, месте, потерпевшем, способе преступления и т.д.), которые имеют наибольший смысл для субъекта доказывания в решении задач уголовного судопроизводства. Только благодаря такому знанию криминалистическая ситуация может развиваться направленно, осмысленно, упорядоченно. Анализ уголовных дел, позволивших своевременно развернуть расследование и раскрыть преступление, показывает, что оперативно-розыскные, организационно-технические мероприятия, следственные и иные действия подчинены логике криминалистических ситуаций, которая диктует смыслы деятельности субъектов, участвующих в расследовании¹. Поэтому не случайно в науке криминалистики идет речь о типовой методике расследования, в основе которой лежит криминалистическая ситуация с ее компонентами.

При таком подходе в методике расследования можно наиболее полно реализовать в ней идеи тех исследователей, которые полагают возможным в деятельности субъекта доказывания «выделить несколько взаимосвязанных аспектов: информационно-познавательный, информационно-логический и доказательственный, управленческий»².

Поэтому совершенно прав Л.Я. Драпкин, который говорит: «Необходимо обязательно учитывать сочетание объективных и субъективных факторов, составляющих содержание процесса формирования следственных ситуаций, понятие следственной ситуации неотделимо от отражения реальной обстановки мышлением следователя, от осознания следователем характера складывающейся ситуации и сопряжения (соединения) ее условий с выявленной проблемой, конфликтом, состоянием риска или организационной неупорядоченности, или наоборот – с бесконфликтностью, полным отсутствием тактического риска. Именно поэтому информационное отражение ос-

---

Под ред А.Е. Чечетина и др. – Барнаул, 2001. – С. 171-177; Гавло В.К., Клочко В.Е., Ким Д.В. Указ. раб. – С. 153-160.

¹ Ким Д.В. Следственная ситуация как информационно-познавательная система в деятельности по расследованию преступлений (по материалам корыстно-насиловственных преступлений): Дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1999.

² Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск: ТГУ, 1985. – С. 86; См. также: Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание. – М., 1969. – С. 167; Эйсман А.А. Логика доказывания. – М., 1971. – С. 3-95; Полевой Н.С. Методические и правовые основы решения криминалистических задач с использованием математических методов и вычислительной техники: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1984. – С. 26; Крылов В.В. Основы криминалистической теории расследования преступлений в сфере информации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1998; Гавло В.К., Алешин В.В. Расследование преступлений, сопряженных с отчуждением жилья граждан: Учеб. пособие. – Барнаул, 1998. – С. 34-53; Forker A., Rothe K. Besonderheiten der Untersuchungsplanung bei der Bekämpfung von Brennpunkten // Forum der Kriminalistik. – 1976. – № 2. – S.18 и др.

новых характеристик ситуации, их предварительная, самая общая оценка должны входить в понятие следственной ситуации»¹. Из чего впоследствии он делает вывод, что «осознание наиболее общих свойств реальной ситуации (проблемность – непроблемность, конфликтность – бесконфликтность и т.д.) можно рассматривать как этап динамической структуры следственной ситуации, без которого не может возникнуть и само это понятие...»².

Изучение и оценка сложившейся криминалистической ситуации позволяет определить проблему, подлежащую разрешению в процессе расследования. В свою очередь проблема открывает пути к решению задач расследования. В связи с чем можно полагать, что криминалистическая ситуация является основой деятельности субъектов доказывания, которые действуют с учетом той информационной структуры криминалистической ситуации, которая им известна. Чтобы действовать, субъекту необходимо сначала получить представление о содержании и объеме криминалистической информации, содержащейся в каждом подлежащем исследованию источнике. Для этого следует установить закономерные связи между известными элементами криминалистической характеристики преступления, а через них выяснить и другие, неизвестные, элементы системы.

Эту совокупность информации вполне можно назвать признаками ситуации – сведениями, относящимися к элементам криминалистической характеристики и обстоятельствам, условиям расследуемого события преступления, которые необходимо установить субъекту доказывания в процессе своей деятельности.

Накопление доказательственной информации, позволяющей раскрыть механизм и сущность познаваемого явления, установить человека, совершившего преступление, особенно в условиях неочевидности³, невозможно без быстрого реагирования субъектов доказывания на поводы к возбуждению уголовного дела, интенсивного проведения комплекса процессуальных и непроцессуальных действий.

С точки зрения системного подхода весь комплекс проводимых действий на том или ином этапе представляет собой подсистему в общей методике расследования преступлений. Оперативно-розыскные мероприятия могут как предшествовать началу расследования, так и проводиться параллельно с

---

¹ Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. – Свердловск, 1987. – С. 16-23.

² Там же. – С. 22.

³ Как показали проведенное нами исследование корыстно-насильственных преступлений в период с 1994 по 2008 гг. (массив 870 уголовных дел), почти в 90% случаев преступники с места происшествия скрывались.

первоначальными и неотложными следственными действиями по возбужденному уголовному делу¹.

Наличие возбужденного уголовного дела в качестве юридического основания проведения оперативно-розыскных мероприятий А.Е. Чечетин рассматривает применительно к трем типичным ситуациям:

- «- в случае нахождения такого дела в производстве органов дознания;
- в случае неустановления совершившего преступление лица по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя;
- в случае установления виновного лица по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя»².

Если для первой ситуации, по мнению автора, не имеет значения факт обнаружения лица, совершившего преступление, и органы дознания по любым находящимся в их производстве уголовным делам могут проводить ОРМ без каких-либо ограничений, то для второй ситуации факт неустановления такого лица имеет принципиальное значение. Такой вывод вытекает из требований ч. 4 ст. 157 УПК РФ, в соответствии с которой на орган дознания возлагается обязанность принимать оперативно-розыскные меры для установления лица, совершившего преступление, уведомляя следователя о результатах. Это правило позволяет рассматривать наличие возбужденного уголовного дела в качестве основания проведения ОРМ по любым нераскрытым уголовным делам. Что же касается третьей ситуации, то с позиций формулировки ч. 4 ст. 157 УПК РФ она представляется наиболее проблемной. Все дело в том, что ст. 7 УПК РФ достаточно жестко запретила применять федеральный закон, противоречащий Кодексу, а поэтому в условиях коллизии норм Закона Об ОРД и УПК РФ следует руководствоваться положениями последнего. Из буквального смысла уголовно-процессуального закона вытекает, что после установления виновности лица и передачи уголовного дела прокурору юридическим основанием для проведения ОРМ будет выступать уже не наличие возбужденного уголовного дела, а отдельное поручение следователя³.

Вместе с тем следует полностью согласиться с А.Е. Чечетиным, полагающим, что «оперативно-розыскные мероприятия в отношении лиц, при-

---

¹ О проведении ОРМ на стадии возбуждения уголовного дела см.: Бобров В.Г. К вопросу об основаниях и условиях проведения оперативно-розыскных мероприятий // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6 / Отв. ред. В.И. Горобцов. – Красноярск, 2003. – С. 156; Пан Т.Д. Раскрытие и расследование бандитизма и преступлений, совершенных бандами (уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная деятельность). – Томск, 2001. – С. 166; Клименко И.И. Контрабанда наркотиков: проблемы расследования и взаимодействия следствия и дознания: Монография. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2006. – С. 136-161 и др.

² См.: Чечетин А.Е. Оперативно-розыскные мероприятия и права личности: Монография. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2006. – С. 11.

³ Там же. – С. 11.

влекающихся к уголовной ответственности, могут проводиться и без поручения следователя, если оперативные подразделения располагают сведениями о их причастности к другим нераскрытым преступлениям»¹. В этом случае юридическим основанием для проведения ОРМ следует рассматривать наличие иных нераскрытых уголовных дел.

Такой подход помимо законодательной основы базируется и на общих задачах, стоящих перед органами, осуществляющими раскрытие и расследование преступлений на первоначальном этапе, а также на рациональном использовании всего арсенала сил и средств, имеющихся в их распоряжении.

Незамедлительное реагирование на поводы к возбуждению уголовного дела, быстрое возбуждение по ним уголовных дел является важнейшей процессуальной гарантией раскрытия преступлений по горячим следам. Именно поэтому правы те ученые, которые считают, что в организационно-методическом аспекте «первоначальный этап расследования включает в себя предварительную проверку, возбуждение уголовного дела и тот период собственно расследования, в течение которого создается его структура. Окончание его нередко совпадает с установлением подозреваемого или привлечением лица в качестве обвиняемого»².

Проведенные нами исследования в Алтайском крае, Республике Алтай, Томской, Новосибирской и Кемеровской областях показали, что по изученным уголовным делам, возбужденным в первый день после получения повода, раскрыто по горячим следам почти 40% преступлений, на второй день – около 12%, а на третий день – лишь около 7%.

Первоначальный этап характеризуется информационной неопределенностью, поэтому весьма ответственным, с точки зрения обеспечения успешного и быстрого раскрытия преступления, является принятие решения о форме реагирования правоохранительных органов на поступившую информацию о преступлении.

Следует отметить, что в действующем УПК РФ нет такой задачи, как быстрое и полное раскрытие преступлений. Однако следует согласиться с мнением М.П. Полякова, который это словосочетание рассматривает в информационном ключе: как максимальное получение информации за единицу времени. Таким образом, оно характеризует отношение к получению

---

¹ Чечетин А.Е. Указ. раб.

² См., напр.: Кузьменко Н.К. Систематизация неотложных следственных действий при раскрытии и расследовании преступлений. – Киев, 1981. – С.16; Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск, 1985. – С. 249-250; Драпкин Л.Я. Ситуационный подход в криминалистике и проблема периодизации процесса расследования преступлений // Проблемы оптимизации первоначального этапа расследования преступлений. – Свердловск, 1988. – С. 9 и др.

информации¹. Эта позиция вписывается в концепцию нашего исследования. В данном случае основной задачей как на первоначальном, так и дальнейших этапах расследования будет являться оптимальное сочетание полноты и оперативности получения уголовно значимой информации по делу, при этом избираемые методы и приемы, исходя из конкретной криминальной ситуации, должны соотноситься с наличием имеющихся сил и средств и их рациональным использованием. Они должны базироваться на определенной системе, порядке, последовательности и, главное, нацеленном освоении накопленного в этом деле опыта, в т.ч. зарубежного².

Сложная организационная система взаимодействующих элементов правоохранительных органов вводится в действие после поступления в любое из ее звеньев информации о готовящемся или совершенном преступлении (повода к возбуждению уголовного дела). Базовым основанием для определения выбора организационно-тактических приемов для обеспечения раскрытия преступления, и в первую очередь по горячим следам, являются исходные криминалистические ситуации и криминалистические ситуации, складывающиеся в процессе дальнейшей деятельности субъектов доказывания.

Ситуационные особенности обуславливаются, во-первых, временным интервалом, прошедшим от момента совершения преступления до момента поступления в соответствующий орган сообщения о нем; во-вторых, содержанием первичной информации об обстоятельствах преступления. Примерный расчет указанного интервала времени, относительная достоверность сведений о событии преступления, информация об известных элементах его криминалистической характеристики служат исходным материалом для выдвижения и безотлагательной проверки версий о вероятном месте нахождения предполагаемого преступника (преступников). Пространственная граница таких версий, по мнению И.М. Лузгина, зависит от:

- места совершения преступления;
- места нахождения и обнаружения следов и иных источников вещественной информации;
- места нахождения потерпевшего, подозреваемого, свидетелей;
- места получения первичной информации о событии и ее реализации³.

---

¹ Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография / Под ред. проф. В.Т. Томина. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. – С. 211.

² Russell H., Beigel A. Understanding human behavior for effective police work. – New York: Basic Books, 1976; Wilson J. Criminal investigations. A behavioral approach. – Waveland Press, Inc., 1993 и др.

³ Лузгин И.М. Методика изучения, оценки и разрешения исходных следственных ситуаций // Исходные следственные ситуации и криминалистические методы их разрешения. – М., 1991. – С. 18.

Следует отметить, что на первоначальном этапе расследования версии предопределяются выбором приемов по их проверке. Их отличительная черта – форсированный характер осуществления.

В начальный момент раскрытия преступления решающую роль играют системный подход к оценке криминалистической ситуации, обоснованность принятия решения о порядке немедленного реагирования на сообщение о преступлении, обеспечение выезда на место происшествия следственно-оперативной группы. При незначительном объеме исходных данных, вызывающих неопределенность и затруднения в выдвижении и проверке версий, главной задачей является получение на первоначальном этапе исчерпывающей информации, содержащейся в том или ином источнике¹. Преодолению информационной неопределенности на рассматриваемом этапе способствует предварительное программирование комплекса действий соответствующих участников².

По значению содержащейся криминалистической информации можно выделить центральный и вспомогательные источники³.

Центральный источник криминалистической информации должен содержать, на наш взгляд, следующие признаки:

- возникновение в процессе совершения преступления;
- обязательность исследования данного источника;
- содержание в этом источнике криминалистической информации о доказываемом или доказательственных фактах⁴;
- наличие закономерных связей этого источника с другими элементами криминалистической характеристики преступления.

В ходе расследования преступлений и оформления следственных действий центральный источник криминалистической информации будет разным. Так, например, в одних криминалистических ситуациях это будет субъект преступления; в других – способ преступления; в третьих – потер-

---

¹ Интересные предложения по этому поводу высказал Ч.Д. Кенжетаяев. См.: Кенжетаяев Ч.Д. Особенности расследования посредничества во взяточничестве на первоначальном этапе: Учеб. пособ. – Караганда: КЮИ МВД РК, 2007. – С. 30-71.

² Колдин В.Я., Полевой Н.С. Информационные процессы и структуры в криминалистике. – М., 1985. – С.8; Рыжаков А.П. Уголовный процесс: возбуждение и отказ в возбуждении уголовного дела. – Тула, 1996. – С. 61-63; Яшин В.Н., Победкин А.В. Возбуждение уголовного дела. Теория, практика, перспективы: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. – С. 91-99 и др.

³ См.: Ким Д.В. Преодоление информационной неопределенности как основная задача первоначального этапа расследования преступлений // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: Сб. мат-ов междунар. науч.-практ. конф. (5-6 февраля 2004 г.) / Отв. ред. В.И. Горобцов. – Ч. 2. – Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 2004. – С. 307-310; Гавло В.К., Клочко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: Монография / Под ред. проф. В.К. Гавло. – Барнаул: АлтГУ, 2006. – С. 162-163.

⁴ Ким К.В. Комплексное применение криминалистических методов расследования. – Караганда, 1995. – С. 20.

певший и т.д. Тогда закономерные связи между элементами системы криминалистической ситуации устанавливаются своими специфическими методами и идут по схеме: от способа преступления к субъекту преступления; от потерпевшего к субъекту преступления; от мотива преступления к субъекту преступления и т.д.

Что же касается вспомогательных источников, то они не всегда связаны между собой. Так, например, потерпевшие до преступления могут и не знать друг друга. Через способ совершения преступления не всегда можно выявить субъект преступления.

Правильное определение и оценка центрального и вспомогательных источников является залогом того, что задачи расследования будут решены оптимально. Определяющим фактором при выборе очередности, совместности и параллельности решения отдельных (как стратегических, так и тактических) задач будет криминалистическая ситуация, складывающаяся к первоначальному этапу расследования. С учетом проведенных исследований по корыстно-насильственным преступлениям можно выделить основные стратегические задачи, представляющие наибольшую сложность в достижении и имеющие решающее значение для оптимального расследования. Ими являются установление общего характера события преступления и подозреваемого (обвиняемого). Установление таких задач, как способ совершения преступления, обстановка преступления, орудие преступления и мотив, часто осуществляется на протяжении как первоначального, так и дальнейшего этапов расследования. Так, почти в 90% изученных уголовных дел одновременно с установлением субъекта преступления решались задачи по установлению способа и мотива преступления – в 70%, потерпевшего – в 90%, орудия преступления – в 25%, обстановки – в 35%. Сам же процесс формирования и развития криминалистической ситуации, а также постановку целей и задач на первоначальном этапе расследования можно проследить на конкретном примере.

В начале апреля в р. Барнаулка возле Центрального рынка г. Барнаула был обнаружен труп неизвестного мужчины с признаками насильственной смерти. Осмотр показал, что на трупе имеются повреждения в области головы. Левая кисть отсутствует, ноги в коленных суставах перевязаны изолянтной.

На этом этапе следователь поставил две основные тактические задачи – установление личности потерпевшего и способа совершения преступления. Вследствие чего был проведен ряд мероприятий.

Актом физико-технического исследования было установлено, что:

- отчленение левого предплечья (кожного края) на трупе произведено неоднократным воздействием орудия с острой кромкой, вероятно, рубящим;
- рана на кожном лоскутке из области правого коленного сустава и повреждения на правой штанине брюк причинены рубящим орудием;
- две раны на кожных лоскутах с головы трупа причинены твердым тупым предметом с ограниченной удлинненной поверхностью.

В ходе оперативно-розыскных мероприятий была установлена личность потерпевшего, им оказался Сидоров, предприниматель из г. Барнаула. Труп Сидорова опознал его отец. Таким образом, центральным источником информации на данном этапе расследования стал труп потерпевшего Сидорова. Дальнейшие поиски были направлены на выявление связей потерпевшего с предполагаемым преступником, а также мотивы и цели преступления. Была получена новая значимая для следствия информация. Так, при допросе Сысоевой выяснилось, что потерпевший имел дело со Стародубцевым, который задолжал ему крупную сумму денег. Кроме того, брат потерпевшего, подтвердив показания Сысоевой, назвал адрес Стародубцева.

При выяснении образа жизни и связей потерпевшего Сидорова у следствия появилась первая «ниточка» в общей схеме «потерпевший – субъект преступления». Помимо других версий проверялась и версия причастности Стародубцева к убийству Сидорова. Так, жена Стародубцева сообщила, что ее муж в настоящее время работает в коммерческом киоске на Центральном рынке и что к нему часто заходил Сидоров. Конфликтов между ними не было, а приблизительно в декабре 1995 г. муж рассказал об исчезновении Сидорова. Кроме того, она сообщила, что в январе 1996 г. она сдала дубленку мужа в химчистку, т.к. на рукавах и карманах были темные пятна. Свидетель Дубов рассказал о том, что в конце декабря 1995 г. он был свидетелем ссоры между Сидоровым и Стародубцевым в киоске у последнего. Чтобы он им не мешал, попросили Дубова выйти на улицу. Подождав около 15 мин., Дубов уехал домой. С тех пор Сидорова он больше не видел.

Эта и другая информация давала основания подозревать Стародубцева в убийстве Сидорова, что и послужило поводом его вызова и допроса по возвращении из «командировки». Неожиданно для следствия исходная криминалистическая ситуация, возникшая на момент возбуждения уголовного дела, изменилась в благоприятную сторону. Было установлено, что 26 декабря 1995 г. в киоск к Стародубцеву пришли Сидоров, Дубов и неизвестный мужчина по имени Александр, который подрабатывал грузчиком на рынке. В процессе распития спиртного между Стародубцевым и Сидоровым произошла ссора, в ходе которой Сидоров ударил железным ящиком, стоявшим в киоске, по голове Стародубцева, а тот в свою очередь выхватил ящик и ударил Сидорова в область шеи. После чего посадил его на стул, но тот не шевелился. Свидетелем всего этого, со слов Стародубцева, был Александр, который сказал, что Сидоров мертв, взял топор и ударил им по телу Сидорова, сняв предварительно шапку и пальто. Стародубцев в это время вышел из киоска, а когда зашел, то увидел, что Александр связывает ноги Сидорова изолентой. После чего они выкинули труп в р. Барнаулку. Расставаясь, Александр пригрозил Стародубцеву, что, если кто-нибудь узнает о случившемся, ему не жить.

Дальнейшее решение задачи по установлению подозреваемого и его причастности к совершению преступления проходило на основе исследования связей между теми элементами криминалистической характеристики

преступления, которые были известны на это время и той криминалистически значимой информации, которую составили: свидетель, место происшествия, проведенные оперативно-розыскные мероприятия и т.д. Заключение в них информация в совокупности позволяла установить причастность подозреваемого к совершению расследуемого преступления, что и послужило поводом к задержанию Стародубцева и его допросу в качестве подозреваемого, в ходе которого он подтвердил ранее данные им показания.

Таким образом, имеющиеся доказательства позволяли поставить центральную тактическую задачу – получение правдивых показаний от Стародубцева. Одновременно решались и другие тактические задачи, тесно связанные с центральной – выяснение мотива, цели преступления, способа его совершения и сокрытия, обстановки преступления, механизма преступления и др. В процессе расследования проводились не только процессуальные действия, но и оперативно-розыскные мероприятия, направленные на установление личности «Александра», которые к успеху не привели. В ходе следственного эксперимента и обыска в киоске у Стародубцева были обнаружены и изъяты топор, одеяло, шланг, нож. Все эти предметы давали положительную реакцию с «гемофаном». Это свидетельствовало о том, что на них может быть кровь. Кроме того, в процессе решения тактической задачи на обнаружение следов преступления была проведена выемка дубленки у Стародубцева. Проведенные после этого биологические экспертизы дали положительные результаты. Из их заключений следовало, что на всех изъятых вещах имеется кровь, групповая принадлежность которой не исключает происхождения от потерпевшего Сидорова.

Заключением физико-технической экспертизы установлено: «отчленение предплечья (кожного края), рана в области коленного сустава справа причинены рубящим орудием, возможно, представленным плотницким топором, а раны на кожных лоскутах головы... причинены воздействием твердого тупого предмета... Таким предметом мог быть обух топора».

Все собранные данные в своей совокупности давали достаточное основание для того, чтобы предъявить обвинение Стародубцеву в убийстве Сидорова, это и было сделано 19 апреля 1996 г. Стародубцеву было предъявлено обвинение в умышленном убийстве при отягчающих обстоятельствах, совершенном из корыстных побуждений, с особой жестокостью, по предварительному сговору группой лиц¹.

Таким образом, в приведенном примере хорошо прослеживается динамика криминалистических ситуаций на первоначальном этапе расследования, заключающаяся в том, что, проанализировав и оценив исходную информацию, следователь, выдвигая версии, ставит с учетом своего опыта, знаний, навыков и т.д. различные задачи. Но так или иначе все свои действия следователь проводит с учетом известных элементов криминалистической характеристики преступлений, выделяя из них главный, центральный

---

¹ Архив Центрального районного суда г. Барнаула. Д. № 1-1033/96.

элемент (источник), который связан с другими элементами закономерными связями.

Действия, направленные на исследование центрального источника, – это действия, направленные на решение центральной тактической задачи. Ими могут быть оперативно-розыскные, розыскные, следственные и иные действия. В последнюю очередь проводятся действия по конкретизации собранной уголовно значимой информации.

Проведенным исследованием установлено, что динамическим фактором развития криминалистической ситуации, определяющим ее направленность и интенсивность, может выступать тот смысл, который имеет уголовно значимая информация для субъекта доказывания в каждый момент времени на определенном этапе расследования. С учетом этого можно выделить два вида смысловых (лично значимых) образований в структуре криминалистической ситуации.

Первые – это те элементы криминалистической ситуации, которые оцениваются субъектом доказывания с точки зрения достижения тактической цели (например, обнаружение следов преступления, установление лица, подозреваемого в совершении преступления и т.д.).

Вторые – те элементы криминалистической ситуации, которые обуславливают дальнейшее целоеобразование, т.е. инициируют формулирование новых тактических целей, выступающих как промежуточные цели деятельности субъектов доказывания¹.

Следует также учитывать и то, что специфика доказывания в уголовном судопроизводстве требует, чтобы решение как тактических, так и стратегических задач на том или ином этапе расследования проходило параллельно². Параллельно должны проводиться и те действия, когда получение их результатов не зависит друг от друга. Например, проведение одновременно опросов и осмотра места происшествия, обысков, допросов и т.д.

Эффективным способом доказывания на стадии возбуждения уголовного дела остается осмотр места происшествия. Из буквального смысла ч. 2 ст. 176 УПК РФ вытекает, что его производство на первоначальном этапе разрешено не только потому, что без него невозможно принять обоснованное решение, а в связи с тем, что его производство не терпит отлагательств. И хотя этому следственному действию в литературе уделено достаточное

---

¹ Ким Д.В. Следственная ситуация как информационно-познавательная система в деятельности по расследованию преступлений (по материалам корыстно-насильственных преступлений): Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Томск, 1999. – С. 21.

² См., напр.: Особенности принятия тактических решений при расследовании преступлений, совершаемых организованными преступными группами: Учеб. пособие / Авт. кол. Т.С. Волчецкая, Е.А. Ермакова, Л.Ю. Исмаилова и др.), под ред. С.И. Цветкова: МВД России, Московский ин-т МВД России. – М., 1996; Статкус В.Ф. Следователь по особо важным делам: Монография. – М.: «Интеркрим Пресс», 2007 и др.

внимание, исследования показывают, что по значительной части осмотров мест происшествий информация, имеющая важное поисковое значение, не обнаруживается. По данным А.С. Шаталова, в 108 случаях осмотров мест происшествия по преступлениям, совершенным в условиях массовых беспорядков, было обнаружено и изъято лишь 84 следа (в среднем 0,8 следа на осмотр), из них только 37,1% приобрели впоследствии доказательственное значение¹.

Так как содержание информации, полученной в ходе осмотра, определяет направленность последующих следственных и иных процессуальных и непроцессуальных действий, «следователь объективно заинтересован в существовании определенной системы правил и рекомендаций, которая с помощью криминалистических методов, приемов, средств поможет определить процесс переработки исходных данных о преступлении в искомые результаты расследования»².

В связи с чем особый интерес представляет информация, полученная, в первую очередь, в ходе осмотра места происшествия, о форме преступного поведения и образе действий преступника. На основе ее можно сделать предположения о его росте, телосложении, физической силе, профессиональных навыках, дефектах психики и иных признаках³. В современной зарубежной науке система сведений о психологических и иных признаках разыскиваемого преступника, существенных с точки зрения его выявления и идентификации, получила название «психологического профиля», а в России – «психологического портрета» преступника. Поскольку в эту систему включаются признаки не только психологической природы, но и правовые, социально-демографические и иные признаки, В.А. Образцов предлагает определять рассматриваемый объект как криминалистический «портрет» или криминалистическую характеристику преступника⁴.

Указанные характеристики используются в целях выявления преступников, которые после совершения преступления скрылись с места происшествия. Делается это путем установления лиц, схожих по своим признакам с

---

¹ Шаталов А.С. Технично-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в условиях массовых беспорядков: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1993. – С. 33-56.

² Шаталов А.С. Криминалистические алгоритмы и программы. Теория. Проблемы. Прикладные аспекты (научное издание) – М.: Лига Разум, 2000. – С. 178.

³ См.: Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого и подсудимого: (Понятие, предмет и методика изучения). – Томск: ТГУ, 1978; Шиканов В.И. Криминалистическая виктимология и практика расследования убийств. – Иркутск, 1979; Лузгин И.М. Моделирование при расследовании преступлений. – М., 1981; Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Томск, 2006. – С. 34-36 и др.

⁴ Образцов В.А. Криминалистика: Курс лекций. – М., 1996. – С. 184; Образцов В.А., Богомолова С.Н. Криминалистическая психология: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТА-ДАНА, Закон и право, 2002. – С. 81.

признаками человека, зафиксированными в модели, и их «просеивания» – проверки на предмет причастности к раскрываемому преступлению.

Психологический портрет отражает внутренние, психологические, а также поведенческие признаки человека. Его основная функция – быть средством поиска, выявления преступника, который не установлен. Психологический портрет формируется не на основе достоверных знаний об отражаемых в нем признаках, а на основе знаний вероятностного характера.

Поэтому в основу разработки методики построения психологического портрета преступника положены частные психологические принципы анализа происшествия:

1. Элементы криминалистической характеристики рассматриваются как результаты поведения, реализованного лицом в условиях свободного выбора, детерминированного системой как осознаваемых, так и неосознаваемых побуждений и направленного на достижение субъективно желаемой цели.

2. Элементы криминалистической характеристики преступления рассматриваются как единая система, системообразующим принципом которой выступает личность преступника в ее субъективном отношении к другим составляющим криминалистическую характеристику элементам¹.

Теоретическая основа метода строится на основе положения о личностной детерминированности поведения человека, т.е. утверждается, что «личность» преступника проявляется в его поведении. При этом часто повторяющиеся, привычные способы поведения доводятся до уровня автоматизма, неподвластного сознательному контролю человека². Следы, оставленные на месте преступления, позволяют судить о привычных способах поведения, а через них и о «личности» преступника³.

Психологический портрет (профиль) применяется при расследовании преступлений, в которых преступники в той или иной степени стараются индивидуализировать себя. В своих действиях они стараются выразить собственные фантазии, при этом «фантазия становится поводом»⁴.

---

¹ Прикладная юридическая психология [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Режим доступа: http://yurpsy.bu.ru/help/bib/stol/8_8.htm (2003, 10 окт.).

² Burgess, A. & Douglas, J. & Hartman, C., & McCormack, A. & Ressler, R., Sexual Homicide: A Motivational Model // *Journal of Interpersonal Violence*. – Vol. 1. – № 3. – Sept. 1986. – P. 251-272.

³ Hazelwood, R. & Reboussin, R. & Warren, J. Serial Rape: Correlates of Increased Aggression and the Relationship of Offender Pleasure to Victim Resistance // *Journal of Interpersonal Violence*. – Vol. 4. – № 1. – March 1989. – P. 65-78; Hazelwood, R. & Warren, J. The Criminal Behavior of the Serial Rapist // *FBI Law Enforcement Bulletin*. – February 1990. – P. 11-16; Hazelwood, R. & Reboussin, R. & Warren, J. & Wright, J. Prediction of Rapist Type and Violence from Verbal, Physical, and sexual scales // *Journal of Interpersonal Violence*. – Vol. 6. – № 1. – March 1991. – P. 55-67.

⁴ Douglas J., Munn C. Violent Crime Scene Analysis: Modus Operandi, Signature and Staging // *FBI Law Enforcement Bulletin*. – 1992. – № 2. – P. 4.

Как показывают проведенные исследования и анализ научной литературы, поведение лица, совершившего серию однородных преступлений, подчинено не цели их совершения (например, удовлетворению сексуальных потребностей), а алгоритму – то, как оно должно быть совершено, какие эмоции при этом должен пережить преступник¹. Процедура преступления не может быть изменена. Отсутствие обязательного элемента сценария преступления порождает бессмысленность всего процесса преступления. Преступник либо прерывает намерения, либо, несмотря на совершенное преступление, вновь ищет жертву. Это правило характерно для большинства серийных преступлений.

При составлении психологического портрета учитывается очень важная, на наш взгляд, «деталь» – специфический набор так называемых жизненных ценностей². Именно через них, как это было показано выше, проявляется индивидуальность каждого человека. Благодаря ценностям многомерный мир человека превращается в его жизненный мир, как пространство для реализации актуальных потребностей и возможностей человека³.

При этом имеют место два подхода к установлению связи между признаками преступления и преступника.

Статистический подход основывается на существующей статистике сопряжений признаков преступника с признаками криминалистической характеристики преступления (их совокупности), выявленной по аналогичной категории раскрытых дел. Он активно используется в практике следственно-розыскной деятельности полиции США, Англии, Голландии и некоторых других стран. Недостаток данного подхода – отсутствие содержательных суждений по поводу выводимых признаков преступника. В то же время по конкретному делу наименее статистически определенный признак может оказаться наиболее достоверным и информативным.

Аналитико-психологический подход нацелен на вскрытие субъективно-личностного содержания действий преступника, исходя из чего выдвигается аргументированная версия о его признаках. Иначе говоря, связь при-

---

¹ См.: Серийные сексуальные убийства: Учеб. пособие / Под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: МЮИ МВД России, Изд-во «Щит-М», 1997. – С. 121-159; Сафуанов Ф.С. Пограничные психические расстройства и психологические механизмы криминально-агрессивных действий // Преступное поведение (новые исследования): Сб. науч. тр. / ВНИИ МВД России. – М., 2002. – С. 25-32 и др.

² Burgess A., Douglas J., Hartman C., McCormack A., and Ressler R. Sexual Homicide: A Motivational Model // Journal of Interpersonal Violence. – 1986. – Vol. 1. – № 3. – P. 251-272.

³ См.: Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / Под ред. Г.В. Залевского. – Томск: ТГУ, 1999. – С. 92.

знаков лица с признаками поведения здесь опосредована их психологической, **смысловой** (выделено нами. – Д.К.) взаимосвязью¹.

Именно с учетом этих подходов в ФБР была разработана процедура составления «психологического профиля», состоящая из 5 шагов или этапов.

1. Обстоятельное изучение, анализ природы и сущности преступления и криминальных типов лиц (психолого-психиатрическая типология), совершивших подобные деяния в прошлом.

2. Исчерпывающий анализ места расследуемого преступления.

3. Углубленное изучение ближайшего окружения, занятий и увлечений жертвы (жертв, если их несколько) и подозреваемого (подозреваемых).

4. Формирование возможных мотивирующих факторов всех задействованных в расследовании лиц.

5. Описание преступника (на основе внешних поведенческих проявлений его вероятной психологической сущности)².

Технологический алгоритм разработки психологического профиля (портрета) преступника включает три основных приема.

1. Прием реконструкции криминалистического механизма преступления.

2. Прием психологического моделирования поведения преступника.

3. Прием психологической интерпретации поведения преступника³.

В процессе реконструкции криминалистического механизма преступления особое внимание уделяется осмотру места происшествия. Любая, даже, на первый взгляд, незначительная «деталь» может способствовать сужению круга подозреваемых лиц. На этом этапе выделяют первичную и вторичную сцены места преступления (до осмотра и с учетом изменений, внесенных во время осмотра). Заключение будет тем эффективнее, чем меньше изменений в месте преступления внесено с момента его совершения, т.к. изменение обстановки может дать ложную трактовку предполагаемого преступника. Основными источниками информации выступают фотографии места происшествия. При этом используется цветная пленка. Считается, что на снимках экономить нельзя. Очень важно, чтобы были представлены как близкие, так и удаленные от места происшествия объекты, причем на каждой фотографии указывается их природа – первичная или вторичная. Кроме того, важными источниками информации являются различные схемы, планы,

---

¹ Прикладная юридическая психология [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Режим доступа: http://yurpsy.bu.ru/help/bib/stol/8_8.htm (2003. 10 октября); см. также: Афиногенов А.И. Психологический портрет преступника, его разработка в процессе расследования преступления: Дис. ... канд. психол. наук. – М., 1997; Самовичев Е.Г. К методологии криминогенетического анализа // Личность преступника: методы изучения и проблемы воздействия: Сб. науч. тр. ВНИИ МВД России. – М., 1988. – С. 50-60.

² Образцов В.А., Богомолова С.Н. Указ. раб. – С.91-92.

³ Прикладная юридическая психология [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Режим доступа: http://yurpsy.bu.ru/help/bib/stol/8_8.htm (2003, 10 окт.).

карты, используемые при осмотре, а также специально разработанные анкеты, заполняемые субъектом доказывания во время проведения осмотра места происшествия, подробные результаты вскрытия трупа (если он имеется), максимально полная информация о потерпевшем (потерпевших). Сбор информации о жертве и составление ее «психологического профиля» осуществляют сотрудники, специализирующиеся в области криминалистической виктимологии. Широко используется помощь общественности. К сожалению, в отличие от американцев наши сограждане не выказывают особого желания помогать следствию и общаться с сотрудниками правоохранительных органов. Американцы же считают это своим гражданским долгом. Так, при расследовании преступлений снайпера в окрестностях Вашингтона в 2003 г. около 200 сотрудников правоохранительных органов США, отработавшая 1400 версий, получили более 7500 сообщений от населения относительно предполагаемого преступника и его местонахождения.

На основе полученной информации дальнейшей задачей является выявление при помощи психологических приемов анализа «индивидуальных действий» (черт) преступника. В основу приема психологического моделирования поведения преступника положены три параметра действия человека в зависимости от сложившейся ситуации¹.

1. Чем меньше согласуется действие человека с действиями большинства людей в той же ситуации, тем в большей степени оно обусловлено его индивидуальностью.

Так, жена и ближайшие знакомые Джона Даффи, известного маньяка-убийцы, «державшего» в течение трех лет (с 1985 по 1988 гг.) в страхе не только Лондон, но и всю Англию, утверждали, что в отличие от большинства «нормальных» людей сцены насилия и убийств доставляли ему наслаждение. Он мог часами смотреть на эти кровавые сцены. Кроме того, Д. Даффи читал книги, в которых воспевались «подвиги» нацистов, насилие и жестокость. Его «настойной» книгой был «Справочник анархиста» – своеобразное пособие для террориста с описанием различных способов убийств. Все полученные знания он реализовывал в убийствах и издевательствах, в том числе над своей женой, что и явилось поводом для включения его в компьютерную систему по поиску маньяка-убийцы и в список подозреваемых. Впоследствии его вина в двух изнасилованиях и двух убийствах была полностью доказана, а 26 февраля 1988 г. оглашен приговор – сорок лет тюремного заключения. Профессор Дэвид Кантор, создавший психологический портрет преступника, и детектив Джон Херст, расследовавший эти громкие преступления, поясняли, что если бы не «странности» Д. Даффи, то полиции сложно было выйти на его след и еще не известно, попал бы он вообще в компьютерную систему.

---

¹ Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. – М., 1986. – С. 16.

2. Чем однотипнее действует человек в различных ситуациях, тем сильнее его поведение обусловлено индивидуальными особенностями.

При расследовании серии убийств, сопряженных с изнасилованиями женщин в пригороде Свердловска (Екатеринбурга) в 1982-1988 гг., прослеживался ряд общих признаков, которые послужили основанием для выдвижения версии о совершении их одним лицом:

1) все убийства совершены одним и тем же способом – удушением путем сдавливания дыхательных органов потерпевшей руками и мягкой петлей;

2) все преступления совершены на ограниченном участке местности в дневное время и сопряжены с изнасилованием потерпевших;

3) во всех случаях имелись следы, указывавшие на то, что преступник перемещал трупы потерпевших к местам их сокрытия путем волочения, удерживая их за руки и плечи;

4) тела потерпевших оставались в кустах и прикрывались снятой одеждой или ветками деревьев;

5) на момент обнаружения трупы Д., К., Л., Т. и Я. были обнажены частично или полностью;

6) убийства Д., К., Л., Т. сопровождалось надругательством над трупами, выразившемся во введении в половые органы потерпевших на значительную глубину посторонних предметов (палок и веток). У К. и Т. одинаковым способом были отчленены соски молочных желез;

7) преступник принимал меры к сокрытию одежды и предметов, находившихся у потерпевших, похищались ценные вещи и украшения¹.

Впоследствии был задержан печатник типографии «Уральский рабочий» Н.Б. Фефилов, который признался в совершении этих зверских преступлений. Места, где были обнаружены трупы, он называл «своими», хорошо ориентировался на местности, демонстрировал хорошую память, точно называл время и место содеянного.

В серии убийств, совершенных снайпером в американском городе Манассас (штат Мэриленд) в 2003 г., хотя и имелись существенные различия в ситуационных параметрах: пол жертв, их возраст и социальное положение (среди них были – таксист, домохозяйка, служащий магазина, пенсионер, школьник и т.д.). В то же время выделялся и общий признак – преступник стрелял из снайперской винтовки калибра 0,223, которую используют в основном армейские снайперы. В частности, такое оружие широко использовалось американскими снайперами во время войн во Вьетнаме и Персидском заливе. Эти обстоятельства послужили основанием для выдвижения версии о том, что убийца, скорее всего, бывший снайпер, участвовавший в одной из войн, человек с богатым и очень специфичным армейским опытом. Он очень хорошо знает и любит оружие, передвигается на небольшом бе-

---

¹ Подробнее см.: Китаев Н.Н. Неправосудные приговоры к смертной казни: системный анализ допущенных ошибок. – Иркутск: ИГЭА, 2000. – С. 36.

лом грузовике или микроавтобусе. Вполне вероятно, что у него есть сообщник¹.

Когда же его задержали, то выяснилось, что он действительно был армейским снайпером, участвовал в операции «Буря в пустыне», передвигался на белом автомобиле и у него был сообщник.

Анализ этих и других дел показывает, что такие стабильно проявляющиеся действия (как по выбору места совершения преступления, так и по способу совершения преступления и сокрытия следов содеянного) необходимо рассматривать как «индивидуальное действие» и учитывать при расследовании преступлений.

3. Чем заметнее человек при похожих ситуациях меняет свое поведение, тем в большей степени оно детерминировано «личностными» факторами (при условии, что на ситуацию не влияют дополнительные внешние обстоятельства)².

Например, ростовский маньяк Чикатило на допросе по одному из эпизодов показал, что во время совершения преступления он завязал потерпевшей глаза шарфом, т.к. ему было страшно видеть ее взгляд. В то же время анализ преступлений Чикатило свидетельствовал, что у ряда потерпевших он после совершения сексуальных посягательств и убийств вырезал глазные яблоки³.

Уже упоминавшийся выше «убийца с лазерным взглядом» Джон Даффи в октябре 1986 г., выбрав в жертву четырнадцатилетнюю школьницу, был поражен ее молодостью и красотой, после того как во время преступления повязка спала с ее глаз. Поколебавшись, он ее отпустил, хотя раньше этого никогда не делал.

Очевидно, что в приведенных случаях нарушена закономерность в поведении. Следовательно, эти «нарушения» нужно рассматривать как индивидуальные.

Что же касается приема психологической интерпретации поведения преступника (индивидуальных действий), то основной его задачей является объяснение, психологическое оправдание поведения преступника с учетом тех или иных складывающихся криминалистических ситуаций.

В рамках этого приема выявляются и объясняются «сильные» и «слабые» стороны преступника. Оцениваются действия преступника в контексте его личностных параметров, таких, как:

- направленность (потребности, мотивы, установки, жизненные планы, концепции, ценностные ориентации, склонности, вкусы, хобби);

---

¹ Вашингтонский маньяк застрелил седьмого человека [Электронный ресурс] – Электрон. данные. – Режим доступа: www.nc.ru (2003. 10 октября).

² См.: Прикладная юридическая психология [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Режим доступа: http://yurpsy.bu.ru/help/bib/stol/8_8.htm (2003, 10 окт.).

³ Подробнее см.: Китаев Н.Н. Неправосудные приговоры к смертной казни: системный анализ допущенных ошибок. – Иркутск: ИГЭА, 2000. – С. 45-52.

- социально-психологические особенности поведения (в т.ч. демографические, культурные, социальный и межличностный статус, роли, стиль жизни и общения);
- характерологические качества (характер, акцентуированные свойства личности);
- психические свойства и процессы (особенности интеллектуальной, эмоционально-волевой сфер, восприятия, внимания, речи);
- операциональные характеристики (привычки, умения, навыки, знания);
- биопсихические свойства (темперамент, половые, возрастные, морфологические, патологические свойства, состояние здоровья);
- особенности сексуальной сферы (сексуальная ориентация, биологические и социальные детерминанты личностной проблемы)¹.

Особое внимание здесь уделяется так называемому «операциональному смыслу», которое ввел О.К. Тихомиров, а впоследствии отдельные аспекты этого понятия изучались его учениками².

Феномен «операционального смысла» как механизма избирательности проявляет себя на подсознательном уровне реализации, зачастую выделяясь непривычным или редким для ситуации способом действия, употребления предмета, отличным от оптимального варианта линией поведения. Перестройка деятельности человека, начинаясь на бессознательном уровне, может и не выйти на уровень осознания и произвольной регуляции. Проведенное исследование показало, что правомерно говорить не только о смыслообразующих мотивах, но и мотивообразующих смыслах, зарождающихся в ценностно-смысловой структуре криминалистической ситуации, на основе которых формируются мотивы, трансформирующие всю деятельность человека. Поэтому изучение ценностно-смысловой характеристики криминалистической ситуации позволяет на более высоком качественном уровне связать в одну систему выявленные навыки, умения, привычки преступника с его признаками и свойствами, т.е. объяснить особенности его поведения.

---

¹ См. подробнее: Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого и подсудимого: (Понятие, предмет и методика изучения). – Томск: ТГУ, 1978. – С. 37-39; Елисеев С.А. Личность корыстного преступника, ее криминологическое и уголовно-правовое значение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1980. – С.8; Серийные убийства и социальная агрессия: Мат-лы междунар. конф. – Ростов н/Д. – М., 1994; Гавло В.К., Корчагин А.А. Расследование фактов безвестного исчезновения женщин при подозрении на их убийство: монография. – Барнаул: АлтГУ, 2006. – С. 58-70 и др.

² Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности человека. – М., 1969. – С. 132; Ключко В.Е. Инициация мыслительной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1991; Телегина Э.Д. Психологическая регуляция и саморегуляция творческой мыслительной деятельности человека: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1993; Красноядцева О.М. Возникновение и регуляция мышления в реальной жизнедеятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1998 и др.

Совершив убийство пятнадцатилетней школьницы Марты Тамбезер, Д. Даффи, чтобы уничтожить следы спермы, сжег нижнюю часть ее тела. Но, сам того не желая, все же оставил очень важную для следствия информацию – он сломал девушке шейный позвонок ударом, каким владеют только люди, занимающиеся боевыми искусствами. В результате была выдвинута версия о предполагаемом преступнике и роде его занятий, которая существенно сузила круг подозреваемых, а впоследствии привела к установлению и задержанию маньяка.

Рассмотренные приемы построения психологического портрета преступника доказывают, что установление субъективного содержания его действий, а также выявление лежащих за ними побуждений позволяют выдвигать более аргументированные версии относительно лица, совершившего преступление. Это, в свою очередь, способствует оптимизации расследования преступлений.

Однако указанный метод используется далеко не в каждом случае раскрытия преступлений.

Нужно помнить, что это всего лишь одно из средств в достижении цели доказывания, которое не может претендовать на бесспорную научную целостность и самостоятельность.

Поэтому совершенно правы В.А. Образцов и С.Н. Богомолова, которые считают, что полем применения метода психологического портрета «являются лишь некоторые группы дел и, прежде всего, те, что связаны с раскрытием тяжких преступлений против личности. Метод психологического портрета реализуется в тех случаях, когда место происшествия и состояние жертвы позволяют говорить о наличии у неизвестного преступника каких-либо отклонений в поведении, психике, эмоциональном состоянии.

В то же время в случаях, когда убийство совершено с целью ограбления, а жертва – лишь средство достижения цели, применение психологического портрета считается нецелесообразным. Другая область преступлений, не пригодных для составления психологического портрета – преступления, связанные с применением наркотиков, поскольку трудно отграничить устойчивые личностные черты от состояния нарушенного сознания в момент совершения преступлений, обусловленных наркотическим отравлением»¹.

Однако указанные ограничения не умаляют значимости данного метода как средства, позволяющего разрешать наиболее проблемные ситуации, в которых другие методы оказываются бесполезными. Это прежде всего касается проблем раскрытия серийных убийств, совершаемых в разных местах и в разное время лицами с психосексуальными аномалиями. Поэтому если раньше эти проблемы относились к компетенции криминалистики и судебной медицины, то в последнее время наметилось интенсивное «подключение» в эту область психологов и психиатров, без знаний которых практически невозможно решить указанные задачи.

---

¹ Образцов В.А., Богомолова С.Н. Указ. раб. – С. 91.

Еще одной проблемой, касающейся практики применения психологического портрета, является недостаток начальной информации, которая получила название «слепота на связи» (linkage blindness). Полагаем, что она может быть преодолена путем увеличения базы данных и разработкой АИПС. Такие системы уже созданы и внедрены в практику как за рубежом, так и у нас в России.

В США основными программами являются VICAP и SATCH. VICAP является единой национальной базой данных, которая объединяет всю информацию в отношении серийных преступников. Что же касается системы SATCH, то ее ядром является программное обеспечение, которое предназначено для имитации «мозговых процессов», проходящих в голове убийцы. Полиция заносит в банк данных информацию об убийствах, включая подробное описание увечий, нанесенных жертвам, орудие или предмет, которым пользовался преступник, время и место совершения преступления и т.д. (всего 200 параметров). А программа пытается проанализировать эту информацию и сравнить ее с теми моделями, которые разработали полицейские психологи и заложили в качестве шаблонов. Таким образом, система выдает приблизительный психологический портрет преступника.

В России такие разработки ведутся на базе ВНИИ МВД России. Создана и внедрена в практику АИПС «Монстр», предназначенная для анализа информации о серийных убийствах и использования при построении поисковых портретов неизвестных преступников. Введены в эксплуатацию автоматизированные системы «Насилие» и «Досье», предназначенные для сбора и первичного анализа поисковой информации. АИПС «Сериал-2» позволяет создать психологический портрет серийного насильника. Апробация показала, что расследование с применением данной методики сокращается в среднем с четырех до полутора лет. АИПС «Диалог» осуществляет сбор, обработку, интерпретацию и выдачу рекомендаций по расследованию серийных преступлений (совпадаемость заключений при этом составляет 68%). Разработка таких программ представляется нам наиболее перспективной.

Наряду с сотрудниками ВНИИ МВД России исследованием проблем раскрытия преступлений, содержащих признаки серийности, и анализа преступного поведения занимаются сотрудники Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, отдел судебно-психиатрических экспертиз Федерального центра им. В.П. Сербского (руководитель В. Шостакович) и лечебно-реабилитационный центр «Феникс» г. Ростов-на-Дону (руководитель А. Бухановский).

Исследования серийных убийств ведутся по следующим направлениям:

- разработка психологической и психиатрической типологии сексуальных серийных убийств;
- определение методов выявления основных признаков личности и поведения этих преступников;

- выявление статистической значимости характерных признаков личности и поведения указанных правонарушителей;
- создание модели сексуального убийцы и формирование психологического портрета по конкретным делам в целях розыска¹.

Исследования, проводимые в Ростовском государственном медицинском университете (А.О. Бухановский), позволили выделить и описать феномен серийного преступника как некий вариант «криминальной личности», поэтапное патологическое развитие которой приводит к возникновению, закреплению и трансформации потребности в совершении повторных преступлений против жизни граждан.

Как считает профессор А.О. Бухановский, у конкретного человека, в силу определенных биологических, психосексуальных и психологических особенностей, может существовать предрасположенность к совершению преступлений. При этом выделяется несколько важных факторов. Первый и самый главный – мозговой. Оказывается, структура головного мозга может иметь своеобразное состояние, выступающее в качестве одной из предпосылок возникновения и развития данного криминально-психиатрического феномена. Были выявлены два специфических изменения мозга. В первом случае поражены лобные и височные образования, ответственные за высшие формы психической деятельности: мировоззрение, мораль, этику. Второе изменение, выявленное путем магнитно-резонансной томографии, произошло на уровне глубоких структур – в желудочках мозга. Они резко увеличены, а это означает, что количество мозгового вещества вокруг них уменьшилось. В одном из желудочков локализованы зоны, ответственные за инстинктивные желания. Кроме того, поражены участки, ответственные за прогностические функции и сознательную деятельность. Ученые доказали, что подобные специфические изменения возникают, как правило, еще до рождения человека, в результате чего ребенок рождается с характерными изменениями черепа: увеличенной лобной долей и лобной костью, формирующей надбровные дуги. Во время томографических исследований серийных преступников была отмечена еще одна врожденная аномалия – опухоль (киста) в зоне желудочков. Она может быть как небольшого размера, так и очень большой. В мозгу человека четыре желудочка, а при наличии кисты возникает как бы пятый желудочек внутри мозга. Желудочки при этом суживаются, и мозг функционирует не совсем правильно. Эти выводы основаны на изучении 57 человек, проходивших в разное время обследование в клинике².

Второй существенный фактор – тяжелая беременность, протекающая в условиях либо плохой экологической ситуации, либо тяжелых хронических

---

¹ Подробнее см.: Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. – М.: Юристъ, 1997. – С. 263.

² См. подробнее: Санин Г., Мельникова С. Прирожденные убийцы [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Режим доступа: [www.Itogi/Архив/№ 21 \(2003, 10 окт.\)](http://www.Itogi/Архив/№ 21 (2003, 10 окт.)).

стрессов. Почти все, кто становился серийным преступником, получили травму мозга во время родов. Это выяснилось во время бесед с матерями и родственниками практически всех опасных серийных преступников. У многих из них на этот фактор накладывается еще и слабая или среднеслабая половая конституция¹, которая в сочетании с другими факторами может привести к серьезным последствиям. У таких людей не возникает свойственных человеку чувств любви и привязанности. Это заменяется, как правило, тем, что они живут в мире грез, фантазий, представляют себя романтическими героями, повелителями мира и вершителями судеб. Подсознательное представление впоследствии воплощается в реальность, являясь одним из побудительных мотивов к совершению садистских действий.

И третья составляющая – специфическое воспитание. Это эмоциональное отвержение ребенка с раннего возраста, в результате чего у него не формируются чувства привязанности, любви, сопереживания, симпатии. Структурно-динамический анализ выявил ряд схожих закономерностей. У таких людей с младенческого возраста отмечались признаки гипервозбудимости, которые позже трансформировались в гиперкинетические расстройства. Большинство из них воспитывались в структурно или функционально неполных семьях. Доминирующая роль в их воспитании, как правило, принадлежала матери. Отец был подчиненно-угнетенным и приниженным, фактически отстраненным от воспитания ребенка. Воспитание носило характер патологического и отличалось противоречивостью: с одной стороны, гиперпротекция, назидательность, жестокость, с другой – явное или скрытое эмоциональное отвержение. Часто оно дополнялось жестокостью в обращении с ребенком. Характерными чертами являлись нарушение коммуникации со сверстниками, трудности в установлении неформального общения, избегание свойственных мальчикам агрессивных проявлений. Эти черты подмечались сверстниками и служили основанием для жестокого отношения: зачастую таким детям давались унижающие клички, они регулярно подвергались насилию даже в тех случаях, когда были явно сильнее своих противников, что вызывало у них ответную ожесточенность. Нарастающие признаки детской дезадаптации компенсировались фантазиями, в которых они представляли себя суперменами, физически сильными и способными к самозащите. Крайней формой патологической компенсации становилось садистское поведение. Самые известные серийные преступники последнего времени, с которыми работал А.О. Бухановский (Чикатило, Сливко, Цюман), имели в детском возрасте все перечисленные проблемы².

---

¹ Очень схожие данные получены и во ВНИИ МВД России. Установлено, что для серийных убийц в 80% характерна ослабленная эрекция или импотенция. См. Серийные сексуальные убийства: Учеб. пособие / Под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: МЮИ МВД России: Щит-М, 1997. – С. 121-140.

² Санин Г., Мельникова С. Прирожденные убийцы [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Режим доступа: [www.Itogi/Архив/№21\(2003,10окт.\)](http://www.Itogi/Архив/№21(2003,10окт.)).

Исследования, проведенные группой ученых под руководством Ю.М. Антоняна, во многом подтверждают выводы А.О. Бухановского. В связи с чем интерес представляет классификация серийных сексуальных убийц.

В зависимости от образа действия и способа причинения телесных повреждений серийных сексуальных убийц подразделяют на две большие группы (типа): «душителей» и «потрошителей». В свою очередь, «душителей» делят на три основные группы: которые «только» душили, не нанося телесных повреждений; которые наносили повреждения в половой сфере; которые помимо удушения наносили повреждения не в половой сфере. Для каждой группы характерны свои специфические признаки¹.

А.А. Протасевич, предложив свою типовую модель портрета преступника, выделяет три блока признаков:

- признаки, характеризующие преступника как объект реального мира и как личность (социально-демографические, функциональные, психические и др.);

- признак типа связей и отношений (отношений преступника к потерпевшему, похищенному, к местности, на которой расположено место происшествия и т.д.);

- признаки преступника как субъекта криминальной активности и объекта, участвующего в процессе следообразования (действия до, в ходе и после совершения преступления, следы на одежде преступника и на взаимодействовавших с ним объектах и т.д.)².

В последнее время активно ведутся исследования по разработке психологических портретов не только серийных убийц, но и других категорий преступников (в сфере информационных технологий, корыстно-насильственных преступлений и т.д.)³. При этом отмечаются закономерные связи между элементами криминалистической характеристики преступлений.

---

¹ Серийные сексуальные убийства: Учеб. пособие / Под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: МЮИ МВД России: Щит-М, 1997. – С. 125-129.

² Протасевич А.А. Поисковый портрет преступника как интегративная система. – Иркутск, 1998.

³ Ахтырская Н. Проблемы ювенальной психологии лиц, совершивших преступления в сфере информационных технологий [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Режим доступа: Crime-research.org (8 ноября 2003 г.); Падар Е.Е. О перспективах прогноза «психологического профиля» преступника на основании анализа способа действия при совершении преступлений // Современное российское право: федеральное и региональное измерение: Мат-лы конф. / Под ред. В.Я. Музыкина, В.В. Невинского. – Барнаул: АлтГУ, 1998. – С. 240-243; Гавло В.К. Основы методики расследования и предотвращения убийства матерью новорожденного ребенка: Учеб. пособие. – Барнаул: АлтГУ, 1998 и др.

В связи с чем прав С.Э. Воронин, указывающий на то, что построение адекватных психологических портретов как розыскных моделей возможно в случаях:

«1) когда в самом механизме совершенного преступления заложен системообразующий фактор, например, серийность в убийствах на сексуальной почве.

2) когда в основу розыскной модели положены действительно повторяющиеся доминантные признаки механизма преступления и устойчивые корреляционные связи элементов криминалистической характеристики преступления»¹.

Учитывая эти связи и основываясь на ситуационном подходе, полагаем возможным преодолеть информационную неопределенность и в целом оптимизировать процесс расследования преступлений. Увеличение объема поступающей к субъекту доказывания уголовно значимой информации обеспечит максимальный поисковый эффект, который, как известно, способствует неременному установлению и задержанию лиц, причастных к совершению преступления, а это, в свою очередь, позволит точно определить и решить задачи дальнейшего этапа расследования.

Известно, что степень информационной неопределенности на дальнейшем этапе расследования значительно снижается. На этом этапе субъект доказывания, как правило, обладает достаточным объемом доказательств, которые требуют дальнейшей всесторонней проверки. И если для первоначального этапа характерны задачи на поиск, то для дальнейшего этапа расследования – на доказывание. Сказанное не означает, что на первоначальном этапе расследования вообще не осуществляется доказывание. Субъект доказывания на этом этапе не только обнаруживает и исследует доказательства о событии преступления и лице, его совершившем, но и, как только появляется это лицо, характер решаемых задач существенно меняется. Продолжается собирание доказательств и дальше, но уже с учетом позиции обвиняемого (подозреваемого)², имеющихся доказательств, условий, в которых проводятся отдельные следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия, тактические операции, а в целом, со складывающимися криминалистическими ситуациями по делу. Обвиняемый (подозреваемый) на дальнейшем этапе приобретает значение центрального источника информации в доказывании, в связи с чем существенно меняются средства и методы процессуальной и негласной работы.

---

¹ Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве: Монография. – Барнаул: АлтГУ, 2000. – С. 77.

² См.: Предъявление обвинения и составление обвинительного заключения: Практическое пособие / В.Ф. Статкус, И.А. Цоколов, А.А. Жидких; под ред. д-ра юрид. наук И.А. Попова. – М.: «Книжная находка», 2002; Ахпанов А.Н., Кусайнов Ш.К. Привлечение в качестве обвиняемого в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан: Монография. – Караганда: КЮИ МВД РК, 2005. – С. 6-33 и др.

К типичным криминалистическим ситуациям на этом этапе, полагаем, можно отнести следующие:

1. Обвиняемый дает показания по существу расследуемого события преступления, признает себя виновным полностью под тяжестью доказательств, свою виновность может подтверждать новыми доказательствами.

2. Обвиняемый признает себя виновным в совершении преступления полностью, но в деле недостаточно убедительных доказательств, его избличающих. Возникает проблема с получением доказательств виновности обвиняемого.

3. Несмотря на убедительные, проверенные доказательства, уличающие обвиняемого в совершении преступления, виновным он себя не признает полностью. В подтверждение этого он может приводить факты, аргументы либо, наоборот, замкнуться в себе и не отвечать на вопросы в соответствии со ст. 51 Конституции РФ.

4. Обвиняемый признает себя виновным частично (в части эпизодов), в части эпизодов называет другие эпизоды и факты своей преступной деятельности и деятельности других лиц. Признание подкреплено собранными доказательствами.

5. Обвиняемый признает себя виновным частично (в части эпизодов), доказательств, полностью его избличающих, недостаточно¹.

Первая ситуация является наиболее благоприятной для расследования. Она, как правило, не вызывает затруднений у субъекта доказывания, ее решение не отмечается конфликтностью и разрешается типовыми методами. Направление расследования для этой ситуации: систематизация, оценка полученных доказательств и принятие решения об окончании предварительного расследования с направлением уголовного дела через прокурора в суд (ст. 220-222 УПК РФ).

Для второй ситуации необходимо сосредоточить усилия на проверке показаний обвиняемого, получении новых доказательств с помощью специалистов, экспертов, использовании психологических особенностей обвиняемого (соучастников), свидетелей с тем, чтобы можно было применить к ним наиболее эффективные тактические приемы повторных допросов. Очень результативным может оказаться взаимодействие следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

Что же касается других ситуаций (3, 4, 5), то они встречаются чаще всего (в 70%) и вызывают наибольшую проблему у субъектов доказывания. Для этих ситуаций характерны элементы конфликтности (80%) и тактического риска (около 40%). Кроме того, именно в них ярко выражено противодействие следствию со стороны заинтересованных лиц (около 70%).

В этих криминалистических ситуациях, в первую очередь, необходима проверка фактов, которые сообщил обвиняемый, закрепление уже имею-

---

¹ Подробнее см.: Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск, 1985. – С. 251.

щихся доказательств и получение новых, свидетельствующих о причастности обвиняемого к совершенному преступлению.

Затрагивая проблему нейтрализации противодействия со стороны заинтересованных лиц (в первую очередь обвиняемого), следует отметить, что интерес к ней как одной из ключевых в криминалистической тактике и методике ученые проявляли давно. Этому было посвящено немало работ¹, а в последнее время разработаны и внедрены в практику специальные криминалистические программы преодоления противодействия уголовному преследованию², а также предложены пути решения проблемы с учетом социально-экономических факторов³.

Одним из первых обратившихся к этой проблеме был А.Р. Ратинов, который разработал ряд рекомендаций, не потерявших свою актуальность и сегодня. В целях нейтрализации противодействия, по его мнению, необходимо:

- формирование у заинтересованных лиц ошибочного представления об осведомленности следователя относительно подлинных целей, которых они добиваются;

- формирование целей, попытка достижения которых поставит заинтересованных лиц в проигрышное положение;

- формирование у заинтересованных лиц намерения воспользоваться противозаконными средствами;

- создание затруднений для правильной оценки заинтересованными лицами подлинных целей следователя.

Поскольку не всегда можно скрыть от причастных к делу лиц свои намерения, то выполнять необходимые действия подчас лучше так, чтобы вывод о целях следователя был многозначным и допускал множество толкований. Тогда противостоять всем возможным замыслам следователя затруднительно, и нужная цель будет достигнута легче⁴.

---

¹ Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. – Свердловск, 1992; Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. – М., 1997. – С. 355-378; Лифшиц Л.В. Проблемы преодоления противодействия расследованию преступлений несовершеннолетних: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Уфа, 1998. – С. 7-18; Стулин О.Л. Тактические основы преодоления умышленного противодействия расследованию преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1999. – С. 3-20; Николайчук И.А. Сокрытие преступлений как форма противодействия расследованию: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Воронеж, 2000. – С. 3-18; Полстовалов О.В. Криминалистическая конфликтология: Монография. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – С. 10-78 и др.

² См.: Бабаева Э.У. Основы криминалистической теории преодоления противодействия уголовному преследованию: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006. – С. 35-39.

³ Вольнский А.Ф., Тюнис И.О. Социально-экономические факторы противодействия расследованию преступлений. Пути решения проблемы // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях. – Тюмень: ТГИМЭУП, 2005. – С. 167-173.

⁴ Ратинов А.Р. Теория рефлексных игр в приложении к следственной практике // Правовая кибернетика. – М., 1970. – С. 194-196.

Как показало обобщение практики, противодействие предварительному расследованию в корыстно-насильственных преступлениях чаще всего проявляется в действиях, препятствующих выявлению события преступления в целом или его отдельных обстоятельств, установлению участия субъектов в преступлении и их роли и иных обстоятельств, характеризующих виновного и влияющих на степень и характер его ответственности. Это проявляется в отказе от дачи показаний (35%), в даче ложных показаний (20%), невыполнении требуемых действий (10%), сокрытии, уничтожении предмета посягательства (10%), запугивании свидетелей и других участников процесса (8%).

Рассмотрим следующую типичную криминалистическую ситуацию по делу об убийстве Сидорова, характеризующуюся дачей ложных показаний.

Неоднократно допрошенный в ходе следствия обвиняемый Стародубцев по делу об убийстве Сидорова¹ постоянно менял свои показания об обстоятельствах конфликта с потерпевшим, всякий раз усиливая акцент на якобы агрессивный натиск последнего, а свои действия сводил не к превышению пределов необходимой обороны, а к состоянию, когда они, его действия, повлекшие смерть человека, становятся правомерными. Так, в своих первоначальных показаниях Стародубцев пояснил, что Сидоров избивал Александра и Дубова перед началом конфликта с ними. При проведении очной ставки последний отказался от этого, а впоследствии заявил, что убийство совершил некий Александр, а он нанес лишь один удар. При допросе в качестве обвиняемого Стародубцев виновным себя в убийстве Сидорова из корыстных побуждений не признал и сообщил, что убийство совершил его друг Калкин. Раньше этого не говорил потому, что боялся расправы и думал, что будет осужден за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, но 21 июня 1996 г. встретил Калкина в СИЗО и потому решил рассказать всю правду.

Проверяя эту версию, следователь допросил Калкина, который подтвердил показания Стародубцева. Выполняя отдельное поручение следователя, оперативные работники установили, что Калкин и Стародубцев некоторое время содержались в одной камере СИЗО. Проведенным расследованием было достоверно установлено, что к убийству Сидорова Калкин не имеет никакого отношения. Так, по заключению биологической экспертизы, на куртке-дубленке, изъятой у Стародубцева, обнаружены пятна крови, которые могли принадлежать потерпевшему, причем пятна были в виде мелких брызг, что противоречило утверждению Калкина о механизме их образования. Кроме того, в ходе допросов Калкин, подробно рассказывая о мелких деталях произошедшего, путался в существенных вещах, и его показания противоречили материалам дела. Не соответствовали действительности его показания о местах нанесения ударов Сидорову топором при расчленении трупа. Из протокола осмотра места происшествия и заключения судебно-медицинской экспертизы по трупу Сидорова следовало, что голова трупа не отчленилась, в то же время Калкин указывал на данное обстоятельство.

---

¹ Архив Центрального районного суда г. Барнаула. Д. № 1-1033/96.

При проведении следственного эксперимента с целью проверки его показаний на месте было установлено, что Калкин, собственноручно нарисовавший схему расположения киоска Стародубцева при допросе, не ориентируется в обстановке и не мог указать данный киоск – место убийства. Все это свидетельствовало о том, что находясь в одной камере СИЗО, Калкин и Стародубцев вступили в сговор с целью освобождения Стародубцева от уголовной ответственности, а в последующем и Калкина. Эти обстоятельства подтвердились в суде. Стародубцев был признан виновным в убийстве Сидорова, и приговором суда ему было назначено наказание – 7 лет 6 месяцев лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

Следует заметить, что чем больше остаются не выясненными в процессе расследования обстоятельства, относящиеся к элементам криминалистической характеристики преступлений, тем больше возникает трудностей с преодолением противодействия виновными лицами. Между объемом уголовно значимой информации и противодействием имеется, на наш взгляд, прямая зависимость. Противодействие со стороны обвиняемого может возникать уже с момента предъявления обвинения. На этом этапе расследования, как отмечено выше, следователь продолжает собирать информацию, учитывая позицию этого участника уголовного процесса. Обвиняемый всегда располагает достоверным знанием о всех деталях совершения преступления, между тем субъект доказывания оперирует лишь его вероятностной моделью, в отдельных деталях которой имеются пробелы и недостоверные знания. На этом этапе возникает криминалистическая ситуация, которая характеризуется тем, что следователь, применяя тактические приемы, старается получить новую интересующую его информацию. При этом он оперирует теми данными, которые уже известны, и той информацией, которую ему «предлагает» обвиняемый. Так как интересы участников противоположны, то каждый из них вырабатывает заранее линию своего поведения. Причем обвиняемый, как правило, старается выгородить себя и создает «свой» вариант произошедшего события. Следует учитывать, что, создавая «свой» вариант, обвиняемому очень сложно удержать в памяти все детали, поэтому, как показывает практика, он начинает путать то, что было, и то, что он старается выдать за достоверное, в результате чего следователь может «поймать» его на противоречиях. С учетом этого в криминалистике разрабатываются многие тактические приемы¹.

По мере получения новых фактических данных и формирования криминалистической ситуации уточняется комплекс следственных и иных действий, дальнейшее направление расследования. Этот комплекс зависит от складывающейся по делу криминалистической ситуации и ее информаци-

---

¹ См., напр.: Дулов А.В. Судебная психология. – Мн., 1971; Порубов Н.И. Научные основы допроса на предварительном следствии. – Мн., 1978; Баев О.Я. Тактика следственных действий. – Воронеж, 1995; Лившиц Е.М., Белкин Р.С. Тактика следственных действий. – М., 1997; Кривошеин И.Т. Теоретические и прикладные проблемы допроса обвиняемого. – Томск: ТГУ, 2001. – С. 72-111 и др.

онной структуры. Субъект доказывания старается провести такие действия, которые бы давали больше информации и способствовали «развертыванию расследования», выдвижению и проверке более или менее исчерпывающего круга версий.

Таким образом, постановка задач, разработка тактических операций подчиняются определенным закономерностям складывающегося хода и состояния расследуемого события преступления. При этом необходимо учитывать субъективные качества следователя, лица, производящего дознание, прокурора, судьи и т.д. Чем большим запасом знаний типичных криминалистических ситуаций и алгоритмов их решения он обладает, тем эффективнее идет процесс раскрытия и расследования преступления. Конкретная разработка их и составляет главную проблему частных методик¹.

Деятельность субъекта доказывания в аспекте системного подхода можно представить как мысленное творческое сопоставление конкретной ситуации с типичной, ранее известной. В случае если они однотипны, предлагаемый алгоритм решения типичной ситуации может быть использован для ситуации конкретной. Сопоставление субъектом доказывания имеющейся у него информации с типичной ситуацией позволяет определить:

- 1) какие элементы ситуации отсутствуют;
- 2) какие проблемы в их выявлении имеются;
- 3) каким образом эти проблемы можно решить².

Но для того чтобы прийти к решению этих задач, субъект доказывания должен оценить ту криминалистическую ситуацию, в которой осуществляется его деятельность, т.е. «состояние» уже известных элементов ситуации. Диагностируя ситуацию и определяя данные об элементах криминалистической характеристики, которые уже известны, а какие сведения еще подлежат дополнительной проверке (т.е. какую еще информацию необходимо выявить), субъект доказывания определяет конкретные цели и задачи выбранного им процессуального и иного действия³. Неустановление того или

---

¹ Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск, 1985. – С. 265; Гармаев Ю.П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2003; Шмонин А.В. Общие положения методики расследования преступлений, совершаемых с использованием банковских технологий: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2007; Яблоков Н.П., Голловин А.Ю. Криминалистика: природа и система. – М.: Юрист, 2005. – С. 32-164 и др.

² См.: Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В. Указ. раб. – С. 180-181.

³ См., напр.: Волчечкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия. – М. – Калининград, 1997. – С. 157; Видонов Л.Г. Криминалистическая характеристика убийств и система типовых версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев. – Горький, 1978; Дулов А.В. Использование корреляционных зависимостей для выявления хищений социалистической собственности. – Мн., 1983; Гавло В.К., Ким Д.В. Некоторые вопросы дальнейшего развития ситуационного подхода в расследовании преступлений // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае. Вып. 2: Мат-лы региональной

иногое элемента повышает вероятность того, что задачи расследования не будут решены, а проблема обострится.

Таким образом, выявление отдельных обстоятельств информационной структуры криминалистической ситуации способствует определению основных направлений расследования, первоочередных задач, выдвижению следственных версий: как общих (относительно общей характеристики преступления), так и частных (относительно отдельных обстоятельств расследуемого преступления). Эффективное же использование данной информации связано с хорошим знанием и умелым применением методических рекомендаций об основных направлениях расследования на первоначальном, дальнейшем и заключительном этапах расследования.

Успешному выдвижению следственных версий о круге лиц, среди которых может быть преступник, а также других обстоятельствах расследуемого преступления должно служить знание о вероятностном – статистических связях между элементами криминалистической характеристики отдельных видов (групп) преступлений.

Знание об отдельных обстоятельствах расследуемого события позволяет также конкретизировать круг источников криминалистически значимой информации, на основе которых можно выдвинуть и проверить версии о мотиве преступления и личности предполагаемого преступника: образе жизни потерпевшего, круге знакомых, интересах и т.д.

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что криминалистически значимая информация, прямо указывающая на подлежащие установлению обстоятельства, облегчает определение круга факторов, выяснение которых позволило бы проверить данную информацию и считать само обстоятельство доказанным. Определение таких источников должно осуществляться на основе выяснения закономерных связей между доказываемым обстоятельством со всеми остальными элементами, входящими в систему криминалистической характеристики преступления¹.

Например, при расследовании убийства Сидорова² виновность Стародубцева могла быть доказана лишь при наличии системы доказательств, подтверждающих выдвинутую следствием версию. И они были получены.

Следователь рассудил, что в случае виновности Стародубцева между ним и потерпевшим Сидоровым должны были существовать закономерные связи взаимодействия, следы которых могли остаться на орудиях преступления (кровь потерпевшего на топоре и других предметах, обнаруженных

ежегодной науч.-практ. конф. 21-22 марта 2002 г. / Под ред. В.К. Гавло. – Барнаул: АлтГУ, 2003. – С. 37-41 и др.

¹ См.: Гавло В.К. Проблемы разработки методики расследования корыстно-насильственных преступлений // Проблемы применения нового уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации. – Томск, 1997. – С. 77-81; Ким К.В. Комплексное применение криминалистических методов расследования. – Караганда, 1995. – С. 82.

² Архив Центрального районного суда г. Барнаула. Д. № 1-1033/96.

при осмотре места происшествия); на одежде подозреваемого (кровь потерпевшего и микрочастицы его одежды); на теле потерпевшего (характер телесных повреждений должен был свидетельствовать о связи между орудием преступления и временем их нанесения). Кроме того, связь между потерпевшим и подозреваемым (обвиняемым) должна была заключаться и в наличии мотива, объяснявшего действия Стародубцева.

Следователь проделал большую работу по установлению этих связей. Были допрошены свидетели (многие из них повторно), проведен дополнительный осмотр места происшествия, назначен ряд судебных экспертиз, проведен следственный эксперимент с участием Калкина.

Было установлено, что Стародубцев задолжал потерпевшему крупную сумму денег и последний требовал ее вернуть с процентами. В день убийства Сидоров собирался зайти к Стародубцеву именно за получением долга, о чем говорил своим друзьям.

Выяснение этих связей в совокупности свидетельствовало о виновности Стародубцева и позволило определить круг новых источников информации, а также полностью доказать непричастность Калкина к этому преступлению, который настаивал на том, что именно он совершил убийство Сидорова.

Сведения о новых возможных источниках криминалистически значимой информации всегда должны сопоставляться с той информацией, которая уже известна по уголовному делу и ее источниками. Это позволяет правильно определить место подлежащего исследованию источника информации среди уже исследованных, а также содержание предположительно заключающейся в нем информации. Такой анализ способствует обоснованному принятию решения о виде, очередности, тактике и технике следственного действия, направленного на их исследование. К сведениям о возможных источниках криминалистически значимой информации следует отнести не только такие, которые позволяют индивидуализировать их, но и определяющие лишь направления поиска таких источников.

Примером может служить дело по обвинению Скворцова в совершении им разбойного нападения на Белозерова и Загайнову. При обыске в квартире у подозреваемого были обнаружены и изъяты документы (паспорт на имя Кострицина, документы на АОЗТ «Черный рай» и др.), различные вещи, патроны. Эти доказательства стали центральными по уголовному делу, были выдвинуты версии, вещи и документы проверены по картотекам, проведены следственные и оперативно-розыскные мероприятия, в ходе которых была выявлена причастность задержанного к другим аналогичным преступлениям. В ходе исследования связей: орудие преступления – потерпевший; предмет преступного посягательства – потерпевший – преступник; способ совершения преступления – преступник, установлено, что, используя поддельный паспорт, Скворцов совершал сделки по купле-продаже автомобилей, а через документы АОЗТ брал под реализацию продукты питания и строительные материалы, после чего скрывался. Таким

образом, было раскрыто несколько преступлений, которые уже длительное время были приостановлены либо прекращены¹.

С учетом вышеизложенного следует констатировать, что методика расследования может основываться на принципе знания закономерностей информационной структуры криминалистической ситуации:

- во-первых, данных об элементах криминалистической характеристики соответствующего вида преступления;

- во-вторых, данных об элементах криминалистической характеристики его раскрытия, расследования и предупреждения как на предварительном следствии, так и в ходе судебного разбирательства².

Г.А. Густов также пришел к выводу о существовании криминалистической характеристики предварительного расследования³, а О.Н. Коршунова и др., основываясь на этих исследованиях, предложили интересную систему рекомендаций государственному обвинителю при судебном разбирательстве уголовных дел⁴. Такой подход, полагаем, является значительным шагом вперед. Он позволяет в полной мере (не только на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, но и на судебных стадиях) применять на практике рекомендации, разработанные криминалистической наукой.

С этих позиций представляют определенный интерес связи между элементами криминалистической характеристики корыстно-насильственных преступлений на дальнейшем этапе расследования с учетом позиции обвиняемого⁵.

В тех ситуациях, когда потерпевший установлен, первоначальному поиску подлежит информация о его социальных связях, контактах, его поведении в предкриминальной и криминальной ситуациях. Потерпевший, оказывая сопротивление преступнику, может оставить как на нем, на его одежде, так и в иной информационной обстановке следы, анализ которых позво-

---

¹ Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула. Д. № 1-762/97.

² Гавло В.К. Проблемы разработки методики расследования корыстно-насильственных преступлений // Проблемы применения нового уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации. – Томск, 1997. – С. 77-81.

³ Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1: Общетеоретические вопросы. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика / Под ред. О.Н. Коршуновой и А.А. Степанова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 112-147.

⁴ Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности / Под ред. О.Н. Коршуновой. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. См. также: Коршунова О.Н. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы уголовного преследования: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006. – С. 17, 32-33.

⁵ См.: Ким Д.В. Следственная ситуация как информационно-познавательная система в деятельности по расследованию преступлений (по материалам корыстно-насильственных преступлений): Дис. канд. юрид. наук. – Барнаул, 1999. – С. 125-127; Гавло В.К., Клочко В.Е., Ким Д.В. Указ. раб. – С. 185-188.

ляет получить информацию о способе, субъекте преступления, механизме преступления и т.д.

Преступник, оценивая предкриминальную ситуацию, учитывает будущую жертву (пол, возраст, телосложение, интеллект и т.д.), и именно с учетом этого выбирает способ совершения преступления, а в некоторых случаях – время и место его совершения.

В конце 90-х годов в Алтайском крае была обезврежена банда Воробьева, которая совершала разбойные нападения и убийства водителей, занимавшихся частным извозом. Преступления совершались по одному, заранее спланированному сценарию. В вечернее или ночное время в автомобиль садились несколько мужчин, из которых 1-2 обязательно сзади водителя. Под различным предлогом отъезжали в безлюдное место, где сидящий сзади набрасывал петлю на шею водителю либо душил его руками. После чего забирали выручку и вещи, имеющие ценность. Машину же бросали либо поджигали. Правоохранительным органам долго не удавалось выйти на след банды, несмотря на то, что были задействованы все силы и средства. Оперативники дежурили круглосуточно, были установлены передвижные посты, информированы водители и население, однако никаких положительных результатов получено не было. Помог, как это часто бывает, случай.

Одному из потерпевших удалось бежать. Добравшись до города, он позвонил в милицию и описал приметы преступников и марку машины. В результате проведенной операции всех членов банды удалось задержать.

Позднее они были осуждены и приговорены к длительным годам лишения свободы¹.

Если преступник использует какое-либо орудие преступления, то на нем или на объектах материального мира также остаются следы, закономерные связи между которыми позволяют идентифицировать это орудие. Участие потерпевшего в уголовном процессе имеет и тактическое значение: позволяет более эффективно проводить вербальные следственные действия с его участием (допросы, очные ставки, предъявление для опознания, следственные эксперименты и т.д.), что, в свою очередь, способствует решению как тактических, так и стратегических задач расследования.

Утром в квартире были обнаружены трупы молодой женщины и ее малолетнего ребенка. У женщины было перерезано горло, а ребенок был задушен. При этом старший сын потерпевшей спрятался под кроватью и видел убийцу. В ходе расследования было установлено, что муж потерпевшей, сотрудник милиции, находился в командировке. Его сослуживец, завидуя успехам и продвижению по службе, в состоянии алкогольного опьянения решил выяснить с ним отношения. Под утро он пришел в квартиру, дверь открыла женщина. Узнав, что мужа нет дома, преступник ворвался в квартиру и стал избивать жертву, после чего перерезал ей горло. Зайдя в спальню, он задушил ребенка о спинку кровати. Старший ребенок часто находил-

---

¹ По материалам практики прокуратуры Алтайского края. Д. № 82203.

ся у бабушки, поэтому преступник не стал его даже искать. О том, что мальчик находился дома и все видел, убийца не подозревал. Выждав какое-то время после ухода мужчины, ребенок постучал к соседям, которые и вызвали милицию.

Проведенное расследование успехов не дало. Спустя несколько месяцев среди пришедших гостей сын увидел убийцу, о чем сообщил отцу. В процессе дальнейшего расследования мальчик был допрошен в качестве свидетеля и подробно описал события того утра, когда были зверски убиты его мать и младший брат. В совокупности с другими доказательствами его показания позволили изобличить виновного, который был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу¹.

Что же касается связей обстановки совершения преступления, то, как верно считает Н.П. Яблоков, она образуется взаимодействием совокупности следующих факторов: вещественных, пространственно-конструктивных, природно-климатических, временных, производственно-бытовых, поведенческо-психологических², и не учитывать их просто нельзя.

Так, например, при осмотре места происшествия исследование материальных следов и обстановки в целом позволяет следователю выявить сведения следующего характера: какие из числа отмеченных условий и факторов непосредственно предшествовали преступлению, каково было их содержание и характер последующих изменений, что в обстановке совершения преступления было специально подготовлено преступником, а что не зависело от него; что препятствовало или способствовало подготовке преступления и сокрытию его следов; что привело к тем или иным несоответствиям в способе и механизме совершения преступления, какие факторы нетипичного для данной ситуации свойства отразились в обстановке, кто мог воспользоваться сложившейся обстановкой для совершения преступления и т.д.³

Представляя обстановку преступления в виде закономерной связи «субъект преступления – обстановка преступления», следует учитывать, что исследование криминалистически значимой информации в этой системе позволяет субъекту доказывания установить обстоятельства по делу, применяя самые разнообразные методы расследования (системный, комплексный, моделирование, анализ, синтез и др.).

В связи с чем криминалистическую ситуацию следует рассматривать в динамике с учетом обстановки, предшествующей совершению преступления, обстановки совершения преступления и обстановки, сложившейся после совершения преступления.

---

¹ Из практики прокуратуры Карагандинской области Республики Казахстан.

² Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования. – М., 1985. – С. 60-61.

³ Яблоков Н.П. Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики // Криминалистическая характеристика преступлений. – М., 1984. – С. 35.

Полагаем, целесообразно группировать имеющуюся информацию относительно: места преступления; места нахождения объекта преступного посягательства; места изготовления орудия преступления; места работы, отдыха, жительства потерпевших, обвиняемых, а также места предполагаемого сбыта похищенного имущества и т.д.

Это позволяет:

а) получить представление о начальной обстановке и этапах, предшествовавших преступному деянию, месте, времени, условиях, в которых действовал субъект преступления, его взаимоотношениях с объектом посягательства, цели и т.п.;

б) обнаружить и использовать полученную информацию для дальнейшего расследования преступления¹.

Успешным результатом проведенных действий по сбору доказательств является формирование новых криминалистических ситуаций, когда субъект доказывания располагает достаточно полной информацией о совершенном преступлении и его участниках, что позволяет перейти к итоговому, **заключительному этапу расследования**. На этом этапе субъект доказывания, признав собранные доказательства виновности обвиняемого в совершении преступления достаточными для составления обвинительного заключения, объявляет заинтересованным лицам, что предварительное следствие по уголовному делу окончено и выполняет ряд действий, предусмотренных УПК РФ.

Для этого этапа характерны следующие типичные криминалистические ситуации:

1) после ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела никаких ходатайств с их стороны не поступало;

2) после ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела от них поступили какие-либо ходатайства;

3) обвиняемый отказывается от ознакомления с материалами дела.

Если первая и третья ситуации характеризуются относительной стабильностью и решаются алгоритмическим путем, то вторая ситуация может вызвать определенную проблему, выражающуюся в разрешении ходатайства (ст. 219 УПК РФ)². В случае полного или частичного отказа в удовлетворении ходатайства следователь выносит отдельное постановление, которое должно быть мотивированным. При удовлетворении же ходатайства следователь сообщает о своем решении и производит необходимые действия. Об удовлетворении ходатайства или об отклонении его во всех случаях должно быть сообщено как обвиняемому, так и его защитнику, независимо от того,

---

¹ Подробнее см.: Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск, 1985. – С. 181-182.

² Подробнее см.: Алексеев А.Г. Вопросы теории и практики заявления, рассмотрения и разрешения ходатайств в уголовном процессе Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2005.

кто из них заявил ходатайство. В числе задач, решаемых субъектом доказывания на заключительном этапе, следует выделить: систематизацию всех материалов уголовного дела и ознакомление с ними тех участников, кому это право предусмотрено законом; рассмотрение ходатайств и при необходимости проведение дополнительных следственных и иных действий; подготовку окончательных выводов и их формулирование в обвинительном заключении (обвинительном акте); обобщение материалов о причинах и условиях, способствовавших совершению преступления, принятию мер по их устранению и др.

В заключение можно сделать некоторые выводы.

Криминалистическая ситуация является сложной динамической системой, возникающей в деятельности по расследованию преступлений и влияющей на дальнейшую организацию этой деятельности.

На разных этапах предварительного расследования преступлений конкретного вида (группы) существуют особые закономерности целеобразования, а также формирования смыслов элементов, которые составляют структуру криминалистической ситуации. Так, если на этапе возникновения ситуация характеризует объективированностью процесса целеобразования, то на дальнейших этапах предварительного расследования на ее формирование оказывают решающее влияние субъективные факторы (опыт, установки, знания, умения и т.д.). Вышесказанное позволяет рассматривать деятельность субъекта доказывания не только с учетом целей, действий, операций, но и личностного смысла, который элементы криминалистической ситуации для него имеют¹.

Основные же принципы методики расследования отдельных видов (групп) преступлений, на наш взгляд, должны строиться на знании закономерностей информационной структуры криминалистической ситуации, что позволит оптимизировать процесс раскрытия, предварительного расследования и предупреждения преступлений, а в конечном счете приведет к успешному разрешению ситуаций на судебных стадиях уголовного процесса.

---

¹ Ким Д.В. Ценностно-смысловая структура следственной ситуации как предмет криминалистического исследования // Актуальные проблемы совершенствования деятельности органов внутренних дел в современных условиях: Мат-лы междунар. конф. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2000. – С. 44-47; Он же. Следственная ситуация как системообразующий фактор в расследовании преступлений // Российская правовая система: становление, проблемы, пути совершенствования: Мат-лы республ. науч. конф. / Под ред. В.К. Гавло, В.Я. Музюкина, В.В. Невинского. – Барнаул: АлтГУ, 2001. – С. 326-330.

2.3. Возникновение и функционирование криминалистических ситуаций и тактико-методические аспекты их разрешения на судебных стадиях уголовного процесса

В предыдущих параграфах было отмечено, что объективный ход становления и развития криминалистики заставляет исследователей переосмыслить прежние представления о предмете этой науки и сфере ее научного приложения. Сегодня все решительнее звучат утверждения, что криминалистика не может быть ограничена рамками предварительного расследования, а ее рекомендации могут быть использованы и в судебном производстве¹.

Полагаем, что исходя из принципа состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ), суд «не обязан полностью следовать воле сторон в определении пределов судебного следствия»², он должен создать необходимые условия для реализации сторонами своих прав и обязанностей, в связи с чем возникает проблема разработки криминалистической тактики и методики судебного следствия³.

Без знания этих вопросов выполнить требования ст. 6 УПК РФ (Назначение уголовного судопроизводства) и ст. 73 УПК РФ по обстоятельствам, подлежащим доказыванию, весьма проблематично. Все опрошенные нами судьи (73 человека) заявили о необходимости и нуждаемости в дальнейшей разработке тактики и методики судебного следствия, в том числе и для мировых судов. Такие знания, как свидетельствует история развития науки криминалистики, обоснованно являются объектом и предметом ее исследования. Познавая их, криминалистика выполняет свою практическую задачу,

---

¹ См., напр.: Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия. – М. – Калининград, 1997. – С. 111-114; Бозров В.М. Современные проблемы правосудия по уголовным делам в практике военных судов России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1999. – С. 40-45; Корневский Ю.В. Криминалистика для судебного следствия. – М.: ЦентрЮрИнфоР, 2001; Кисленко С.Л., Комиссаров В.И. Судебное следствие: состояние и перспективы развития. – М.: Юрлитинформ, 2003. – С. 51; Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: Монография. – Барнаул: АлтГУ, 2006. – С. 190-212 и др.

² Александров А.С. Язык уголовного судопроизводства: Автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2003. – С. 44.

³ По этому вопросу в последнее время появилось ряд интересных работ. См., напр.: Пинок А.В. Роль суда в собирании доказательств по уголовному делу на стадии предварительного расследования и при рассмотрении дела в суде первой инстанции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2004; Васин В.В. Уголовно-процессуальное познание судом первой инстанции обстоятельств уголовного дела: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2006; Корчагин А.Ю. Судебное разбирательство уголовных дел: понятие, организация, тактика. – М., 2006 и др.

разрабатывая суду (судье) оптимальные рекомендации по проведению судебных действий в складывающихся судебных ситуациях.

Следует полностью согласиться с мнением Р.С. Белкина, утверждавшим, что изучаемые наукой криминалистикой закономерности лежат в сфере судебного исследования, т.е. «совокупной деятельности органов дознания, следствия, суда, экспертных учреждений по установлению истины в процессе судопроизводства»¹. В таком понимании предмета криминалистики нас привлекает точность очерчивания границ научных и практических интересов криминалистики, а именно: от дознания и предварительного следствия по делу о событии с признаками преступления до решения задач уголовного судопроизводства судом. На этом поле, полагаем, складывается целостная информационно-познавательная система в деятельности по раскрытию, расследованию и судебному разбирательству преступления. В основе ее лежат знания о преступной деятельности лиц по совершению преступлений, с одной стороны, и о законной, правоохранительной деятельности и суда – с другой.

Досудебное и судебное производство – это единое и неделимое поле деятельности для науки криминалистики². «Криминалистическая методика расследования, – как верно пишет В.К. Гавло, – характеризуется интегративными приемами криминалистической техники и тактики, включает в себя познание закономерностей противоправной деятельности по подготовке, совершению, сокрытию отдельных видов преступлений и их противодействию расследуемым событиям, и правоохранительной, законом предусмотренной деятельности по их раскрытию, предварительному расследованию и судебному разбирательству на основе целостного возникновения и движения по делу всей уголовно значимой информации»³. Именно в криминалистической методике расследования, по обоснованному мнению В.К. Гавло, на этой основе возможны выделение и познание своеобразных закономерностей информационных структур, систем и процессов, разработка оптимальных вариантов (серий) правил и алгоритмов действий органу дознания, следователю, прокурору и суду в различных ситуациях возбуждения, предварительного расследования и разрешения дела по существу.

Нельзя разрабатывать криминалистическую технику, тактику и методику для предварительного следствия без учета ситуаций судебного следст-

---

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. – М.: Юрид. лит., 1987. – С. 47.

² Подробнее см.: Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения криминалистической методики отдельных видов преступлений. – Томск, 1985. – С. 66-74.

³ Гавло В.К. Проблемы теории и практика криминалистической методики расследования преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1988. – С. 22; Он же. Общие положения криминалистической методики расследования отдельных видов преступлений / Криминалистика: Учебник / Под ред. Л.Я. Драпкина, В.Н. Карагодина. – М.: Юрид. лит., 2004. – С. 456-462.

вия, как и криминалистическую технику, тактику и методику судебного следствия без учета ситуаций предварительного следствия и деятельности участников уголовного судопроизводства. «Без знания рекомендаций криминалистики, без их грамотного использования, – как верно пишет В.И. Комиссаров, – суду уголовной юрисдикции вряд ли удастся объективно установить все процессуально значимые нюансы совершения преступления»¹.

Этой же позиции придерживается А.Ю. Корчагин, полагая, что «для качественного изучения и оценки материалов расследования судья должен знать криминалистическую характеристику преступления, научно-практические криминалистические рекомендации по собиранию, исследованию и оценке доказательств, методику расследования отдельных видов преступлений»².

Криминалистика одинаково обслуживает и предварительное следствие, и судебное разбирательство с учетом целей и задач осуществления правосудия по уголовным делам, объединенных единым целым – предметом доказывания (ст. 73 УПК РФ) и пределами судебного разбирательства (ст. 252 УПК РФ).

Судебное разбирательство в состязательном процессе больше всего нуждается в использовании рекомендаций, разработанных криминалистической тактикой и методикой³.

В связи с чем, считает В.К. Гавло, традиционная структура криминалистической методики расследования должна быть перестроена, как не отвечающая уровню нынешнего развития криминалистики и требованиям судебно-следственной практики. В качестве ее составляющих важно видеть следующие взаимосвязанные элементы. Это объясняется тем, что в методике расследования отдельных видов и групп преступлений в качестве первого структурного элемента ее выступает преступная деятельность лиц по совершению преступлений с ее криминалистической характеристикой преступления, а в качестве второго структурного элемента ее выступает законом предусмотренная деятельность правоохранительных органов и суда по

---

¹ Комиссаров В.И. Проблемы борьбы с преступностью и их место в предмете криминалистики // Актуальные проблемы криминалистики: Мат-лы междунар. конф. – Харьков, 2003. – С. 27; см. также Комиссаров В.И., Кисленко С.Л. Тактика судебного следствия, содержание и понятие // 50 лет в криминалистике. К 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина: Мат-лы междунар. науч. конф. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. – С. 130-145.

² Корчагин А.Ю. Судебное разбирательство уголовных дел: понятие, организация, тактика. – М., 2006. – С. 124.

³ См., напр.: Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности / Под ред. О.Н. Коршуновой. – СПб.: «Юрид. центр Пресс», 2003. – С. 15; См. также: Эксархопуло А.А. Основы криминалистической теории. – СПб: Изд-во СПб ун-та, 1992; Макарова З.В. Гласность уголовного процесса. – Челябинск: Южноурал. гос. тех. ун-т, 1993. – С. 116 и др.

предварительному и судебному следствию. А поскольку это так, то логично в этой деятельности выделять следующие две взаимодействующие подсистемы методики: методику и ее криминалистическую характеристику предварительного следствия и методику и ее криминалистическую характеристику судебного следствия. Именно они есть результат познания закономерностей деятельности субъектов доказывания на предварительном следствии и в суде. Однако и сегодня выходят учебники криминалистики, в которых не отражаются особенности применения криминалистической техники, тактики и методики в ходе судебного разбирательства уголовных дел, не называются судебные ситуации, как они должны быть разрешены и т.д. В учебниках по криминалистике необходимо показывать особенности методики судебного следствия. Криминалистическая методика расследования преступлений при таком ее толковании может выступать как специфическая информационно-познавательная система в деятельности по решению задач уголовного судопроизводства, рассчитанная на определенные ситуации предварительного и судебного следствия¹.

Подтверждение тому – появление в последнее время интересных диссертационных работ, выполненных под руководством В.И. Комиссарова², Т.С. Волчецкой³, В.М. Мешкова⁴ и др.

Интеграция уголовно-процессуальной и криминалистической наук в обозначенном контексте проявляется и на монографическом уровне. В частности, А.Ю. Корчагин в своих работах⁵ с учетом нового уголовно-процессуального законодательства исследовал содержание судебного раз-

---

¹ Подробнее см.: Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения криминалистической методики отдельных видов преступлений. – Томск, 1985. – С. 130-212; Он же. Общие положения криминалистической методики расследования отдельных видов преступлений / Криминалистика: Учебник / Под ред. Л.Я. Драпкина, В.Н. Карагодина. – М.: Юрид. лит., 2004. – С. 456-462.

² Кисленко С.Л. Тактика судебного следствия и ее место в системе криминалистики: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002.

³ Фалеев В.И. Уголовно-процессуальные аспекты выявления и устранения судебных ошибок: Дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2003; Кузнецова О.Д. Проблемы реализации принципа состязательности при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2004; Румянцева И.В. Ситуационный подход в судебном следствии суда I инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2004.

⁴ Головачев И.В. Криминалистические средства обеспечения оценки судом материалов предварительного следствия: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2008.

⁵ См.: Корчагин А.Ю. Судебное разбирательство уголовных дел: понятие, организация, тактика: монография. – М.: Изд-во «Юридический мир», 2006; Он же. Основы тактики и методики судебного разбирательства уголовных дел: Монография – Краснодар: Изд-во «Качество», 2007; Он же. Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2008.

бирательства как вида социальной деятельности, выявил проблемы его криминалистического обеспечения и разработал рекомендации организационно-тактического и методического характера по оптимизации судебного следствия.

Н.П. Кириллова, имея богатый личный опыт работы судьей и преподавательской деятельности, в своей монографии¹ рассмотрела не только особенности процессуального статуса профессиональных участников судебного разбирательства (в первую очередь государственного обвинителя и защитника), а также наиболее актуальные проблемы уголовно-процессуального законодательства, возникающие на стадиях подготовки и назначения судебного заседания и судебного разбирательства, но и показала тактические аспекты реализации процессуальных функций с позиции ситуационного подхода. Особый интерес представляют, на наш взгляд, вопросы, связанные с типологией ситуаций, возникающих на указанных стадиях уголовного судопроизводства и пути их решения, удачно освещенные в работе. Среди них: авторская классификация ситуаций и алгоритмы их разрешения с позиции адвоката-защитника, государственного обвинителя и профессионального судьи².

Ситуационный подход, таким образом, позволяет разрабатывать конкретные и эффективные методики по ведению судебного разбирательства с учетом складывающихся судебных ситуаций.

Поскольку судебные ситуации не дублируют следственные ситуации, постольку в суде не может быть использована методика расследования, рассчитанная на предварительное следствие с его следственными (криминалистическими) ситуациями. «Познание и использование этих ситуаций, – как верно заметил В.К. Гавло, – есть важнейшая задача криминалистической методики как раздела науки криминалистики в повышении качества предварительного следствия и судебного разбирательства дела»³.

В теории криминалистики среди ученых по поводу понятия судебной ситуации нет единого мнения. Появившись сравнительно недавно, в последнее время оно стало предметом широкого обсуждения как одна из центральных научных категорий, с которой связано дальнейшее развитие предмета криминалистики.

Впервые сформулировал определение судебной ситуации В.К. Гавло. Он определил ее как «складывающуюся в ходе судебного следствия обстановку, характеризующуюся наличием у суда установленных на предвари-

---

¹ Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел: монография. – СПб.: Издательский дом Санкт-Петербург. гос. ун-та, Изд-во юрид. фак-та СПбГУ, 2007.

² Там же. – С. 195- 220, 283-305, 370-382 и др.

³ См. Гавло В.К. Проблемные вопросы предмета и структуры криминалистической методики расследования преступлений // Современное российское право: федеральное и региональное измерение: Мат-лы науч. конф. / Под ред. В.Я. Музыкина, В.В. Невинского. – Барнаул: АлтГУ, 1998. – С. 14-20.

тельном следствии и в суде доказательств события преступления и лица, его совершившего, условиями и обстоятельствами, в которых эти доказательства исследуются, устанавливаются и добываются новые, характеризующие состояние и перспективу судебного следствия в целях установления истины по делу»¹. В этом определении выделены существенные признаки судебной ситуации и обозначена природа ее возникновения и развития.

Следует заметить, что большое влияние на становление понятия «судебная ситуация» оказало понятие «следственная ситуация», занявшее прочное место в категориальном аппарате криминалистической науки. Однако строго они не разграничивались. Не случайно большинство ученых и сегодня отождествляют судебную ситуацию со следственной, а в определениях четко прослеживается заимствование признаков одного понятия у другого.

Так, Ю.В. Корневский говорит о следственной ситуации применительно к судебному разбирательству как о «сложившейся к этому этапу производства по делу совокупности данных о существенных обстоятельствах дела, исходя из которых определяются направления и пути дальнейшего получения информации, необходимой для принятия правильного решения по делу»².

В приведенном определении судебной ситуации Ю.В. Корневского отражается в первую очередь объективное состояние рассмотрения уголовного дела, характеризующееся совокупностью данных о его существенных обстоятельствах. Такой подход нам представляется весьма спорным, т.к. не учитывает субъективный аспект ситуации, а именно познающего ситуацию субъекта (судью, государственного обвинителя, защитника и др.)³. Кроме того, из определения не видно специфики судебной ситуации, ее отличия от следственной.

Предпочитает подходить к определению судебной ситуации как объективно существующей категории И.В. Румянцева. В то же время она совершенно правильно отмечает, что «любой субъект воспринимает ситуацию, исходя из субъективных характеристик, и принимает решение на основе того, как он лично ее воспринимает»⁴. Саму же ситуацию судебного следствия она определяет как «формирующееся в ходе исследования доказательств в суде положение, отражающее информационное содержание доказательств, поведение участников судебного следствия и их взаимоотношения»⁵.

---

¹ Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск, 1985. – С. 69.

² Корневский Ю.В. Криминалистика для судебного следствия. – М.: ЦентрЮрИнфоР, 2001. – С. 65.

³ Более подробно см. п. 1.3 настоящей работы.

⁴ Румянцева И.В. Ситуационный подход в судебном следствии суда I инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2004. – С. 53.

⁵ Там же. – С. 56.

Предложенное И.В. Румянцевой понятие включает различные характеристики ситуации, такие, как: особенности судебного следствия, данные об обстоятельствах дела, отношения участников, возникающие в ходе судебного следствия, поведение этих лиц. Однако автор все же «оставляет в стороне» сложную субъект-объектную природу судебной ситуации, которая, по нашему мнению, должна присутствовать в определении, отражая его суть.

Последнее замечание в полной мере относится и к определению судебной ситуации, данному А.Ю. Корчагиным. Под судебной ситуацией он понимает «объективное положение судебного разбирательства, определяемое объемом, содержанием судебных доказательств и иной информацией, находящейся в распоряжении суда к моменту начала или в процессе судебного следствия»¹.

Достаточно многочисленная группа авторов в определении судебной ситуации придерживается концепции, согласно которой ситуация понимается как информационная модель.

Так, В.В. Конин считает, что «судебная ситуация – это строго индивидуальная информационная модель, не имеющая жесткой конструкции и способная к изменениям, отображающая совокупность реально существующих условий и обстоятельств, возникающих в ходе судебного разбирательства в результате деятельности его участников, на основании которых участниками принимается решение о выборе конкретного тактического приема с целью получения необходимого результата»².

В этом определении указаны такие основные признаки ситуации, как индивидуальность и информационность. В то же время во второй части определения автор противоречит себе, указывая на то, что ситуация «отображает совокупность реально существующих условий и обстоятельств», т.к. реальность уже предполагает объективность. В этом случае говорить о ситуации для субъекта вряд ли возможно. Здесь, на наш взгляд, более точно было бы указать не на «совокупность реально существующих условий и обстоятельств», а «с учетом условий и обстоятельств».

Кроме того, говоря о тактическом приеме, выбираемом участником судебного разбирательства, нужно учитывать само понятие «участники уголовного судопроизводства», под которыми законодатель понимает «лиц, принимающих участие в уголовном процессе» (п. 58 ст. 5 УПК РФ). Таким образом, в Законе участник уголовного процесса трактуется достаточно широко, т.е. это не только суд и стороны (обвинения и защиты), а все лица, которые так или иначе задействованы в уголовном судопроизводстве, в т.ч.

---

¹ См.: Корчагин А.Ю. Судебное разбирательство уголовных дел: понятие, организация, тактика. – М., 2006. – С. 78; Он же. Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2008. – С. 35.

² Конин В.В. Участие защитника в судебном разбирательстве: ситуационный подход // Актуальные вопросы развития государства и права: Юбилейный сб. науч. тр. – Ч. 2. – Калининград: КГУ, 2002. – С. 201.

и в рамках судебного разбирательства. В связи с чем не совсем понятно, кто выбирает тактические приемы: суд (судья), государственный обвинитель, защитник или к этому списку можно отнести также свидетеля, потерпевшего, эксперта, секретаря судебного заседания, переводчика и т.д.? Если перечень участников судебного разбирательства достаточно широк, то приведенное В.В. Кониным определение судебной ситуации, по нашему мнению, выходит за рамки криминалистики и является спорным.

С.Э. Воронин в судебной ситуации видит мыслительную деятельность судьи. Судебную ситуацию он предлагает именовать судебной проблемно-поисковой следственной ситуацией (судебная ППСС), определив ее как «психологизированный тип следственной ситуации, порожденной мыслительной деятельностью судьи, протекаемой в узком информационном поле, ограниченном, с одной стороны, материалами предварительного расследования, с другой – жестко регламентированной уголовно-процессуальной процедурой исследования доказательств и принятия решений по делу»¹.

Очертив достаточно точно границы информационного поля анализируемого понятия, автор делает упор на ее субъективный аспект, при этом не учитывается сложная субъект-объектная природа судебной ситуации. Кроме того, рассматривая судебную ситуацию как «психологизированный тип следственной ситуации» возникают следующие вопросы: что имел в виду автор под понятием психологизированный тип? Чем он отличается от других типов (видов) ситуаций, менее психологизированных или не являющихся такими? К сожалению, ответы на эти вопросы в работах С.Э. Воронина мы не находим.

Полагаем, что судебная ситуация как разновидность криминалистической ситуации должна быть представлена целостной сложной самоорганизующейся системой информационно-познавательного характера, объединяющей в себе как человека, так и окружающую его действительность. Это необходимо учитывать при определении судебной ситуации.

В последнее время предпринимаются попытки объединить уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты понятия судебной ситуации.

Так, О.Д. Кузнецова, взяв за основу определение судебной ситуации В.К. Гавло, с учетом принципа состязательности понимает ее как «обстановку, характеризующуюся доказательствами, представленными сторонами в судебном разбирательстве, доказательствами, полученными судом по ходатайству сторон и по собственной инициативе в пределах предоставленных ему полномочий с учетом требований принципа состязательности, об обстоятельствах совершенного преступления и об обстоятельствах производства

---

¹ Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – С 36.

следственных действий, и условиями, в которых эти доказательства исследуются, характеризующие состояние и перспективу судебного следствия»¹.

Приведенное выше определение, полагаем, достаточно сложно в восприятии, при этом не учитываются существенные признаки не только судебной ситуации, но и доказательств. Например, автор ограничивается доказательствами, полученными на стадии предварительного расследования при производстве следственных действий, тогда как ст. 74 УПК РФ называет и иные виды доказательств.

Анализ приведенных выше определений показывает, что **в современной криминалистической науке наметилась устойчивая тенденция в развитии ситуационного подхода применительно к судебному разбирательству**. Однако саму судебную ситуацию большинство ученых отождествляет со следственной ситуацией либо с ситуацией судебного следствия, вкладывая в эти понятия различное содержание. В связи с чем следует заметить, что указанные понятия не совпадают как по объему, так и по содержанию. С учетом приведенной в п. 1.4 настоящей работы классификации ситуаций все рассматриваемые ситуации, на наш взгляд, являются криминалистическими, т.к. изучаются криминалистической наукой. При этом следственная (криминалистическая) ситуация характерна для досудебных стадий уголовного судопроизводства, а судебная ситуация может возникать как на досудебных (например, когда суд в ходе досудебного производства принимает решение об избрании меры пресечения в отношении подозреваемого (обвиняемого), о продлении срока содержания под стражей, о производстве обыска и (или) выемки в жилище и т.д.)², судебных, так и исключительных стадиях уголовного процесса. Что же касается ситуации судебного следствия, то по отношению с судебной ситуации оно является видовым.

С учетом изложенного судебная ситуация, в нашем понимании, является **судебно-криминалистической ситуацией**, которую в самом общем виде можно определить как **сложную динамическую систему информационного характера, складывающуюся в процессе осуществления судом (судьей) своей деятельности, влияющую на решение суда и на перспективу по уголовному делу**³.

В отличие от судебно-криминалистической ситуации **ситуацию судебного следствия** можно определить как **сложную динамическую систему информационного характера, складывающуюся в ходе судебного следствия, отражающую его состояние и перспективу по уголовному делу и**

---

¹ Кузнецова О.Д. Проблемы реализации принципа состязательности при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2004. – С. 114.

² См.: ч. 2 и 3 ст. 29; гл. 9, 14, 15 УПК РФ.

³ См.: Ким Д.В. Криминалистические ситуации и их разрешение в уголовном судопроизводстве: Монография / Под ред. проф. В.К. Гавло. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 159-160.

характеризующуюся наличием у суда установленных в процессе предварительного расследования и судебного следствия доказательств, а также условиями и обстоятельствами, в которых эти доказательства исследуются, устанавливаются и добываются новые¹.

Обращаясь к УПК РФ, необходимо констатировать, что в процессе судебного разбирательства имеются свои ситуации и особенности проведения процессуальных (следственных) действий, существенно отличающиеся от проведения следственных действий на досудебных стадиях уголовного процесса. Так, например, если следственный осмотр (ст. 177, 178 УПК РФ) следователь проводит в присутствии понятых, а также в необходимых случаях с участием других лиц (подозреваемых, обвиняемых, специалистов и т.д.) и оформляет это протоколом следственного действия, то судебный осмотр, согласно ст. 287 УПК РФ, проводит суд с участием сторон, а при необходимости и других участников судебного разбирательства (свидетелей, экспертов, специалистов и т.д.). В судебном осмотре не требуется участие понятых. Весь ход и итоги судебного осмотра отражаются в протоколе судебного заседания.

Огромные тактические возможности открываются перед судом в допросе с использованием тактического приема – перекрестный допрос, который является важным средством исследования доказательств в состязательном судопроизводстве. Хотя УПК РФ не содержит термин «перекрестный допрос», процессуальная процедура допроса позволяет его проводить. Он является, «возможно, самым важным и, несомненно, самым трудным и опасным для допрашивающего. В суде с участием присяжных заседателей значимость перекрестного допроса возрастает многократно: он становится **доминантой** судебного состязания»². Такие особенности характерны и для других судебных действий.

Все это, несомненно, влечет за собой тактические особенности проведения следственных (судебных) действий в ходе судебного разбирательства, что является прерогативой криминалистики³. При этом для суда открывается творческий простор, рассчитанный на исследования конкретных ситуаций судебного следствия и их наиболее эффективное разрешение. Ситуационный подход, таким образом, позволяет разрабатывать конкретные мето-

---

¹ Там же. – С. 160.

² Александров А.С., Гришин С.П. Перекрестный допрос. – М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2005. – С. 3. См. также: Александров А.С. Язык уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2003.

³ См., напр.: Карагодин В.Н. Перспективы расширения предмета криминалистической тактики // Современное российское право: федеральное и региональное изменение. – Барнаул, 1998. – С. 213-217; Гавло В.К., Воронин С.Э. Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде: Учеб. пособие. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2000. – С.17-37; Корневский Ю.В. Криминалистика для судебного следствия. – М.: ЦентрЮрИнфоР, 2001. – С. 142-190 и др.

дики по ведению судебного разбирательства с учетом складывающихся судебных ситуаций.

С введением УПК РФ обострился ряд проблем, связанных с производством по уголовным делам, подсудным мировому судье (гл. 41 УПК РФ). Учитывая то, что обязанность сбора доказательств по этим категориям дел возложена на стороны, которые лишены права проводить следственные действия, а судебное разбирательство имеет свою специфику, не трудно видеть, что мировые судьи нуждаются в методических рекомендациях, касающихся процессуальных и тактических вопросов возбуждения уголовных дел частного обвинения, подготовки их к слушанию, а также по рассмотрению данной категории дел в судебном заседании¹.

В связи с этим необходимы научные разработки и по такому забытому, но возрожденному вновь в УПК РФ производству, как апелляционное. Эта процедура позволяет не формально, а по существу приговора, с новым исследованием доказательств в суде вышестоящей инстанции проверить правосудность приговора, вынесенного по 1 инстанции, с правом его замены новым решением (приговором), принятым на основе собственного познания фактов и обстоятельств дела².

Вышеизложенное позволяет констатировать, что тенденции развития криминалистической науки относительно своего предмета, ситуационная природа судебного производства (в частности, судебного следствия), объективная потребность судей в рекомендациях тактического и методического характера обуславливают активизацию исследований в области судебно-криминалистических ситуаций в целях оптимизации судебной деятельности.

При этом основной задачей ситуационного подхода на судебных стадиях уголовного процесса является типизация ситуаций, возникающих при реализации судом (судьей) своей деятельности и создании алгоритмов их разрешения.

Вопрос о классификации судебно-криминалистических ситуаций в настоящее время находится в начальной стадии исследования и не стал еще предметом широкого обсуждения³. Анализ позиций ученых показывает, что

---

¹ См., напр.: Гавло В.К. Проблемы рассмотрения уголовных дел мировыми судьями (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты) // Информационный бюллетень Управления Судебного департамента при Верховном Суде РФ в Алтайском крае. – Барнаул, 2002. – С. 17-20.

² См.: Александров А.С., Ковтун Н.Н. Апелляционное производство в уголовном процессе России: Учеб. пособие. – Н. Новгород: Нижегородский юрид. ин-т МВД РФ, 2000. – С. 4; Куссмауль Р.Э., Воронин В.В., Камзенев Е.Б., Балакшин В.С. Процессуальный статус и полномочия суда апелляционной инстанции (дискуссия) // Уголовный процесс. – 2007. – № 11. – С. 38-43 и др.

³ См., напр.: Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуология. – М., Калининград, 1997. – С. 111-114; Ким Д.В. Следственная ситуация как информационно-познавательная система в деятельности по расследованию преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1999. – С. 130-145; Гавло В.К., Воронин С.Э. Актуальные

основной проблемой на сегодняшний день является выработка объективного критерия приведения всех ситуаций, складывающихся в судебном производстве в единую систему¹.

Так, в зависимости от стадий уголовного процесса В.К. Гавло и С.Э. Воронин выделяют ситуации, возникающие в судах 1 кассационной и надзорной инстанции². Полагаем, с учетом УПК РФ указанную классификацию можно дополнить еще одним видом ситуаций, складывающихся в апелляционной инстанции.

В зависимости от уровня познания судебные ситуации (по аналогии со следственными) В.К. Гавло подразделяет на типовые и реальные, где типовые характеризуют теоретический, а реальные – эмпирический уровни познания. Реальные, в свою очередь, делятся на типичные и атипичные³.

Полагаем, реальные ситуации более правильно именовать как индивидуальные (конкретные), в связи с тем что реальность, как это было показано в предыдущих параграфах работы, «предстает» перед субъектом доказывания (в нашем случае перед судьей) в субъективном аспекте, а поэтому для каждого субъекта ситуация будет своя, индивидуальная, как воспринятая и оцененная им по-своему.

С учетом роли составляющих компонентов ситуации целесообразно выделять:

- 1) судебно-криминалистические ситуации с элементами конфликтности;
- 2) судебно-криминалистические ситуации с элементами тактического риска;
- 3) судебно-криминалистические ситуации с элементами организационной неупорядоченности;
- 4) смешанные судебно-криминалистические ситуации, в которых присутствуют элементы ситуаций 1-3.

Проблемность и конфликтность чаще всего проявляются при производстве отдельных следственных действий. Например, ситуации с элементами конфликтности часто возникают при допросе подсудимых, свидетелей, потерпевших, особенно при перекрестном допросе по сложным делам и противоречивых показаниях – 38% (от изученных нами дел), в ситуациях, когда суд отказывает стороне защиты раскрыть подлинные сведения о лице, дающем показания в условиях визуальной недоступности или отказе потерпевшего от дачи показаний. Для преодоления таких ситуаций важно соблюдать

проблемы поисково-познавательной деятельности в суде: Учеб. пособие. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2000. – С.17-37 и др.

¹ Подробнее см.: Гавло В.К., Клочко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: Монография / Под ред. проф. В.К. Гавло. – Барнаул: АлтГУ, 2006. – С. 190-212.

² Гавло В.К., Воронин С.Э. Указ. раб. – С.18.

³ Гавло В.К. О диалектике типичного и атипичного в методике расследования // Повышение эффективности расследования. – Иркутск, 1986. – С. 21-30.

требования уголовно-процессуального закона и тактические приемы, находящиеся в арсеналах криминалистики¹.

Типовые судебно-криминалистические ситуации могут различаться по характеру возникшей и разрешаемой судом (судьей) проблемы, по исследованию судом доказательств, достаточных для принятия решения по существу дела (ст. 274 УПК РФ). В связи с этим С.Э. Воронин выделяет четыре типовые ситуации:

- 1) судебные ситуации, связанные с сохранением в суде доказательств, полученных на предварительном следствии;
- 2) судебные ситуации, связанные с восполнением пробелов в материалах предварительного следствия;
- 3) судебные ситуации, связанные с оценкой доказательств в суде;
- 4) судебные ситуации, связанные с принятием решения по существу дела².

По степени информационной определенности ситуации классифицируют на детерминированные и рандомизированные³. Данная классификация необходима для раскрытия диалектики единства необходимости и случайности в развитии судебно-криминалистических ситуаций.

Одним из оснований классификации ситуаций могут выступать фактические и иные данные, которые формируют ситуацию относительно определения этапов и направления судебного разбирательства. С учетом изложенного, полагаем, можно выделить:

- 1) судебно-криминалистические ситуации, характеризующие ход и результаты судебного разбирательства в целом (общие судебные ситуации);
- 2) судебно-криминалистические ситуации, характеризующие ход и результаты судебного разбирательства относительно отдельных эпизодов;
- 3) судебно-криминалистические ситуации, характеризующие ход и результаты судебного разбирательства при производстве отдельных судебных (следственных) и иных процессуальных действий.

Подчеркивая значимость информационного компонента судебно-криминалистических ситуаций, влияющего на определение их вида и пра-

---

¹ Интересные рекомендации на этот счет см.: Александров А.С., Гришин С.Н. Перекрестный допрос. – М.: Проспект, 2005. – С. 156; Печерский В.В. Типовые программы допроса на предварительном и судебном следствии: Учеб.-практ. пособие. – М.: Юрлитинформ, 2005. – С. 24-64; Панасюк А. Разрешение конфликтных ситуаций; стратегия и тактика судьи // Рос. юстиция. – 1997. – № 5. – С. 51-52; Комаров И.М. Теоретическая концепция тактической комбинации судебного исследования и предотвращения преступлений // Вестник Барнаульского юридического института. – Барнаул: БЮИ МВД России, 1999. – С. 29-52; Корневский Ю.В. Криминалистика для судебного следствия. – М.: ЦентрЮрИнфоР, 2001 и др.

² Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – С. 37-38.

³ Гавло В.К., Воронин С.Э. Указ. раб. – С. 35.

вильную диагностику, в зависимости от количества доказательств, ставших предметом рассмотрения в судебном разбирательстве, в литературе выделяют три большие группы судебных ситуаций:

- 1) количество доказательств не изменяется по сравнению с предварительным расследованием;
- 2) количество доказательств уменьшается;
- 3) количество доказательств увеличивается¹.

Преимущество этих двух классификационных систем, по нашему мнению, заключается в том, что они нацеливает суд и стороны на комплексное использование достижений криминалистики, накопленных ею в рамках тактики и методики расследования преступлений. При этом тактическое, организационно-управленческое и иное решение на том или ином этапе судебного разбирательства различно, поскольку содержательная, информационная базы и условия формирования этих ситуаций отличаются друг от друга, хотя они и находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости.

С учетом мыслительной деятельности субъектов все судебные ситуации (по аналогии с криминалистическими ситуациями) можно разделить на репродуктивные (алгоритмические) и продуктивные. Продуктивные, в свою очередь, – на эвристические и творческие.

В зависимости от уровней решаемых задач можно выделить общие (стратегические) и частные (тактические) судебно-криминалистические ситуации.

Учитывая систему стадий уголовного процесса (в данном случае связанных с производством в суде), полагаем, все судебно-криминалистические ситуации можно разделить на:

- 1) ситуации подготовки к судебному заседанию;
- 2) ситуации судебного разбирательства;
- 3) ситуации апелляционного производства;
- 4) ситуации кассационного производства;
- 5) ситуации исполнения приговора;
- 6) ситуации производства в надзорной инстанции;
- 7) ситуации возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

При этом каждая из вышеназванных ситуаций может, в свою очередь, подразделяться на более частные, которые будут рассмотрены ниже.

Значение выделения ситуаций в зависимости от стадий уголовного процесса заключается в необходимости изучения их особенностей и динамики с целью создания научных методик и практических рекомендаций по их разрешению.

---

¹ Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности / Под ред. О.Н. Коршуновой. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 59; Коршунова О.Н. Теоретические и прикладные проблемы уголовного преследования: Монография. – СПб., 2006. – С. 138.

Систематизация указанных ситуаций, а также знание их особенностей позволяет, на наш взгляд, оптимизировать деятельность суда и способствует решению стоящих перед ним задач.

Оценка криминалистической ситуации судьей происходит уже на **стадии подготовки к судебному заседанию**.

Рассматривая вопросы организации судебного разбирательства, А.Ю. Корчагин отнес их не только к уголовно-процессуальным, но и криминалистическим, выделив предмет, уровни и принципы организации. По его мнению, судья на этом этапе «конкретизирует обстоятельства, входящие в предмет судебного разбирательства. Происходит это путем сопоставления научно обоснованной методики расследования и реальной модели расследования по данному делу»¹.

Такой подход заслуживает внимания и поддержки, т.к. выясняя вопросы по поступившему в суд уголовному делу, указанные в ст. 228 УПК РФ, судья не просто знакомится с материалами уголовного дела, а анализирует предшествующие ситуации – криминальную и криминалистическую. В то же время судья должен не только оценить сложившуюся на данный момент времени судебную ситуацию, но и предвидеть ситуации, которые могут возникнуть после принятия соответствующего решения. Например, в случае положительного решения вопроса об удовлетворении заявленного ходатайства (п. 4 ст. 228 УПК РФ) судья должен провести предварительное слушание в соответствии с гл. 34 УПК РФ, при этом ему целесообразно смоделировать ситуации, которые могут возникнуть, и подготовиться к их разрешению. Иначе это может привести к тому, что суд (судья), столкнувшись с нестандартной (атипичной) ситуацией, не всегда сможет принять правильное решение, будет вынужден откладывать слушание дела, кроме того это может привести к судебным ошибкам.

Учитывая это, Н.П. Кириллова выделила типичные ситуации, которые могут быть спрогнозированы судьей при изучении материалов дела и назначении дела к слушанию, в том числе исходя из характера заявленных ходатайств, предложив алгоритмы их разрешения².

Проведенные нами исследования показали, что хотя стороны и заявляют ходатайства об исключении доказательств, однако при рассмотрении этих ходатайств на предварительном слушании стороны не используют все предусмотренные законом возможности по доказыванию изложенных доводов, что влечет за собой отказ в удовлетворении ходатайств. Кроме того, ряд нарушений, допущенных при собирании доказательств, не могут служить основанием для признания доказательств недопустимыми, а несут

---

¹ Корчагин А.Ю. Судебное разбирательство уголовных дел: понятие, организация, тактика. – М., 2006. – С. 124.

² Кириллова Н.П. Указ. раб. – С. 370-375.

формальный характер и даже характер технических ошибок¹. В дальнейшем спор сторон относительно исключения доказательств может перерасти в ситуацию с элементами конфликтности, которая, в свою очередь, на последующих стадиях уголовного процесса вызывает проблемы более серьезного порядка.

Так, осужденные приговором Алтайского краевого суда за убийство директора птицефабрики «Молодежная» Сироты М.М. – Зотов А.Н., Тарлыков О.А., Газенбуш О.В. и Мануйлов Е.Д. – виновными себя не признали и в своих кассационных жалобах указали на незаконность приговора, который, по их мнению, был постановлен на недопустимых доказательствах. В частности, они указывали на фальсификацию доказательств следователем, который не ознакомил обвиняемых с составом следственной группы и правом на отвод ее членов, не разъяснил права, предусмотренные ст. 47 УПК РФ, не допустил к участию в деле одного из защитников, грубо нарушил процессуальный закон при производстве следственных действий, оказывал давление на участников процесса. Кроме того, они указали на то, что имело место отклонение ходатайств обвиняемых и их защитников, в то же время ходатайства стороны обвинения удовлетворялись.

Конфликт, возникший на стадии предварительного расследования, перерос и на судебные стадии. В тех же жалобах осужденные подчеркивали, что судебное заседание проведено необъективно, с обвинительным уклоном и нарушением закона. В судебном заседании было изменено обвинение в части мотивов преступления, что повлекло якобы нарушение права на защиту. С участием присяжных заседателей исследовались обстоятельства, которые не подлежали исследованию, в то же время не исследовались обстоятельства, которые имели существенное значение. На присяжных оказывалось давление со стороны СМИ и т.д. Адвокаты осужденных приводили аналогичные доводы, считали приговор незаконным и просили его отменить.

Конфликт был разрешен только в Верховном Суде РФ, который выступал в качестве кассационной инстанции по делу. В своем кассационном определении Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала на то, что доводы, изложенные в кассационных жалобах, не нашли своего подтверждения и являются несостоятельными. С учетом изложенного коллегия приговор Алтайского краевого суда оставила без изменения, а кассационные жалобы – без удовлетворения².

В приведенном примере хорошо прослеживается динамика криминалистической ситуации с элементами конфликтности. Возникнув еще на стадии

---

¹ Подробнее см.: Алексеев А.Г. Вопросы теории и практики заявления, рассмотрения и разрешения ходатайств в уголовном процессе Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2005. См. также: Золотых В.В. Предварительное слушание уголовных дел: Учеб. пособие. – Ростов н/Д., 2002. – С. 95-96.

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 июля 2004 г. № 51-004-53сп.

предварительного расследования, конфликт на судебных стадиях не только не был урегулирован, но и еще более усугубился, что явилось основанием для якобы предвзятого отношения суда (следует заметить, что суд проходил с участием присяжных заседателей) по отношению к обвиняемым. Полагаем, что если бы у судьи были конкретные рекомендации по разрешению сложившейся ситуации, дело могло развиваться совсем по другому сценарию.

В связи с этим заслуживает внимания позиция И.В. Румянцевой, предлагающей для судьи на стадии подготовки к судебному заседанию, в частности при проведении предварительного слушания смоделировать общую характеристику судебного следствия, которая может сформироваться, исходя из анализа материалов уголовного дела, а также из оценки степени активности реализации позиции по делу обвинителем и защитником, характером и содержанием заявленных ими ходатайств¹.

С учетом типовых ситуаций в ходе предварительного слушания она предлагает судье моделировать:

- 1) поведение обвинителя и защитника в судебном следствии;
- 2) поведение подсудимого;
- 3) поведение лиц в подсистеме «подсудимый – потерпевший – свидетель»;
- 4) проведение судебных действий, ход которых может вызвать возникновение конфликтных ситуаций судебного следствия, которые могут воспрепятствовать проведению судебного следствия².

Считаем, что указанные предложения имеют практическое значение и нуждаются в дальнейших исследованиях.

Завершающим этапом стадии подготовки к судебному заседанию является принятие судьей одного из решений, указанных в ч. 1 ст. 231 и ч. 1 ст. 236 УПК РФ. Принимая решение, судья на основе анализа (сопоставления) криминальной и криминалистической ситуаций, которые отражены не только в материалах дела, но и в позициях сторон, высказанных в рамках предварительного слушания, фактически разрешает для себя сложившуюся на данном этапе судебно-криминалистическую ситуацию. Причем уголовно-процессуальный закон содержит исчерпывающий перечень вопросов, которые должен решить для себя судья, а также указывает на обстоятельства, которые необходимо отразить в постановлении о назначении судебного заседания (ст. 231 УПК РФ). В противном случае ситуация не будет решена, а вынесенный приговор будет подлежать отмене.

Так, отменяя приговор в отношении П., Судебная коллегия по уголовным делам Алтайского краевого суда указала, что в соответствии с ч. 3 ст. 231 УПК РФ в постановлении о назначении судебного заседания должны

---

¹ Румянцева И.В. Ситуационный подход в судебном следствии суда I инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2004. – С. 108.

² Там же. – С. 111.

содержаться решения о назначении судебного заседания с указанием фамилии, имени и отчества каждого обвиняемого и квалификации вменяемого ему в вину преступления. Согласно обвинительному заключению, П. обвинялся в совершении ряда преступлений. Однако в постановлении о назначении судебного заседания не все преступления нашли свое отражение. По мнению кассационной инстанции, суд в нарушение ч. 3 ст. 231 УПК РФ в постановлении о назначении судебного заседания не указал квалификацию вмененных П. преступлений по ч. 3 ст. 158 УК РФ по части эпизодов¹.

Следующей судебной стадией, являющейся центральной в уголовном судопроизводстве, выступает **стадия судебного разбирательства**.

С учетом этапов, выделяемых в уголовно-процессуальной науке, все ситуации судебного разбирательства, по нашему мнению, можно классифицировать следующим образом:

- 1) ситуации первоначального этапа судебного разбирательства (охватывают подготовительную часть судебного разбирательства);
- 2) ситуации дальнейшего этапа судебного разбирательства (охватывают судебное следствие, прения сторон, последнее слово подсудимого);
- 3) ситуации заключительного этапа судебного разбирательства (охватывают постановление и провозглашение приговора)².

Практическое значение указанной классификации состоит в том, что судья (суд) имеет возможность спрогнозировать примерный ход развития судебного разбирательства и выбрать варианты своего поведения в целях наиболее эффективного разрешения дела по существу.

Для ситуаций первоначального этапа судебного рассмотрения уголовных дел характерно то, что на этом этапе совершаются действия, направленные на проверку наличия процессуальных условий, необходимых для рассмотрения конкретного дела при данном составе суда (наличии состава участников разбирательства, прибывших в суд экспертов, свидетелей и т.д.). В случае обнаружения недостаточности каких-либо процессуальных условий (замена отведенного судьи, прокурора, эксперта; отсутствие потерпевшего, свидетеля и т.д.) необходимо принять меры по обеспечению явки, а также по подготовке нормального, отвечающего требованиям закона процесса во всех следующих частях судебного разбирательства.

Помимо процессуальных вопросов, определенных уголовно-процессуальным законом, участники судебного разбирательства оценивают криминалистическую ситуацию, отраженную в обвинительном заключении (обвинительном акте), в самом общем виде с позиции возможности (невоз-

---

¹ Определение Судебной коллегии Алтайского краевого суда № 22-40/2005 г.

² Схожую позицию по этому вопросу занимают И.В. Посохина и О.Н. Коршунова. См.: Посохина И.В. Типичные судебные-следственные ситуации по делам о взяточничестве // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. – М.: Спарк, 2005. – Вып. 3 (15). – С. 78-85; Коршунова О.Н. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы уголовного преследования: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006. – С. 17-18.

возможности) ее разрешения в ходе судебного разбирательства с учетом той ситуации, которая возникла на данный момент судебного разбирательства.

Н.П. Кириллова выделяет следующие типовые ситуации, возникающие на этом этапе: отказ подсудимого от защитника, когда его участие обязательно; ситуации, вызванные заявлением ходатайств; неявка вызванных в судебное заседание участников процесса¹. Именно последняя ситуация встречается чаще всего. Проведенные нами опросы судей показали, что почти каждое третье уголовное дело откладывается по различным причинам, среди которых первое место занимает неявка участников процесса (в 80% случаев). Наряду с обычным игнорированием требования суда о явке в судебное заседание, к сожалению, все чаще по корыстно-насильственным преступлением имеет место неявка свидетелей по причине боязни за свою жизнь и жизнь своих близких.

Так, например, предварительное расследование по уголовному делу в отношении Чурсина, Булгакова и Устинова, обвинявшихся в разбойных нападениях на граждан, было окончено в срок. Тем не менее суд неоднократно откладывал судебное разбирательство в связи с неявкой потерпевшего Раченко и свидетеля Сысоева, признав их участие в судебном заседании обязательным в связи с тем, что остальные потерпевшие отказались от явки в суд ввиду поступивших в их адрес угроз расправы².

Описанная ситуация стала возможной в связи с тем, что действующее законодательство и сложившаяся практика не в полной мере обеспечивают безопасность участников уголовного судопроизводства. Часть преступлений (корыстно-насильственных, «заказных», связанных с организованной преступностью) раскрываются оперативным путем, поэтому вызов в судебное заседание лиц, сотрудничающих с правоохранительными органами, обеспечив им полную безопасность, исключив расклевывание, в нынешней ситуации вряд ли возможен. Поэтому необходимо создать практический механизм (помимо законодательного), реально обеспечивавший бы безопасность участников уголовного судопроизводства и, в первую очередь, свидетелей обвинения. В этом процессе немаловажную роль может сыграть криминалистика. В частности, ее разработки в области техники, тактики и методики позволяют уже сейчас использовать видеоконференцсвязь, Интернет-технологии, исключающие явку участников процесса непосредственно в зал судебного заседания. Кроме того, значительная часть судей и прокуроров не располагает достаточными знаниями в области оперативно-розыскной деятельности, ее возможностях и сферы правового регулирования. В связи с этим целесообразно не только проводить обучение судейского корпуса хотя бы основам ОРД, но и разработать методические рекомендации по использованию результатов ОРД в процессе доказывания по уголовному делу с учетом типичных криминалистических ситуаций, склады-

---

¹ Кириллова Н.П. Указ. раб. – С. 375.

² Архив Колпашевского городского народного суда Томской области. Д. № 1-42/98.

вающихся в процессе судебного заседания. Полагаем, это перспективное направление требует своего дальнейшего исследования.

Для ситуаций дальнейшего этапа судебного рассмотрения уголовных дел характерно то, что судом с участием сторон производится непосредственное исследование всех доказательств, необходимых для обоснования приговора либо иного решения, которое может быть принято судом. Необходимо отметить то, что на этом этапе суд может выявить новые данные, тогда они подвергаются новой, более глубокой, проверке с привлечением как отсеявшихся, так и новых доказательств. Однако следует заметить, что в соответствии с УПК РФ доказательства должны рассматриваться в рамках предъявленного обвинения (ст. 252 УПК РФ). Здесь могут возникнуть новые версии, выявиться новые обстоятельства и новые доказательства, касающиеся мотивов преступления, обстоятельств его совершения, личности преступника, соучастников и т.д.

На данном этапе суд в процессе оценки криминалистической ситуации, сложившейся на момент окончания предварительного расследования и отраженной в обвинительном заключении, создает фундамент будущего приговора. В рассматриваемом этапе целесообразно выделять подэтапы (судебное следствие, судебные прения и т.д.). Выделение подэтапов диктуется необходимостью целенаправленной проверки версии в складывающихся новых ситуациях, если, например, в ходе судебных прений или последнего слова подсудимого могут появиться новые, существенные для дела обстоятельства (о способе преступления, соучастниках и т.д.), которые не были рассмотрены ранее¹.

Для этих подэтапов характерны свои методы исследования доказательства, присущие той или иной судебно-криминалистической ситуации.

Ситуации заключительного этапа судебного рассмотрения уголовных дел характеризуются тем, что суд, оценив доказательства и доводы сторон, принимает решение о виновности или невиновности подсудимого и о применении или неприменении к нему наказания, т.е. окончательно разрешает криминалистическую ситуацию, отраженную в обвинительном заключении (обвинительном акте).

---

¹ Выделение подэтапов на различных стадиях уголовного процесса способствует разработке более конкретизированных методических рекомендаций, на что совершенно правильно обратила внимание О.Н. Коршунова. См.: Коршунова О.Н. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы уголовного преследования: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006. – С. 17-18.

Все рассмотренные выше ситуации характеризует то, что восприятие и оценка информации судом существенно отличаются от восприятия и оценки той же самой информации следователем¹, а значит, и криминалистическая ситуация воспринимается этими субъектами по-разному. Это, на наш взгляд, проявляется в следующем:

- во-первых, в процессе предварительного расследования субъект доказывания работает по свежим следам, широко используя научно-технические средства, тактические приемы и методические рекомендации по расследованию преступлений. Суд (в т.ч. и мировой судья) чаще всего исследует доказательства, которые отражены в материалах уголовного дела и получены в ходе судебного следствия.

- во-вторых, если судебное следствие происходит в суде присяжных, то присяжные заседатели, не имея специальной подготовки, оценивают собранные доказательства не с точки зрения закона, а со своих жизненных позиций (нравственности, этики, добра, справедливости и т.д.).

- в-третьих, возможности суда ограничены, т.к. он в своей деятельности не может выходить за рамки предъявленного обвинения и рассматривает уголовное дело в пределах, установленных законом (ст. 252 УПК РФ). А это, в свою очередь, не может не отразиться на тактическом арсенале судебного разбирательства в складывающихся в суде ситуациях. Тактические приемы, применяемые в досудебном и судебном производстве, различны, что требует их дальнейшей разработки.

- в-четвертых, различие между предварительным расследованием и судебным разбирательством заключается в различном значении выводов, которые делаются по результатам обнаружения и исследования доказательств².

---

¹ Ковтун Н.Н. О роли суда в доказывании по уголовным делам в свете конституционного принципа состязательности процесса. // Гос-во и право. – 1998 – № 6. – С. 59-63; Белкин А.Р. Теория доказывания: Науч.-метод. пособие. – М.: НОРМА, 1999; Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: Науч.-практ. пособие. – М.: Проспект, 2000; Алиев Т.Т., Межуева Е.А., Понамаренков В.А., Громов Н.А. Понятие и структура уголовно-процессуального доказывания // Следователь. – 2003 – № 2. – С. 12-20 и др.

² См., напр.: Миньковский Г.М. Пределы доказывания // Теория доказательств в советском уголовном процессе. – М., 1973. – С. 195; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. – М.: Юристъ, 2002. – С. 470, 484-485, 522-524 и др.

Основная оценка доказательств и доказательственной информации в суде происходит в ходе судебного следствия и складывающихся ситуаций. Анализ криминалистической литературы показывает, что учеными предпринимались попытки классифицировать ситуации судебного следствия, а также предлагались рекомендации по их разрешению¹.

В дополнение к уже имеющейся классификации, в зависимости от позиции подсудимого как одного из основных участников процесса, нами были выделены следующие ситуации судебного следствия:

- 1) ситуация, когда подсудимый признает себя виновным полностью;
- 2) ситуация, когда подсудимый признает себя виновным частично;
- 3) ситуация, когда подсудимый меняет свои показания на протяжении всего судебного следствия;
- 4) ситуация, когда подсудимый не признает себя виновным и полностью отрицает свою причастность к совершенному преступлению.

Возможны и более частные варианты указанных ситуаций². Выделенные ситуации предлагается решать следующим образом.

1. Ситуация, когда подсудимый признает себя виновным полностью, встречается в 28% случаев по изученным нами материалам судебной практики.

Подобные ситуации складываются, когда в деле имеется достаточно данных, свидетельствующих о причастности подсудимого к совершенному преступлению. Чаще всего эти ситуации являются следствием криминалистических ситуаций, которые имели место на стадии предварительного расследования, когда обвиняемый с самого начала признавал свою вину и активно помогал следствию. Своей позиции он придерживается и на судебном следствии.

В таких ситуациях государственному обвинителю очень важно акцентировать внимание на детализации показаний подсудимого относительно

---

¹ См.: Гавло В.К., Воронин С.Э. Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде: Учеб. пособие. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2000; Клименко И.И. Проблемы расследования и судебного следствия по делам о разбойных нападениях, совершенных организованными группами с проникновением в охраняемые помещения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001; Беспечный О.В. Теоретические и практические проблемы расследования преступлений, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2003; Корчагин А.А. Расследование убийств, связанных с исчезновением лиц женского пола: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2003; Псарева Б.В. Расследование корыстно-насильственных преступлений в отношении водителей автотранспорта, пассажиров и перевозимых грузов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2003; Румянцева И.В. Ситуационный подход в судебном следствии суда I инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2004. – С. 75-102 и др.

² См., напр.: Конин В.В. Тактика защиты подсудимого в суде I инстанции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2003; Румянцева И.В. Ситуационный подход в судебном следствии суда I инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2004. – С. 112.

обстоятельств совершенного преступления, применяя криминалистический метод детализации преступного события. Это «специальный метод познания закономерностей совершения преступлений, который применяется в ходе предварительного и судебного следствия и основан на учете и выделении мелких деталей и отдельных частей как следов-последствий содеянного, причинно связанных с расследуемым событием преступления. Наличие или отсутствие мелких деталей, отдельных частей как следов-последствий содеянного в таком случае выступает как средство познания происшедшего события преступления и как судебное, прямое или косвенное доказательство по уголовному делу»¹.

Применительно к судебному следствию суть указанного метода заключается в том, что участники процесса, анализируя криминальную и криминалистическую ситуации, обязаны обращать внимание на мелкие, на первый взгляд, несущественные детали. В частности, в ходе допроса подсудимого должны быть выяснены вопросы, касающиеся элементов криминалистической характеристики преступления. Кроме того, государственный обвинитель должен выявить все детали относительно предмета доказывания, указанные в ст. 73 УПК РФ.

При допросе других участников судебного следствия (потерпевшего, свидетеля, гражданского истца и т.д.) как в анализируемой ситуации, так и в остальных ситуациях, указанных выше, нередки случаи, когда участники, вызванные в суд, меняют свои показания, данные на предварительном следствии. В этом случае суд обязательно должен устанавливать причину такого искажения информации.

Одним из самых распространенных следственных (судебных) действий является допрос свидетеля. В то же время, с тактической точки зрения, это одно из самых сложных действий. Как справедливо заметил А.С. Александров, «добиться представления свидетелем фактов по делу в форме, убеждающей судебную аудиторию, – это то, к чему, безусловно, следует стремиться юристу»². Учитывая вышеизложенное, автор не только классифицировал виды судебных допросов, но и предложил их тактические приемы³.

В зависимости от формируемых показаний свидетеля относительно подсудимого И.В. Румянцев выделяет три типовые ситуации, характерные для судебного следствия:

1. Ситуация активной защиты подсудимого путем дачи положительных характеристик его личности, когда свидетель (близкие родственники, лица) испытывают к нему жалость, сочувствие и т.д.

---

¹ См.: Гавло В.К. Метод криминалистической детализации преступного события и его роль в расследовании преступлений // Актуальные вопросы государства и права: Сб. статей. – Томск, 1987. – С. 233-234.

² Александров А.С. Язык уголовного судопроизводства: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2003. – С. 51.

³ Там же. – С. 49-53.

2. Ситуация пассивной защиты, когда свидетель (как правило, безразличный к судьбе подсудимого, не относящийся к близким для него лицам или, наоборот, близкий, но отчаявшийся в его исправлении) безоценочно и неэмоционально констатирует факты, известные из его биографии, помогая его защите только своим присутствием в суде.

3. Ситуация, в которой свидетель по различным мотивам дает отрицательную характеристику подсудимого, причем как правдивую, так и не отвечающую действительности¹.

Выделенные ситуации имеют практическое значение, т.к. могут помочь в анализе поведения свидетеля при даче своих показаний на этапе судебного следствия.

В частности, судебная практика показывает, что в первой ситуации свидетели, как правило, заинтересованы в судьбе подсудимого, поэтому открыто его защищают и приукрашивают события, имевшие место в действительности.

Так, на предварительном следствии по делу о заказном убийстве директора птицефабрики «Молодежная» Сироты М.М. подсудимый Мануйлов утверждал, что потерпевший расплатился с ним лично по всем долгам за строительство дороги еще в апреле 2000 г., поэтому каких-либо претензий материального характера у него к директору птицефабрики не было, в связи с чем отсутствовали основания для высказывания угроз в адрес Сироты, а также мотив для организации его убийства. Эти доводы Мануйлова подтверждали зять Мануйлова – Речкин, а также свидетели – Скрынниченко, Колесникова и Волокитин.

Однако следователь не устранил противоречия в показаниях свидетелей, которые шли вразрез с другими доказательствами, ограничившись лишь констатацией доказанности мотива материалами дела.

Возникшая ситуация переросла в проблемную ситуацию судебного следствия, когда суд, проверяя версию обвинения, был вынужден вызывать дополнительных свидетелей и исследовать новые доказательства.

В ходе судебного следствия доводы свидетелей защиты были опровергнуты не только материалами дела, но и свидетельскими показаниями Мурыгина, Халилова и других работников птицефабрики, вызванных в суд. В процессе судебного следствия было установлено, что какие-либо бухгалтерские документы, подтверждающие факт выплаты Сиротой Мануйлову суммы в 200 тыс. рублей наличными, как это пытался представить Мануйлов, отсутствуют. Личные отношения между Сиротой и Мануйловым из деловых переросли в конфликтные в связи с принципиальной позицией потерпевшего и его отказом Мануйлову заплатить деньги за недобросовестное, с нарушением договора, строительство дороги, из-за чего последний систематиче-

---

¹ Румянцева И.В. Ситуационный подход в судебном следствии суда I инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2004. – С. 114.

ски звонил Сироте, требовал деньги, угрожал, направлял лиц криминальной направленности с требованием вернуть денежный долг.

В собственноручном заявлении, адресованном прокурору Алтайского края, датированном 25 июня 2000 г., Мануйлов, поясняя о злоупотреблениях Сироты как директора птицефабрики, указывал и на то, что последний не выплатил ему деньги за строительство дороги, что в очередной раз опровергало его же показания и показания свидетелей.

В связи с изложенным судебная коллегия критически отнеслась к показаниям Мануйлова и его свидетелей. В своем приговоре указала, что свидетели дали показания в пользу Мануйлова, т.к. заинтересованы в благополучном для Мануйлова исходе дела, находясь с последним не только в деловых, но и дружеских отношениях, а также дружеских отношениях с членами его семьи¹.

Типичны ситуации, когда свидетель дает крайне негативную оценку подсудимому, которая не всегда соответствует действительности.

Так, постановлением Президиума Верховного Суда РФ кассационное определение по уголовному делу в отношении Исакова, осужденного судом присяжных Алтайского краевого суда 24 октября 2003 г. по ряду тяжких преступлений, в т.ч. и за разбойное нападение на Бетенькова с применением оружия, а также покушение на убийство, сопряженное с разбоем, было отменено и направлено на новое кассационное рассмотрение.

Одним из оснований принятия такого решения явилось то, что в своей жалобе адвокат указывал на показания свидетеля обвинения Шатого, который не только крайне негативно отзывался о личности подсудимого, но и в нарушение ч. 8 ст. 335 УПК РФ сообщил присяжным заседателям о судимости Исакова².

Когда на судебном следствии суду не удастся выяснить у свидетеля обстоятельства, о которых он сообщал в ходе предварительного расследования либо когда свидетель не может присутствовать в судебном заседании, то стороне обвинения следует заявить ходатайство об оглашении показаний свидетеля в порядке ст. 281 УПК РФ. При этом суду необходимо выяснить, вызвано ли отсутствие свидетеля уважительной причиной. При необходимости суд должен отложить судебное заседание и, в случае заявления одной из сторон ходатайства, принять все меры по явке свидетеля в суд, вплоть до принудительного привода. Невыполнение указанных действий может привести к отмене приговора.

Так, Радюк и Халманов были осуждены судом присяжных за тяжкие преступления, в т.ч. и за убийство Махова. Однако в своих кассационных жалобах осужденные и их адвокаты просили приговор суда отменить, считая его основанным на недопустимых доказательствах. В качестве одного из оснований они указывали на принятие решения судьей об оглашении пока-

---

¹ Из практики Алтайского краевого суда за 2002 г.

² Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 3 ноября 2004 г. № 556п04.

заний, данных на предварительном следствии свидетелем Ш., не явившемся в судебное заседание. При этом судья сослался на рапорты работников милиции и признал исключительными причины неявки в суд данного свидетеля.

Между тем кассационная инстанция установила, что при обсуждении заявленного ходатайства государственного обвинителя об оглашении показаний свидетеля Ш. рапорты работников милиции не исследовались. Об отсутствии рапортов в деле на момент рассмотрения ходатайства свидетельствует и сделанное адвокатом заявление при возражении на оглашение показаний свидетеля, отраженное в протоколе судебного заседания: «Государственный обвинитель не представил никаких доказательств, подтверждающих невозможность доставить Ш. на судебное заседание».

Кроме того, обсуждение и принятие решения по оглашению показаний свидетеля Ш. происходили 5 февраля 2004 г., а имевшийся в деле рапорт датирован 6 февраля 2004 г. и передан в суд по телефаксу 9 февраля 2004 г.

Таким образом, председательствующий при принятии решения сослался на документ, который не был предметом исследования в суде.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала решение об оглашении протокола допроса свидетеля Ш. незаконным, приговор отменила, а дело направила на новое судебное рассмотрение¹.

Одним из проблемных вопросов, возникающих в судебной практике, является распространение свидетельского иммунитета, на лиц, которые в силу своего возраста не в состоянии оценить родственные отношения и, соответственно, последствия, которые могут наступить после дачи показаний в отношении подсудимого. При решении этого вопроса следует согласиться с мнением С.П. Щербы и О.А. Зайцева, полагающих, что постановка такому свидетелю вопроса о том, желает ли он давать показания в отношении родственника, будет пустой формальностью, поэтому таких свидетелей следует освободить от свидетельствования².

После допросов подсудимых и свидетелей при разрешении рассматриваемой ситуации судебного следствия исследуются материалы уголовного дела, обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, а также другие вопросы, могущие быть положенные в основу приговора (ст. 299 УПК РФ).

---

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 июня 2004 г. № 4-004-74сп.

² Щерба С.П., Зайцев О.А. Охрана прав потерпевших и свидетелей по уголовным делам. – М., 1996. – С. 25; См. также: Щерба С.П., Зайцев О.А., Сарсенбаев Т.Е. Охрана прав беспомощных потерпевших по уголовным делам. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2001.

2. Ситуации, когда подсудимый признает себя виновным частично.

По исследованным делам такие ситуации составили около 50%. Для более детального рассмотрения выделенную ситуацию можно подразделить на две частные:

1. Когда признаки преступления, несмотря на отрицание их подсудимым, находят свое подтверждение в материалах дела и устанавливаются в суде.

2. Когда признаки преступления, которые отрицает подсудимый, в суде не подтверждаются.

Разрешая первую из вышеуказанных ситуаций, стороне обвинения прежде всего необходимо в ходе допроса подсудимого выяснить, какие обстоятельства он признает, а какие отрицает и почему. В случае расхождения показаний, данных подсудимым в ходе предварительного расследования и в судебном следствии, стороной обвинения должно быть заявлено ходатайство об оглашении первоначальных показаний. После чего необходимо выяснить, давал ли подсудимый такие показания и как происходил допрос (соблюдались ли требования уголовно-процессуального закона, не было ли воздействия со стороны органов предварительного расследования и т.д.). Позиция подсудимого может быть опровергнута материалами дела путем проведения допросов потерпевших, свидетелей, а также проведения иных судебных (следственных) действий.

Следует заметить, что по поводу целесообразности проведения в ходе судебного следствия судебных (следственных) действий в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе высказывались различные мнения¹.

Полагаем, ответ здесь должен быть положительным, тем более что УПК РФ предусматривает такие возможности. В то же время при проведении судебных (следственных) действий в рамках судебного разбирательства нужно исходить из потребностей, возможностей, а самое главное – процессуального порядка их производства. Это подтверждается и нашими исследованиями. Опрошенные судьи указали на то, что у 85% из них не возникает необходимость в проведении судебных (следственных) действий (за исключением допроса), 88% – никогда в своей практике их не проводили, 5% – назначали экспертизу, 4% – проводили осмотр места происшествия, 3% – проводили освидетельствование.

---

¹ См., напр.: Воробьев Г.А. Тактические особенности судебного осмотра места происшествия // Актуальные проблемы государства и права. Уголовное право, уголовный процесс, криминалистика. – Кн. 1. – Краснодар, 1976. – С. 75-77; Бозров В.М. Современные проблемы правосудия по уголовным делам в практике военных судов России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1999; Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – С. 33-40; Корневский Ю.В. Криминалистика для судебного следствия. – М.: ЦентрЮрИнфоР, 2001. – С. 142-189 и др.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что судьи в ходе судебного разбирательства очень редко проводят судебные (следственные) действия. Конечно, не следует забывать, что в условиях судебного разбирательства и с позиции уголовно-процессуального закона производство некоторых судебных (следственных) действий затруднительно, а порой даже невозможно.

Если проанализировать УПК РФ, то можно сделать следующие выводы:

1. Законодатель прямо разрешает проводить в ходе судебного разбирательства ряд судебных (следственных) действий, таких, как: осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент, допрос, предъявление для опознания, производство судебной экспертизы.

2. Такие судебные (следственные) действия, как обыск (в т.ч. и личный), выемка, очная ставка, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, эксгумация, проверка показаний на месте, получение образцов для сравнительного исследования, контроль и запись переговоров, в гл. 37 УПК РФ не названы, но, полагаем, по смыслу закона не запрещены.

В частности, в ч. 1 ст. 86 УПК РФ закреплено, что **«собираение доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом»** (выделено нами. – Д.К.).

В то же время, учитывая цели и процессуальный порядок производства указанных выше действий, следует констатировать, что некоторые из них на этапе судебного следствия проводить нецелесообразно, например, обыск и выемку, т.к. судом необходимые материалы или документы на основании определения или постановления могут быть истребованы и приобщены к материалам дела (ст. 286 УПК РФ).

Необходимо отметить, что проведение судебных (следственных) действий в рамках судебного следствия сопряжено с организационными проблемами (ситуации с элементами организационной неупорядоченности), кроме того, следует строго соблюдать установленный законом процессуальный порядок их производства. Невыполнение последнего требования влечет за собой отмену судебного решения.

Так, в своих кассационных жалобах осужденные судом присяжных к длительным срокам лишения свободы за убийство Махова Радюк и Холманов и их адвокаты просили приговор отменить, считая его основанным на недопустимых доказательствах. В частности, они указывали на то, что заключение судебно-медицинского эксперта является недопустимым доказательством, т.к. дано по наводящим вопросам председательствующего.

Анализ протокола судебного заседания показал, что во время допроса эксперта-биолога в суде в присутствии присяжных заседателей содержание вопросов председательствующего предопределяло выводы эксперта.

«Вопрос председательствующего судьи эксперту:

– Результаты не исключают происхождения пота от Радюка или Петрова либо от смешения пота Радюка и Петрова, а от Холманова он произойти не мог?

Ответ:

– Да.

Вопрос:

– На горлышках бутылок № 4 и № 5 обнаружены пятна крови с примесями пота, которые не исключают происхождение от Холманова, а от Петрова они произойти не могли?

Ответ:

– Да, верно».

Таким образом, вышеуказанная выдержка из протокола судебного заседания свидетельствует о том, что председательствующий фактически не задавал вопросы, а высказывал свое суждение, с которыми согласился эксперт.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор отменила, а дело направила на новое судебное рассмотрение¹.

Возвращаясь к разрешению ситуации судебного следствия, когда вмененные подсудимому признаки преступления не находят подтверждения в суде полностью либо частично, суд (в зависимости от ситуации) должен исключить их из объема обвинения либо переквалифицировать действия подсудимого на менее тяжкое преступление.

Так, в приговоре суда действия Мануйлова, обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 33 и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, были переквалифицированы на ч. 4 и ч. 5 ст. 33, а также п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ как подстрекательство и пособничество в убийстве, т.е. в умышленном причинении смерти другому человеку, совершенному по найму. При этом суд исключил из обвинения квалифицирующий признак «из корыстных побуждений» как излишне вмененный.

Суд, мотивировав свое решение, указал на то, что по смыслу уголовного закона ч. 3 ст. 33 УК РФ организатор преступления должен выполнять организационные функции с начала приготовления преступления и до его завершения, при этом решать вопросы, касающиеся способа и орудий преступления, подыскания соучастников, их сплочения, определения места совершения преступления и других обстоятельств совершенного преступления.

Однако выполнение Мануйловым таких организационных функций при убийстве Сироты не усматривается.

---

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 июня 2004 г. № 4-004-74сп.

Из материалов дела установлено, что Мануйлов при посредничестве Березовского лишь нанял исполнителя предполагаемого убийства – Тарлыкова, предложив совершить убийство Сироты, пообещав за это деньги, т.е. за материальное вознаграждение, на что Тарлыков согласился. Тем самым Мануйлов выступил подстрекателем к убийству Сироты по найму. Кроме того, Мануйлов передал Тарлыкову информацию о жертве – об анкетных данных, месте работы, должности и местожительстве Сироты, о наличии фотографии потерпевшего на стенде в здании птицефабрики, выступив при этом пособником в убийстве Сироты по найму.

Осуществляя «заказ» на убийство Сироты, Мануйлов руководствовался корыстными побуждениями – стремлением извлечь материальную выгоду, однако корыстный мотив его действий полностью охватывается квалифицирующим признаком того же преступления – по найму, и дополнительной квалификации его действий в этой части не требуется.

Отказались от обвинения Мануйлова в части данного квалифицирующего признака и представители государственного обвинения.

3. Ситуация, когда подсудимый меняет свои показания на протяжении всего судебного следствия.

Такие ситуации по исследованным делам встречаются достаточно редко (около 5%). В этих ситуациях многое зависит от системы доказательств, собранных на этапе предварительного расследования. В ходе каждого допроса подсудимого необходимо как можно более подробно детализировать его показания, выясняя причину их изменения. Его показания должны сопоставляться с другими, в первую очередь прямыми доказательствами, подтверждающими виновность подсудимого в совершении преступления.

В качестве примера выделенной типичной ситуации можно привести достаточно известное дело по обвинению Маликовского, Ульянова и Костюченко в ограблении одного из филиалов «Зернобанка», расположенного в г. Барнауле, и убийстве охранника, имевшее место в 2007 г. По этому делу даже был снят документальный фильм, получивший первую премию на всероссийском фестивале в г. Москве.

Дело развивалось при следующих обстоятельствах.

В апреле 2007 г. Маликовский, работавший охранником в одном из филиалов «Зернобанка» г. Барнаула, в ходе разговора со своим приятелем Ульяновым рассказал последнему, что по роду своей деятельности ему известно про индивидуальные банковские ячейки, в которых хранятся денежные средства и ценности частных лиц. Кроме того, Маликовский пояснил, что ему известно, где хранится ключ от комнаты с ячейками, а также ключ от ячейки № 28, в которой может находиться крупная сумма денег.

Позднее ими был разработан план, согласно которому Маликовский и Ульянов должны были в вечернее время прийти к зданию банка и, под предлогом посещения спортивного зала, с разрешения охранника зайти внутрь. Охранник, который был знаком с Маликовским по службе, должен

был запустить друзей, после чего они хотели уговорить его совершить вместе с ними ограбление и поделить общий «куш». Сказано – сделано...

В назначенный день, около 22 часов, приятели пришли к зданию банка, позвонили в дверной звонок, после чего охранник впустил их в помещение. Спустившись в спортивный зал, все трое начали играть в настольный теннис. Казалось, все развивается по сценарию, однако на предложение охраннику совершить преступление Маликовский получил отказ. Такой поворот событий не смутил его. Выбрав момент, Маликовский напал сзади на охранника, обхватив руками шею, стал его душить. Не «растерялся» и Ульянов: присоединившись к другу, он стал наносить удары по голове потерпевшего теннисной ракеткой. Повалив совместными усилиями последнего на пол, Ульянов отцепил от табельного пистолета охранника кожаный ремешок и начал душить им. Убедившись, что их жертва уже не дышит, преступники взяли ключ от хранилища и ячейки № 28, которая, к их глубокому сожалению, оказалась пуста. Тогда они спустились в спортивный зал, взяли гантель и, используя ее как орудие, стали наносить ею удары по дверям ячейек, заламывая их вовнутрь. Доставая деньги и ценности, складывали их в полиэтиленовые пакеты. В результате было взломано 89 ячеек и похищено почти 27 млн рублей. Часть денег они раздали родственникам, остальную часть договорились не тратить в течение полугода, а после этого времени поделить между собой.

Это дерзкое преступление всколыхнуло город. Совместными усилиями правоохранительных органов и общественности, уже через несколько дней, преступники были задержаны. В процессе предварительного следствия каждый из них выбрал свою линию защиты. Если Ульянов и Костюченко свою вину признали и активно сотрудничали с правоохранительными органами, то Маликовский постоянно менял свои показания.

Вначале он вообще отрицал факт договоренности с Ульяновым на ограбление банка, поясняя, что пришли туда неожиданно, по предложению Ульянова. В убийстве охранника он участия не принимал, а все действия совершил один Ульянов.

Впоследствии, после того как в деле появились новые обвинительные доказательства, Маликовский дал показания, в которых всю вину за убийство переложил на Ульянова, вместе с тем не отрицал свои действия по удушению потерпевшего локтем, при этом выдвигая версии, оправдывающие его, – желание только отобрать у охранника пистолет, поугадать его, боязнь Ульянова. Этой же версии, в той или иной интерпретации, Маликовский придерживался в суде, постоянно меняя показания.

Однако показания других подсудимых, а также иные доказательства суд признал более правдивыми, согласующимися с фактическими обстоятельствами по делу. Судом была проведена большая работа. Было допрошено множество свидетелей, оглашены результаты 11 различных экспертиз, осмотрены вещественные доказательства, исследованы другие материалы.

Исследовав доказательства в совокупности, суд признал вину подсудимых доказанной полностью. Каждый из них получил по заслугам.

Таким образом, стройная система доказательств позволяет в указанной ситуации опровергнуть и уточнить позицию подсудимого. Для упрочения позиции обвинения в указанной типичной ситуации в некоторых случаях целесообразно проводить судебные (следственные) действия, руководствуясь рекомендациями, изложенными при рассмотрении предыдущей ситуации.

4. Ситуация, когда подсудимый не признает себя виновным и полностью отрицает свою причастность к совершенному преступлению.

По нашим данным, такие ситуации составили 27%. Указанную ситуацию можно подразделить на два вида:

а) когда подсудимый не признает себя виновным, полностью отрицает свою причастность к совершенному преступлению, в суде данные предварительного следствия не подтверждаются;

б) когда подсудимый не признает себя виновным, полностью отрицает свою причастность к совершенному преступлению, но в суде данные предварительного следствия подтверждаются полностью или частично.

Такие ситуации, как показывает практика, складываются в тех случаях, когда подсудимый считает, что в материалах дела нет достаточных доказательств, свидетельствующих о его виновности, либо при собирании доказательств были допущены нарушения уголовно-процессуального закона. Система доказательств основывается преимущественно на косвенных доказательствах.

Выделенные ситуации, как правило, – результат некачественного проведения расследования, они зачастую не могут быть восполнены в ходе судебного следствия и, как итог, – оправдательный приговор.

Что касается путей разрешения указанных ситуаций, то они будут даны ниже, при анализе следующей группы ситуаций судебного следствия.

Классификационным основанием этой группы ситуаций являются данные предварительного расследования, находящие или не находящие свое подтверждение в суде¹. С учетом изложенного можно выделить следующие

---

¹ Придерживаясь аналогичного мнения, О.Н. Коршунова выделяет пять групп ситуаций, складывающихся в суде первой инстанции, и предлагает пути их решения применительно к деятельности государственного обвинителя. См. подробнее: Коршунова О.Н. Действия государственного обвинителя в зависимости от ситуаций, складывающихся в суде первой инстанции при рассмотрении дела // Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности / Под ред. О.Н. Коршуновой. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 59-67; Коршунова О.Н. Теоретические и прикладные проблемы уголовного преследования: Монография. – СПб., 2006. – С. 138-143.

ситуации, характерные для судебного следствия, и предложить общие алгоритмы их разрешения¹:

1. Данные предварительного расследования в суде подтверждаются полностью. Для этих ситуаций характерно то, что версия обвинения полностью доказана материалами дела в ходе судебного следствия, а элементы состава преступления и доказательства, отраженные в обвинительном заключении (обвинительном акте), подтвердились в суде. По нашим данным, эти ситуации встретились в 60% от общего числа дел по корыстно-насиленным преступлениям, рассмотренным в суде первой инстанции.

Для государственного обвинителя в этой ситуации важно представить суду убедительную систему доказательств, свидетельствующих о совершении подсудимым преступления. В своих выступлениях он должен акцентировать внимание на доказательствах об умышленном характере совершенного преступления. Отраженные в обвинительном заключении, эти обстоятельства чаще всего устанавливаются в суде следующими алгоритмами действий: посредством допроса подсудимых, свидетелей, потерпевших, экспертов и других участников судебного заседания, предъявлением для опознания вещей, предметов, людей, осмотром вещественных доказательств и т.д.

Состязательный процесс предполагает высокую активность государственного обвинителя и профессиональной защиты. Государственный обвинитель должен предвидеть возможные контрдействия защиты, которые могут проявляться в предоставлении новых доказательств, выдвижении новых версий произошедшего события, заявлении ходатайств, подачи жалоб и т.д.

Защита в данной ситуации решает следующие задачи.

Во-первых, исследование всех существенных обстоятельств дела с учетом позиции обвинения.

Во-вторых, установление характера, пределов и степени виновности подсудимого. (В случае соучастия необходимо дать сравнительный анализ степени виновности подзащитного с другими подсудимыми).

В-третьих, дать анализ личности подсудимого, его нравственного облика, поведения на следствии и в суде.

Не следует забывать и о возможности самоговора (оговора) или дачи показаний вследствие неправомερных действий органов предварительного расследования. В данном случае возникает проблемная ситуация, в процессе которой необходимо выяснить причины возможного оговора, на котором строится обвинение.

Так, в процессе судебного разбирательства по обвинению Басинского и Можарского в совершении разбойного нападения на Белозерова было уста-

---

¹ См.: Ким Д.В. Применение ситуационного подхода в процессе судебного рассмотрения уголовных дел // Правовые проблемы борьбы с правонарушениями в России: Мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. / Под ред. Р.М. Абызова. – Барнаул: Изд-во ААЭП, 2003. – С. 94-99; Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: Монография / Под ред. проф. В.К. Гавло. – Барнаул: АлтГУ, 2006. – С. 202-212.

новлено, что «участие» Можарского стало возможным в результате оговора Басинского и дачи ложных показаний свидетелями Ходыревым и Плотниковым. Впоследствии Можарский был оправдан¹.

2. Данные предварительного расследования в суде подтверждаются частично. При этом могут иметь место изменения по объему обвинения, исключение некоторых эпизодов преступной деятельности, не нашедших своего отражения в судебном следствии, изменение обвинения на менее тяжкое (но в пределах квалификации ст. УК РФ), неподтверждение некоторых признаков преступления. Исследования показали, что чаще всего в суде не подтверждаются данные о мотивах (23%), обстановке преступления (10%), действиях преступника, направленных на подготовку к преступлению (14%), его сокрытие (10%), в 5% случаев не подтвердились данные о субъекте преступления.

Государственному обвинителю в первую очередь необходимо представить убедительную систему доказательств причастности подсудимого к преступлению. Для этого следует акцентировать внимание на протоколах осмотра места происшествия, допросов свидетелей и потерпевших, заключениях экспертов. Если приведенные доказательства взаимно дополняют друг друга и версия обвинения подтверждается, необходимо представить суду доводы относительно мотива и цели совершения преступления подсудимым.

После этого целесообразно в процессе допроса подсудимого акцентировать внимание на установлении формы его вины и обстоятельствах совершенного преступления.

Защита в этой ситуации тщательно исследует следующие важные вопросы:

1. Насколько безупречны и качественны источники доказательств, положенные следствием в основу обвинения?
2. Уделено ли внимание личности подсудимого, его нравственному облику.
3. Правильно ли квалифицированы действия подсудимого, и были ли основания у органов предварительного расследования рассматривать его действия иначе?

Этому вопросу следует уделить пристальное внимание, разобраться в нем серьезно, ибо от его решения будет зависеть правовая оценка, законность и обоснованность приговора, его соответствие собранным по делу доказательствам, юридическая безупречность.

Так, Скворцов и Жилкин обвинялись в совершении разбойного нападения на Белозерова и Заламаеву при следующих обстоятельствах: около 18 ч. обвиняемые, вооружившись пистолетом и топором, остановили машину, на которой ехали потерпевшие, после чего, угрожая расправой, забрали у них золотые изделия на общую сумму свыше 500 долл. США.

---

¹ Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула. Д. № 1-675.

В процессе расследования Жилкин свою вину признал полностью, а Скворцов от дачи показаний отказался.

В судебном заседании оба подсудимых свою вину не признали, а в кассационной жалобе указали, что при расследовании и судебном рассмотрении уголовного дела не были учтены некоторые, на их взгляд, важные обстоятельства совершения преступления.

В кассационной инстанции действительно ряд обстоятельств не подтвердился, поэтому в своем определении суд кассационной инстанции указал, что действия подсудимого Скворцова следует квалифицировать по п. «б», «г» ч. 2 ст. 162 УК РФ – разбой, т.е. нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, с угрозой применения такого насилия, совершенный неоднократно, с применением предметов, использованных в качестве оружия, действия Жилкина – по ст. 213 УК РФ – грубое нарушение общественного порядка, сопровождавшееся применением насилия к гражданам либо угрозой его применения, совершенное с применением предметов, используемых в качестве оружия.

При этом суд исключил из обвинения признаки: «группой лиц по предварительному сговору» и «лицом ранее два раза судимым за хищения», как не установленные в ходе судебного заседания¹.

3. Данные предварительного расследования в суде не подтверждаются. Такая ситуация складывается чаще всего при неполноте предварительного следствия либо когда суд придет к выводу, что подсудимый совершил иное преступление (предусмотренное другой статьей УК РФ).

В этих ситуациях сегодняшние условия, при которых осуществляется судебное разбирательство, создают, на наш взгляд, серьезные ограничения для отправления правосудия и решения задач уголовного судопроизводства.

Так, до 1999 г. суд имел право возвращать дело на дополнительное расследование по основаниям, указанным в ст. 232 УПК РСФСР.

Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 20.04.1999 г. Указал: «...Положения п. 1 и 3 ст. 232 и ч. 1 ст. 258 УПК РСФСР, как возлагающие на суд обязанность в случае невозможности в судебном заседании неполноты расследования, а также при наличии оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении, признать несоответствующими Конституции РФ»².

---

¹ Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула. Д. № 1-762/97.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 1999 г. по делу о проверке конституционности положений п. 1 и 3 ч. 1, ст. 232, ч. 4 ст. 248 и ч. 1 ст. 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 17. – Ст. 2205.

Данное постановление было совершенно оправданным и продиктовано принципом состязательности, в соответствии с которым суд не вправе брать на себя функции обвинения и уголовного преследования.

Тем не менее в этом же постановлении Конституционный Суд предусмотрел норму, в соответствии с которой суд имел право возвращать уголовное дело на дополнительное расследование по мотивам неполноты произведенного дознания или предварительного следствия, если имелись об этом ходатайства сторон¹. Тем самым Конституционный Суд РФ давал возможность сторонам (обвинению и защите) самим, с учетом исследованных в суде материалов, решать вопрос о возможности возвращения уголовного дела на дополнительное расследование. При этом Конституционный Суд РФ указал, что «с точки зрения интересов защиты возвращение дела для производства дополнительного расследования в таких случаях не является необходимым, поскольку при полной или частичной недоказанности, а также сомнительности обвинения защита вправе рассчитывать на признание подсудимого виновным в менее тяжком преступлении, чем ему вменяли органы расследования...»².

Обобщение практики свидетельствует о том, что в суде всегда возникали и продолжают возникать ситуации, в которых получение новых данных не представляет особой сложности, но эти данные не могут быть положены в основу приговора, пока не приобретут статус доказательств в процессе предварительного расследования.

Примером может служить дело в отношении Шмелева А.Г., обвинявшегося по ч. 2 ст. 145 УК РСФСР (грабеж). В ходе судебного заседания при выяснении личности подсудимого Шмелев заявил, что он Андрей, а обвинение предъявлено Алексею. У него есть родной брат Алексей, который был ранее судим. Хотя в деле и имелась дактилоскопическая карта с отпечатками пальцев и ладоней, принадлежащих якобы Шмелеву Алексею, суд в своем определении указал, что она не может являться документом, удостоверяющим личность подсудимого, а других документов (паспорта, формы № 1 и т.д.) в деле нет. На основании чего суд не мог в судебном заседании достоверно уточнить личность подсудимого, поэтому дело направил для производства дополнительного расследования³.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ, принятый Государственной Думой 22.10.2001 г., вообще исключает возможность направления дела судом на дополнительное расследование в стадии судебного разбирательства. Такой подход законодателя, полагаем, ставит практические органы в затруднительное положение, т.к. суд вынужден рассматривать уголовное дело в рамках предъявленного обвинения даже тогда, когда всем будет ясно, что преступление имело место, но по различным причинам те или иные обстоя-

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Архив Железнодорожного районного суда г. Барнаула. Д. № 1-271/97.

тельства не нашли своего подтверждения в судебном заседании (даже в том случае, когда следует квалифицировать деяние как более тяжкое, например с кражи на грабеж), либо вынужден прекращать уголовное дело.

Всем понятна позиция законодателя, но возникает вопрос – почему потерпевшие должны страдать за огрехи органов, осуществляющих уголовное преследование?

В связи с чем следует согласиться с мнением Ю.В. Корневского, считающего, что «при существующей сейчас в России структуре уголовного судопроизводства, когда судебному разбирательству предшествует предварительное расследование, в задачи которого входит всестороннее и полное исследование обстоятельств дела, обойтись без института направления дела на дополнительное расследование вряд ли возможно»¹.

Это подтверждают и проведенные исследования. Так, из 50 опрошенных судей районных народных судов Алтайского края 47 отрицательно относятся к ограничению своих процессуальных полномочий (94%), а из 30 опрошенных судей – членов Президиума и коллегии по уголовным делам Алтайского краевого суда – 26 человек (86,7%) также отрицательно высказались против нововведения и отметили появившиеся проблемы в процессе принятия решений, в т.ч. при кассационном и надзорном пересмотре уголовных дел².

Разрешая указанную проблему, М.Е. Пучковская предложила предусмотреть в нормах УПК РФ «право сторон ходатайствовать о возвращении дел на дополнительное расследование и, соответственно, обязанность суда разъяснять сторонам это право»³.

Полагаем, что приведенная позиция является правильной и нуждается в законодательном закреплении.

Еще одной проблемой судебного разбирательства является проблема неадекватности оценки участниками процесса судебной ситуации. Корни этого мы видим в следующем.

Деятельность суда предполагает одно из требований – дать точную квалификацию преступления. В уголовно-правовой литературе обращено внимание на то, что «в области права квалифицировать – значит выбрать ту правовую норму, которая предусматривает данный случай, иными словами,

---

¹ Корневский Ю.В. Криминалистика для судебного следствия. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2001. – С.97; Гавло В.К., Дудко Н.А. Необходимость совершенствования института возвращения судом уголовных дел на дополнительное расследование // Известия Алтайского государственного университета. – 2001. – № 2 (20). – С. 45-50.

² Гавло В.К., Воронин С.Э. Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде: Учеб. пособие. – Барнаул: БЮИ МВД России, 2000. – С.33.

³ Пучковская М.Е. Исправление судом следственных ошибок на стадии предварительного расследования и при производстве в суде I инстанции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2004. – С. 24.

подвести этот случай под общее правило»¹. Именно подведение под общее правило поневоле «огрубляет» восприятие действительности, лишает ее массы оттенков, что влечет за собой формализацию деятельности. В этой связи деятельность суда тяготеет к тому, что не всегда выясняется личностный смысл, которым руководствовался совершивший преступление и в котором отражается соотношение мотива деяния и его цели. В этом проявляется так называемая профессиональная деформация, нередко выражающаяся в обвинительном уклоне, в распространении на людей свойств, наблюдаемых у преступников. Ее трагичность заключается в том, что работники правоохранительных органов (к которым относятся и судьи) не осознают зависимости своего сознания и своих оценок от них. Опрошенные нами судьи (около 60%) указали на то, что уже на момент начала судебного разбирательства у них сложилась достаточно твердая позиция в отношении подсудимого, а 40% опрошенных почти определились с видом и размером наказания².

Более ранние исследования, проведенные Ю.М. Грошевым, показали, что на убеждение судьи и принятие им решения основное влияние оказывает фактор доказанности или недоказанности обвинения (более 95% респондентов), в то же время были выделены и другие факторы, такие, как: правосознание судьи, прошлая преступная деятельность или аморальное поведение подсудимого; оценка содеянного в средствах массовой информации и общественным мнением; убедительность позиции государственного обвинителя и защитника и даже поведение подсудимого в суде³.

Нередко это приводит к тому, что подсудимый в судебном разбирательстве не узнает той ситуации, участником которой он является, т.к. его действия содержали иной смысл, нежели тот, который был реконструирован в ходе судебного разбирательства. По нашим данным, в 90% случаев осужденные и их защитники при подаче кассационной жалобы указывали такие основания, как: необоснованность приговора, недостаточное рассмотрение всех обстоятельств дела, игнорирование судом смягчающих обстоятельств и

---

¹ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 1972. – С. 6; Уголовное право. Особенная часть / Под ред. А.И. Рарога. – М., 1997. – С. 9-13; Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под ред. Б.В. Здравомыслова. – М., 1996. – С. 12-15.

² Такое положение подтверждается и другими исследованиями. Так, по данным А.Ю. Корчагина, в 86% случаев судьи предварительно соглашались с выводами следствия в целом и строят свои версии о событии и его отдельных обстоятельствах исходя из этого. См.: Корчагин А.Ю. Судебное разбирательство уголовных дел: понятие, организация, тактика. – М., 2006. – С. 87; Морщакова Т.Г. Теоретические основы оценки качества организации правосудия по уголовным делам (процессуальные, статистические и социологические аспекты): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1988. – С. 17.

³ Грошевой Ю.М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. – Харьков, 1975. – С. 28.

т.д. В конечном счете это ведет к тому, что осужденные не убеждены в справедливости оценки, данной на суде, а значит, и в наказании. Следовательно, индивидуальный опыт как бы подготавливает осужденного к негативному восприятию морального и нормативного сознания сообщества, складывающегося в местах лишения свободы.

Эту проблему, полагаем, может преодолеть суд присяжных, возродившийся в России как альтернативное судопроизводство с 1993 г. Анализ научной литературы и судебно-следственной практики показывает, что суд присяжных является определенным компромиссом между формальными нормами общества, закрепленными в законе, и социальными представлениями о их справедливости в обыденном сознании¹.

Суд присяжных примечателен тем, что двенадцать представителей народа самостоятельно решают вопрос о виновности подсудимого, а представители обвинения и защиты стараются доказать присяжным заседателям виновность или невиновность подсудимого. Так как это обычные люди, оценивающие деяние с позиции «суда улицы», то и обвинение, и защита обращаются в первую очередь не к проблеме квалификации, и даже не к анализу изобличающих или оправдывающих доказательств, а к обрисовке побудительных причин, толкнувших человека к нарушению закона. Поэтому разворачиваемая перед присяжными картина «внутренней» жизни подсудимого помогает им понять побудительные силы поступка, а принимаемое ими решение отвечает и представлениям подсудимого о том же. В соответствии с чем ему уже труднее противиться решению суда как несправедливому.

При вынесении «вердикта» присяжные заседатели оценивают ситуацию совсем по-другому, нежели профессиональные судьи, и даже не так, как народные заседатели, мнение которых зачастую совпадает с мнением судьи. В их оценке лежит иная ценностно-смысловая структура восприятия ситуации. В частности, основное значение имеет внешний облик прокурора, защитника, подсудимого и других участников, а также их речь и поведение во время судебного разбирательства. Это подтверждают и исследования, проведенные Н.А. Яновой по заказу Алтайской краевой прокуратуры. Они показали, что основными смыслообразующими критериями восприятия прокурора присяжными являются следующие факторы:

- 1) профессионализм, поведение и внешние признаки;
- 2) осмотрительность в поведении;
- 3) волевой характер и прямота в общении;
- 4) восприятие убежденности прокурора в правоте;
- 5) активность в позиции;

---

¹ Суд присяжных: Пособие для судей. – М., 1994; Пашин С.А. Судебная реформа и суд присяжных. – М., 1995; Радутная Н.В. Зачем нам нужен суд присяжных. – М., 1995; Немьтина М.В. Российский суд присяжных: Учеб.-метод. пособие. – М., 1995 и др.

б) умение быть интересным.

Главными же факторами обыденного сознания в восприятии присяжных являются первый и четвертый¹. Причем для присяжных в фактор «успешности» (доверия) вошли не только профессионально значимые качества, отражающие объективность и справедливость обвинителя, но и внешние характеристики поведения, связанные с умением расположить к себе (симпатичность, обаятельность, интересность), и антропометрический показатель – рост. Прокурор высокого роста характеризуется присяжными принципиальностью, объективностью, но при этом не является чистосердечным. Таким образом, можно сделать вывод, что присяжные заседатели подсознательно проецируют внешние поведенческие характеристики на данные профессиональные качества и могут подменять одни другими². Это необходимо учитывать всем участникам судебного разбирательства (прокурору, защитнику и т.д.). В связи с чем возникает вопрос о необходимости разработки методических и тактических рекомендаций для судебного разбирательства с учетом конкретных ситуаций и включения их в предмет криминалистики.

Развитие судебно-криминалистических ситуаций происходит и на иных стадиях уголовного судопроизводства. На этих стадиях фактически продолжается защита участниками судебного разбирательства своих интересов в новых процессуальных условиях³. Этим обстоятельством во многом обусловлено единство целей и задач осуществляемой деятельности на стадиях **апелляционного, кассационного и надзорного производства**. Включение в ч. 4 ст. 377 УПК РФ нормы о том, что при рассмотрении дела в кассационном порядке суд вправе (по ходатайству стороны) непосредственно исследовать доказательства по правилам судебного следствия в суде первой инстанции (гл. 37 УПК РФ), позволяет констатировать вывод о фактическом тождестве апелляционного и кассационного порядка рассмотрения жалоб (представлений) участников уголовного процесса.

Хотя порядок производства в указанных стадиях во многом схож с порядком рассмотрения дел в суде 1 инстанции, при анализе судебно-криминалистических ситуаций, характерных для этих стадий, необходимо

---

¹ Янова Н.А. Социальный имидж прокурора в стереотипах обыденного сознания коллегии присяжных: Автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Барнаул, 1999. – С. 16.

² Там же. – С. 16-17.

³ По данным Верховного Суда РФ в 2006 г. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ по жалобам и представлениям было изучено 3062 дела (в 2005 г. – 3090), из них по 1188 делам (38,8%) отказано в удовлетворении надзорных жалоб (в 2005 г. – по 1520), по 1874 делам (61,2%) возбуждены надзорные производства (в 2005 г. – 1570) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2006. – № 12. – С. 17.

учитывать имеющиеся отличия не только в процессуальной форме, но и в тактике и методике судебного разбирательства¹.

Основанием к рассмотрению дела вышестоящим судом является принесенная участником уголовного судопроизводства, указанным в законе, жалоба (представление), в которой ставится под сомнение правосудность вынесенного нижестоящим судом решения, а также приводятся соответствующие доводы (мотивы). Именно учитывая этот критерий, полагаем, все судебно-криминалистические ситуации в рамках их судебного рассмотрения, присущие вышеназванным стадиям, можно подразделить на три:

1. Судебно-криминалистическая ситуация, в которой информация, изложенная в жалобе (представлении) в суде вышестоящей инстанции не находит своего подтверждения.

2. Судебно-криминалистическая ситуация, в которой информация, изложенная в жалобе (представлении) в суде вышестоящей инстанции находит свое подтверждение полностью.

3. Судебно-криминалистическая ситуация, в которой информация, изложенная в жалобе (представлении) в суде вышестоящей инстанции находит свое подтверждение частично.

Не останавливаясь подробно на решениях выделенных ситуаций, т.к. они во многом схожи с рассмотренными выше ситуациями судебного следствия в суде 1 инстанции, проанализируем лишь особенности, присущие этим ситуациям, а также итоговые решения, которые может принять вышестоящий суд.

Для всех анализируемых ситуаций характерно то, что инициаторы обжалования приговора и их представители могут представить в суд вышестоящей инстанции новые (дополнительные) материалы как до, так и во время рассмотрения дела (ч. 3 ст. 363, ч. 5 ст. 377, п. 3 ч. 2 ст. 404 УПК РФ). В интересах всей проверки материалы могут быть затребованы и самой апелляционной (ч. 1 ст. 364 УПК РФ) или кассационной (ч. 6 ст. 377 УПК РФ) инстанцией. Если дополнительные материалы представлены сторонами, они должны доказать суду кассационной инстанции невозможность их своевременного представления и исследования в суде 1 инстанции.

Следует отметить, что если при рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции возможно проведение судебных (следственных) действий, направленных на получение новых доказательств, то в кассационной и надзорной инстанциях производство таких действий недопустимо.

Назначение новых материалов состоит в дополнительном подтверждении наличия или отсутствия в деле оснований для отмены обжалованных судебных решений. Представленные материалы должны оцениваться судом только в совокупности с другими, уже имеющимися, доказательствами и материалами дела (ч. 7 ст. 377 УПК РФ).

---

¹ См., напр.: Ковтун Н.Н., Подшибякин А.С. Производство в суде надзорной инстанции: Вопросов больше, чем ответов // Рос. судья. – 2002. – № 9. – С. 15-22.

Таким образом, можно констатировать, что в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях суду приходится сталкиваться как с ретроспективным, так и перспективным моделированием ситуаций (криминальной, криминалистической, судебно-криминалистической). Однако, если в апелляционном производстве суд и участники процесса могут более активно влиять на развитие сложившейся ситуации путем заявления ходатайства, вызова новых свидетелей, производства судебной экспертизы об истребовании вещественных доказательств и документов, в исследовании которых им было отказано судом первой инстанции (ч. 5 ст. 365 УПК РФ), то в кассационной и надзорной инстанциях как суд, так и участники процесса ограничены в своих действиях (ст. 377 и 407 УПК РФ) нормами закона.

В судебно-криминалистической ситуации, когда информация, изложенная в жалобе (представлении) в суде вышестоящей инстанции, не находит своего подтверждения, суд выносит решение, в котором оставляет предыдущее судебное решение без изменения, а жалобы или представления – без удовлетворения (ч. 3 ст. 367, ч. 1 ст. 378, ч. 1 ст. 408 УПК РФ).

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев в судебном заседании уголовное дело по кассационным жалобам осужденных Тарлыкова О.А., Газенбуша О.В., Мануйлова Е.Д. и их защитников на приговор суда присяжных Алтайского краевого суда, установила следующее: при обстоятельствах, указанных в приговоре, осужденные признаны виновными в создании устойчивой вооруженной группы (банды) и участии в совершаемых ею нападениях. Кроме того, все трое признаны виновными в убийстве директора птицефабрики «Молодежная» Сироты М.М.¹

В кассационных жалобах указывалось на незаконность приговора ввиду того, что он был постановлен на недопустимых доказательствах, в т.ч. противоречивых показаниях свидетелей, фальсифицированных доказательствах следствия, грубых нарушениях уголовно-процессуального законодательства в суде и т.д.

При кассационном рассмотрении, проверяя материалы уголовного дела, ни один из доводов, изложенных в кассационных жалобах не нашел своего подтверждения. С учетом этого Судебная коллегия оставила приговор без изменения, а кассационные жалобы без удовлетворения, указав следующее: «наказание осужденным, назначенное в соответствии с требованиями закона, с учетом характера и степени общественной опасности совершенных преступлений, данных о личности виновных, а также обстоятельств дела, является справедливым, и оснований для его смягчения кому-либо из осужденных не имеется»².

При рассмотрении судебно-криминалистических ситуаций, в которых информация, изложенная в жалобе (представлении) в суде вышестоящей инстанции, находит свое подтверждение полностью либо частично, необхо-

---

¹ Обстоятельства дела приводились в работе ранее.

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 июля 2004 г. № 51-004-53сп.

димо обратить внимание на следующие обстоятельства. Как показывает судебно-следственная практика и проведенные исследования, указанные выше ситуации возникают вследствие различного рода ошибок в восприятии ситуаций (криминальных, криминалистических, судебно-криминалистических) субъектами доказывания, ошибок, связанных с ненадлежащим порядком собирания доказательств, а в некоторых случаях и с нарушениями уголовно-процессуального закона.

Суд в таких ситуациях либо отменяет предыдущее (предыдущие) судебное решение (решения), либо изменяет его, а в некоторых случаях и прекращает уголовное дело.

Так, Валимухаметова была осуждена по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ за убийство Ардашировой и Каримовой. Преступление совершено при следующих обстоятельствах. При распитии спиртного между Валимухаметовой, Ардашировой и Каримовой возникла ссора, и Каримова ударила ладонью по голове Валимухаметову, а Аршадьрова толкнула ее. В ответ Валимухаметова ударила ножом Каримову не менее четырех раз и не менее двух в руку, причинив ей телесные повреждения, от которых Каримова скончалась на месте преступления. Затем Валимухаметова догнала убегающую с места происшествия Ардаширову и ножом нанесла ей удары в грудь, поясницу, руку и ногу. В результате причиненных телесных повреждений Аршадьрова также скончалась на месте.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор оставила без изменения.

В надзорной жалобе адвокат Валимухаметовой поставил вопрос о пересмотре судебных решений, считая, что приговор основан на недопустимых доказательствах.

Президиум Верховного Суда РФ отменил судебные решения по следующим обстоятельствам.

Валимухаметова добровольно явилась в РОВД, где прокурор-криминалист составил протокол о ее явке с повинной. Однако в тот же день при допросе в качестве подозреваемой она пояснила, что обстоятельства, о которых она сообщила при явке с повинной, ею надуманы. От дальнейших показаний она отказалась, сославшись на ст. 51 Конституции РФ.

Допрошенная вновь в качестве подозреваемой с участием адвоката Валимухаметова призналась в совершении ею убийства Каримовой и Ардашировой. При проверке показаний на месте преступления она подтвердила свои показания, указала, где конкретно и при каких обстоятельствах совершила убийство двух лиц.

Вместе с тем все показания от подозреваемой Валимухаметовой получены в отсутствие ее законного представителя. Валимухаметова являлась несовершеннолетней, и согласно ст. 48 и ч. 1 ст. 426 УПК РФ законный представитель должен быть допущен к участию в уголовном деле с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве обвиняемого.

Мать осужденной была допущена в качестве законного представителя только спустя несколько дней. В постановлении о допуске к участию в уголовном деле в качестве законного представителя она записала: «С первых

дней задержания моей дочери я и дочь просили допустить меня к следствию. Считаю, что допущена чрезмерно поздно».

Валимухаметова при допросе в качестве обвиняемой и в судебном заседании от данных ранее показаний отказалась, заявив, что убийств не совершала, а признание в убийстве и заявление о явке с повинной сделала под психологическим давлением сотрудников милиции. Что же касается отпечатков пальцев, обнаруженных на бутылке из-под пива, то за два дня до убийства она, ее сестра, Галиев и его брат ходили в тот же лес и тоже пили пиво.

Ни одна из судебных инстанций на это внимание не обратила, вопроса о допустимости первоначально полученных доказательств не обсудила, хотя защита об этом просила.

В связи с этим Президиум отменил приговор суда и определение Судебной коллегии и передал дело на новое судебное рассмотрение в тот же суд в ином составе судей¹.

В этой и подобных ситуациях достаточно хорошо видно, что на стадии предварительного расследования были допущены ошибки, связанные с собиранием доказательств, а также не были опровергнуты показания подозреваемой. Органы, осуществляющие предварительное расследование, оценив криминальную ситуацию, не установили все элементы криминалистической характеристики преступления. Не были точно поставлены цели и задачи, т.к. не была уяснена криминалистическая ситуация. В результате криминалистическая ситуация на этапе окончания предварительного расследования разрешена не была.

В судебном заседании ситуация усугубилась, приобрела более проблемный характер. В частности, суд не исследовал вопрос о допустимости ряда доказательств (показаний Валимухаметовой, данные в качестве подозреваемой и при проверке показаний на месте, а также явки с повинной), как того требует ст. 75 УПК РФ, которая гласит, что недопустимые доказательства не могут быть положены в основу обвинения, а также использованы для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Те же самые ошибки повторились при рассмотрении дела в кассационной инстанции, которая, как и суд 1 инстанции, сложившуюся криминалистическую ситуацию, переросшую к тому времени в судебно-криминалистическую, не разрешила.

Следствием этого явилась надзорная жалоба адвоката, рассмотрение уголовного дела в порядке надзора и отмена предыдущих судебных решений.

Полагаем, такого развития событий можно было избежать, если бы на каждой стадии уголовного процесса субъекты доказывания осуществляли свою деятельность, имея в своем арсенале соответствующие рекомендации по разрешению конкретных криминалистических ситуаций, позволяющие прогнозировать будущий результат. Работа в этом направлении нам кажется достаточно перспективной.

---

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 489п04 по делу Валимухаметовой.

Реализация вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда, а также разрешение судом вопросов, возникающих как при обращении их к исполнению, так и в ходе исполнения приговора, является специфической задачей обязательной завершающей стадии уголовного судопроизводства – **стадии исполнения приговора**.

Начальным моментом этой стадии является вступление приговора (определения или постановления суда) в законную силу. Конечным моментом – исполнение наказания по приговору (либо определения, либо постановления суда). Протяженность во времени данной стадии по каждому уголовному делу индивидуальна и зависит от срока наказания, его вида и решений, принятых судом во время исполнения приговора.

Непосредственно исполнению приговора предшествует самостоятельная часть – обращение приговора к исполнению (ст. 393 УПК РФ), в ходе которой применение рекомендаций, разработанных криминалистикой, полагаем, не требуется.

В то же время с учетом специфических черт, присущих указанной стадии, и вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора, можно, на наш взгляд, выделить следующие судебно-криминалистические ситуации.

1. Судебно-криминалистические ситуации, возникающие при рассмотрении вопросов в суде, постановившем приговор (ч. 1 ст. 396 УПК РФ).

2. Судебно-криминалистические ситуации, возникающие при рассмотрении вопросов в суде, по месту отбывания наказания осужденным (ч. 3 ст. 396 УПК РФ).

3. Судебно-криминалистические ситуации, возникающие при рассмотрении вопросов в суде, по месту жительства осужденного (ч. 4 ст. 396 УПК РФ).

Каждая из трех ситуаций, в свою очередь, может быть подразделена на более частные:

- с учетом этапов рассмотрения;
- с учетом вопросов, подлежащих рассмотрению;
- а также участников, по чьей инициативе вынесен вопрос, подлежащий рассмотрению.

Возможны и другие основания классификации.

Разрешение указанных выше ситуаций происходит в рамках судебного заседания, порядок которого определен в ст. 399 УПК РФ. Следует отметить, что в судебном заседании исследуются представленные материалы, заслушиваются объяснения лиц, явившихся на судебное заседание, мнение прокурора. В случае когда в судебном заседании участвует осужденный, он вправе знакомиться с представленными в суд материалами, участвовать в их рассмотрении, заявлять отводы, ходатайства и отводы, давать объяснения, представлять документы.

Полагаем, что при осуществлении своей деятельности на этом этапе субъектам успешно можно использовать криминалистические рекомендации по разрешению ситуаций, описанных выше, с учетом особенностей, характерных для стадии исполнения приговора. Кроме того, в соответствии

со ст. 401 УПК РФ на постановление суда, вынесенное при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, могут быть поданы жалоба или представление в кассационном порядке, установленном гл. 45 УПК РФ (для которого характерны свои судебно-криминалистические ситуации). Исследования в этом направлении нам представляются достаточно перспективными, тем более что первые такие попытки уже предпринимаются¹.

Завершающей (исключительной) стадией уголовного процесса является **стадия возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств**. Несмотря на специфичность, ей также присуща ситуационность, что позволяет успешно применять рекомендации по выявлению и разрешению криминалистических ситуаций.

Так, для этапа возбуждения производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (ст. 415 УПК РФ) можно использовать рекомендации по моделированию криминальных ситуаций, а также разрешению криминалистических ситуаций, характерных для стадии предварительного расследования.

Что же касается порядка разрешения судом вопроса о возобновлении производства по делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (ст. 417 УПК РФ), то здесь вполне подойдут рекомендации по разрешению судебно-криминалистических ситуаций (в частности, на стадии производства в надзорной инстанции).

В зависимости от установления (доказанности) в суде новых или вновь открывшихся обстоятельств можно выделить две ситуации:

1. Материалы, изложенные в заключении прокурора, нашли подтверждение в суде.
2. Материалы, изложенные в заключении прокурора, не нашли подтверждения в суде.

В первом случае суд, рассмотрев заключение прокурора, принимает решение о его отклонении (п. 3 ст. 418 УПК РФ). Во втором случае – отменяет приговор, определение или постановление суда и передает уголовное дело для производства нового судебного разбирательства (цикл судебно-криминалистических ситуаций повторяется) либо отменяет приговор, определение или постановление суда и прекращает уголовное дело (п. 1 ст. 418 УПК РФ).

Рассмотрев динамику судебно-криминалистических ситуаций на различных стадиях уголовного судопроизводства, можно сделать вывод о том, что ситуационный подход позволяет полно и всесторонне исследовать ситуации, складывающиеся на судебных стадиях уголовного судопроизводства с учетом их этапов и инстанций. Сами же судебно-криминалистические ситуации играют системообразующую роль в деятельности субъектов дознания, что способствует рациональному решению разнообразных прикладных задач криминалистическими средствами, приемами и методами.

---

¹ См.: Алексеев А.Г. Вопросы теории и практики заявления, рассмотрения и разрешения ходатайств в уголовном процессе Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2005. – С. 20-21.

Общие выводы

1. Проведенное исследование дает основание утверждать, что сегодня в криминалистике все больше обнажаются противоречия, на которые указывал Р.С. Белкин¹, заключающиеся не только в определении предмета науки, ее методологии, но и в ее категориальном аппарате, и только через призму общих закономерностей научного познания, внутренних тенденций развития науки можно понять те преобразования, в которых происходит постижение их сущностных характеристик.

2. Научная дискуссия относительно предмета криминалистики, развернувшаяся в последнее время, свидетельствует о том, что криминалистика претерпевает смену парадигмы, процесс, свойственный всем наукам на определенном этапе, поднимающий их на более высокий уровень развития. Существенным признаком этого является повышение интереса к методологии, логике и философии науки². Криминалистическая наука стремится к более системному переопределению своего предмета, в основе которого лежит системообразующий фактор. В качестве такого системообразующего фактора могут выступать криминалистические (криминальные, оперативно-розыскные, экспертные, следственные, судебные) ситуации, знания о которых пронизывают все разделы криминалистики.

3. Исследуя с этих позиций предмет криминалистики и учитывая опережающее развитие ее теоретических структур и процессов (научная криминалистика) перед практикой по раскрытию, предварительному расследованию и предотвращению преступлений (практическая криминалистика), требуется определить ее систему знаний. В качестве такой криминалистической системы знаний, требующей дальнейшего изучения, выступают: с одной стороны – закономерности проявления механизма подготовки, совершения и сокрытия преступлений (преступная деятельность) с учетом криминальных ситуаций и создание криминалистической характеристики преступлений (преступной деятельности); с другой стороны – закономерности механизмов раскрытия, расследования и предотвращения преступлений и их судебного разбирательства в складывающихся криминалистических ситуациях, познание которых ведет к созданию типовых криминалистических характеристик предварительного расследования и судебного разбирательства преступлений как итоговой деятельности в осуществлении задач уголовного судопроизводства³. Система развивающихся закономерных знаний о

---

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: Изд-во НОРМА, 2001. – С. 14-15.

² Там же. – С. 14.

³ См.: Гавло В.К. Проблемы теории и практика криминалистической методики расследования преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1988. – С. 20; Гавло В.К., Ким Д.В. Историко-системный подход как метод познания криминалистической науки // Стабильность и динамизм общественных отношений в Российской Федерации: правовые аспекты: материалы Всерос. науч. конф. / Отв. ред. В.Я. Музыкин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 399.

них позволяет разрабатывать на их основе более совершенные технические, тактические и методические рекомендации по эффективному обнаружению, фиксации, изъятию и использованию доказательств на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства в складывающихся криминалистических ситуациях, как того требует УПК РФ.

4. Поскольку криминалистическая методика учитывает рекомендации криминалистической техники и тактики с присущими им ситуациями и приспособливает их для разработки методов расследования отдельных видов и групп преступлений, то целесообразно вести речь о разработке полноструктурной криминалистической методики, которая выступает как специфическая информационно-познавательная система в деятельности по решению задач уголовного судопроизводства, рассчитанная на определенные ситуации досудебного и судебного производств.

5. Криминалистической деятельности присуща ситуационная природа, поэтому можно утверждать, что системообразующим фактором предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел являются криминалистические ситуации, что, в свою очередь, способствует рациональному решению разнообразных прикладных задач криминалистическими приемами, средствами и методами.

6. За понятием «криминалистическая ситуация» стоит не комплекс завязанных в систему элементов «объективной действительности» и не субъективный фактор. Криминалистическая ситуация – это сложная динамическая система, возникающая при взаимодействии субъекта, осуществляющего расследование по уголовному делу, со средой, тем окружающим миром, в котором эта деятельность осуществляется. Криминалистическая ситуация отличается от «среды», от всей окружающей субъекта доказывания «действительности», «объективной реальности» тем, что для описания последних достаточно четырех координат – три пространственных координаты и время. Криминалистическая ситуация же включает в себя еще как минимум три субъективных координаты – значение, смысл и ценность.

7. С учетом этого структура криминалистической ситуации может быть представлена в виде двух тесно взаимосвязанных составляющих (характеристик). Первой составляющей является так называемая логико-формальная (формализованная) структура криминалистической ситуации, которая отражает природную (вне и независимо от субъекта доказывания существующую) взаимосвязь предметов и явлений. Помимо этой составляющей, ориентируясь на достижения современной психологии, можно выделить неформальную, ценностно-смысловую структуру криминалистической ситуации, в которой как сами элементы (объективные обстоятельства по уголовному делу), так и их взаимосвязь оказываются детерминированными значениями, смыслами и ценностями, которые они имеют для субъекта доказывания.

8. Многообразие криминалистических ситуаций с учетом этапов и задач уголовного судопроизводства требует их классификации по различным основаниям, среди которых целесообразно выделить:

- в зависимости от уровня познания: а) типовые; б) индивидуальные (в свою очередь индивидуальные можно подразделить на типичные и атипичные);

- с учетом роли составляющих компонентов: а) ситуации с элементами тактического риска; б) ситуации с элементами организационной неупорядоченности; в) ситуации с элементами конфликтности;

- в зависимости от разделов науки криминалистики: а) ситуации технического характера; б) ситуации тактического характера; в) ситуации методического характера;

- с учетом мыслительной деятельности: а) репродуктивные (алгоритмические) и б) продуктивные; последние можно подразделить на эвристические и творческие;

- в зависимости от стадий уголовного процесса: а) проверочные ситуации (относящиеся к стадии возбуждения уголовного дела); б) ситуации предварительного расследования; в) ситуации подготовки к судебному заседанию; г) ситуации судебного разбирательства; д) ситуации апелляционного производства; е) ситуации кассационного производства; ж) ситуации исполнения приговора; з) ситуации производства в надзорной инстанции; и) ситуации возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств;

9. На разных этапах расследования преступлений существуют особые закономерности целеобразования, а также формирования смыслов элементов, которые составляют структуру криминалистической ситуации. Если на первоначальном этапе расследования криминалистическая ситуация характеризуется объективированностью процесса целеобразования, т.к. цель задана в законе (предмет доказывания), а субъект доказывания не может установить все обстоятельства дела, то на дальнейших этапах расследования на ее формирование оказывают решающее влияние субъективные факторы (опыт, установки, знания, умения и т.д.). Вышесказанное позволяет рассматривать деятельность субъекта доказывания не только с учетом целей, действий, операций, но и личностного смысла, который элементы криминалистической ситуации для него имеют.

10. От криминалистической ситуации следует отличать оперативно-розыскную ситуацию – сложную динамическую систему информационного характера, возникающую в деятельности субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность и влияющую на дальнейшую организацию этой деятельности в целях решения задач, стоящих перед оперативными аппаратами, путем применения ими специальных средств, приемов и методов. При всей схожести с криминалистической ситуаций она имеет и свои существенные отличия.

Во-первых, она возникает в деятельности специальных субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, во многом отличающуюся от уголовно-процессуальной деятельности субъектов доказывания.

Во-вторых, в отличие от субъектов доказывания, которые свою деятельность осуществляют в соответствии с уголовно-процессуальным законом гласно, субъекты оперативно-розыскной деятельности руководствуются Законом об ОРД, ведомственными нормативными актами и применяют в своей работе как гласные, так и негласные средства, приемы и методы.

В-третьих, в отличие от целей, стоящих перед субъектами доказывания в рамках уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), основной целью субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, является непосредственное выявление и использование фактических данных, необходимых для решения задач, указанных в ст. 2 Закона об ОРД.

В-четвертых, с учетом указанных выше отличий восприятие окружающей действительности субъектами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, отличается от восприятия этой же действительности субъектами доказывания. В связи с чем следует говорить о совершенно иной природе возникновения и развития оперативно-розыскной ситуации в отличие от криминалистической (следственной) и, как следствие, о ином характере криминалистически значимой информации.

11. Основные принципы методики расследования отдельных видов (групп) преступлений должны строиться на знании закономерностей информационной структуры криминалистической ситуации, что позволит оптимизировать процесс раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. В связи с чем утверждается необходимость дальнейшей разработки компьютерного обеспечения поддержки принятия тактических решений на основе автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС).

12. Отмечается, что тенденции развития криминалистической науки относительно своего предмета, ситуационная природа судебного производства, объективная потребность судей в рекомендациях тактического и методического характера обуславливают активизацию исследований в области судебных ситуаций. При этом основной задачей ситуационного подхода на судебных стадиях уголовного процесса является типизация судебных ситуаций и создание алгоритмов их разрешения.

13. Сформулированные выводы и положения могут оказаться полезными для дальнейших теоретических исследований и использоваться в практической деятельности правоохранительных органов и в процессе обучения студентов, курсантов и слушателей юридических вузов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Развитие криминалистического познания о расследуемом событии преступления и криминалистической ситуации	5
1.1. Закономерности научного познания и их преломление в исследованиях предмета криминалистики и ее криминалистических ситуаций.....	5
1.2. Методологические основания возникновения и тенденции развития криминалистических ситуаций в криминалистике	27
1.3. Содержательные характеристики криминалистических ситуаций.....	49
1.4. Типология криминалистических ситуаций.....	61
Глава 2. Особенности разрешения криминалистических ситуаций в оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности	79
2.1. Оперативно-розыскные ситуации в раскрытии, расследовании и предотвращении преступлений	79
2.2. Возникновение и функционирование криминалистических ситуаций и тактико-методические аспекты их разрешения на досудебных стадиях уголовного процесса.....	105
2.3. Возникновение и функционирование криминалистических ситуаций и тактико-методические аспекты их разрешения на судебных стадиях уголовного процесса.....	145
Общие выводы	191

